

ББК 85.5
П47

*Работа выполнена при финансовой поддержке
РГНФ – грант №08-06-00198-а*

Позняков В. П., Хромова В.Л.
П47 Социально-психологическое исследование отношения к
табакокурению / монография. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та,
2010. — 190 с.

ISBN

ББК

ISBN

© Позняков В. П. 2010

ББК 85.5

Работа выполнена при финансовой поддержке
РГНФ - Грант № 08-06=00464а

Позняков В. П., Хромова В.Л.

П47 Социально-психологическое исследование отношения к
табакокурению / монография. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та,
2010. — 190 с.

ISBN

В монографии представлены результаты исследования социально-психологических особенностей отношения к табакокурению у курящих и некурящих мужчин и женщин на основе концепции психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности. Психологические отношения к табакокурению исследованы комплексно, во взаимосвязи когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов. Психологические отношения к курению отдельных личностей как индивидуальных субъектов этих отношений анализируются во взаимосвязи с межличностными отношениями, возникающими между курящими и некурящими людьми в условиях совместной жизнедеятельности. На межгрупповом уровне анализа исследованы особенности взаимоотношений между людьми, обусловленные их принадлежностью к социальным группам, определяемым одновременно по двум критериям: принадлежности к группам курящих либо некурящих людей и к группам мужчин или женщин.

Научная новизна результатов исследования состоит в том, что впервые в российской психологической науке феномен психологических отношений (на примере отношения к табакокурению) исследуется комплексно, на трех уровнях анализа: психологических отношений личности, межличностных и межгрупповых отношений. Это позволяет конкретизировать научные представления о взаимосвязях психологических феноменов, проявляющихся на разных уровнях совместной жизнедеятельности. В целом результаты проведенного эмпирического исследования, выполненного в рамках концепции психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов в условиях совместной жизнедеятельности, показывают перспективность использования данной концепции для исследования конкретных видов психологических отношений человека. Результаты исследования могут быть использованы при разработке программ и организации мероприятий по борьбе с табакокурением в практической работе психологов, врачей, социальных работников, педагогов, руководителей организаций и предприятий.

ББК

ISBN

© Позняков В. П. 2010

Введение

Актуальность исследования. Табакокурение, обоснованно рассматриваемое в медицинской науке как чрезвычайно вредная для здоровья привычка, в настоящее время широко распространено среди населения России. В нашей стране курят примерно 60 % мужчин и 40 % женщин в более молодой возрастной группе. Это наносит серьезный вред здоровью и социальному благополучию россиян. Борьба с курением на государственном уровне ознаменовалась принятием Федерального закона Российской Федерации от 10 июля 2001 г. N 87-ФЗ «Об ограничении курения табака». В нем предусматриваются такие меры борьбы, как запрет курения на рабочих местах, ограничения в продаже сигарет, особо выделяется необходимость ведения широкой пропаганды знаний о вреде табака.

Возникнув изначально как медицинская, проблема борьбы с табакокурением давно уже перешла в разряд междисциплинарных проблем. Для повышения эффективности этой борьбы необходимо использовать современный уровень научных исследований, который дает возможность создания более сложных объяснительных схем и моделей вовлеченности в курение. В последнее время возрастает интерес исследователей к психологическим аспектам проблемы табакокурения.

Относительно хорошая общественная осведомленность о вреде курения, использование его как ритуала в процессах общения, неоднозначность мнений и оценок по поводу него, присутствующих в обыденной жизни, являются аргументами в пользу того, что определенные аспекты данного явления по праву могут быть отнесены к сфере компетенции социальной психологии.

В зарубежных социально-психологических исследованиях курения, по нашему мнению, выделяются два основных направления. В традициях первого, более обширного - изучение начала, инициации курения у подростков. Здесь рассматривалось влияние таких факторов приобщения к

курению, как микросоциальное окружение (Brook et al., 1983; Saucier, Ambert, 1983; Nil et al., 1982; Sheehan, 1983), личностно-психологические особенности (Gendreau, 1985; Lawrance, 1985; Penny, Robinson, 1986; Hughes et al., 1986; Nil et al., 1982; Kaprio, Koskenvuo, 1988; Hughes et al., 1986; Спасова, Тотева, 1986), связь курения с акцентуациями характера (Акчурин, Мостовой, Мостовая, 2002), социальное давление и др. В качестве основного понятия использовалось понятие аттитюда (социальной установки) на курение, включавшее в себя представления о функциях курения, его положительных и отрицательных сторонах, готовность закурить и другие аспекты. В рамках второго направления изучались психологические взаимосвязи курения у взрослых с различными индивидуальными и социально-демографическими характеристиками (McCranie, Kahan, 1986), предпринимались попытки обнаружить факторы, облегчающие и затрудняющие отказ от курения (Tunstall et al., 1985).

Отечественные исследования также представлены в этих двух направлениях. В рамках первого изучались причины и факторы начала курения у подростков (Александрова, 1988, Котова, 2008), значение курения как атрибута общения (Куйдо, 1983), желание бросить у взрослых и необходимые для этого условия (Попова, Власова, Циркин, 2006). В рамках второго - исследовались особенности Я-концепции курящих и некурящих людей (Файвинов, 2003), сравнительные характеристики трудных ситуаций и возникающих состояний психической напряженности у некурящих лиц и курящих с различной интенсивностью (Немцов, 1990); клинико-психологические и личностные особенности курящих и некурящих (Мазур, 1996, Рузмикина, 2008).

Тем не менее, социально-психологические особенности отношения к курению у курящих и некурящих взрослых изучены пока недостаточно. В частности, практически не исследована роль общения и межличностных отношений в среде курящих людей, особенности взаимодействия между курящими и некурящими, групповые образы и стереотипы курящих и

некурящих людей, а также гендерные особенности отношения к курению. Восполняя дефицит отечественных исследований по данной проблеме, настоящее исследование посвящено комплексному изучению отношения к курению у взрослых мужчин и женщин на разных уровнях анализа.

Для того, чтобы более грамотно строить работу по преодолению этого крайне негативного явления, необходимо глубоко и детально проанализировать социально-психологические факторы и механизмы, способствующие и препятствующие вовлечению человека в курение и отказу от него. К числу таких факторов, по нашему мнению, относится сам феномен отношения к курению, имеющий сложную компонентную и уровневую структуру, а также феномены межличностных и межгрупповых отношений как внутри общностей курящих и некурящих людей, так и между представителями этих групп. Необходимо выявить и исследовать социально-психологические факторы, влияющие на отношение к табакокурению и реальное поведение, связанное с курением, определить возможности использования социально-психологических знаний и методов работы с людьми для профилактики курения и борьбы с этим негативным социальным явлением – таковы основные практические ориентиры исследования.

Фундаментальная научная проблема, решаемая в рамках настоящей работы, состоит в развитии теоретических представлений о психологических отношениях личности в условиях совместной жизнедеятельности представителей разных социальных групп. Исходя из таким образом обозначенной проблемы была сформулирована **цель** эмпирического исследования: выявление социально-психологических особенностей отношения к табакокурению у курящих и некурящих мужчин и женщин на основе концепции психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности.

Для достижения указанной цели нами были поставлены следующие теоретические **задачи**. Провести теоретический анализ проблемы психологических отношений и сформулировать авторские теоретические

представления о психологических отношениях личности в условиях совместной жизнедеятельности представителей разных социальных групп. Провести теоретико-методологический анализ исследований социально-психологических аспектов отношения к табакокурению по материалам зарубежной и отечественной психологии. На основе концепции психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности разработать концептуальный подход к исследованию психологического отношения к табакокурению у курящих и некурящих мужчин и женщин.

Методической задачей исследования была разработка программы стандартизованного интервью для изучения различий в отношении к табакокурению у курящих и некурящих мужчин и женщин на личностном, межличностном и межгрупповом уровнях анализа.

В качестве эмпирических задач исследования были поставлены следующие:

1. Исследовать взаимосвязь между отношением к табакокурению и отношением к курящим и некурящим людям.

2. Выявить различия в отношении к табакокурению у курящих и некурящих людей, а также у групп с различным индивидуальным опытом, связанным с табакокурением и оценками жизненных перспектив, связанных с курением.

3. Установить различия в отношении к табакокурению между группами мужчин и женщин.

4. Провести анализ отношения к табакокурению на межличностном уровне и выявить различия в представлениях о функциях курения в межличностном общении и связанных с курением гендерных стереотипах.

5. Выявить социально-перцептивные проявления феноменов межгрупповых отношений: идентификации и социального сравнения, межгрупповой дифференциации, внутригруппового фаворитизма, внешнегрупповой дискриминации применительно к группам курящих и некурящих.

б. Выявить различия в отношении к курящим и некурящим людям в зависимости от пола субъектов и объектов этого отношения и их принадлежности к группам курящих или некурящих.

Объектом эмпирического исследования явились курящие и некурящие взрослые жители г. Москвы и Московской области. На разных этапах эмпирического исследования общий объем выборки составил 343 человека. По половому признаку выборка поровну включала мужчин и женщин. По возрасту выборка характеризовалась сдвигом в сторону более молодого возраста. Группы курящих и некурящих подбирались с соблюдением их однородности по демографическим характеристикам и принадлежности к одной социально-культурной среде. Выборка была разделена на две основные и одну добавочную группу. Первая основная группа исследования - курящие в настоящее время. Вторая основная группа исследования – не курящие в настоящее время и никогда систематически не курившие в прошлом. Добавочную группу составили «бросившие» - респонденты, которые в настоящее время не курят, однако в прошлом у них имелся период, когда они курили систематически. Данные респондентов из добавочной группы учитывались на некоторых этапах обработки данных.

Предметом нашего исследования выступало отношение к табакокурению курящих и некурящих мужчин и женщин на личностном, межличностном и межгрупповом уровнях анализа.

Основное теоретическое предположение (гипотеза) исследования состояло в следующем. У групп, выделенных по критериям пола и курения, обнаруживаются различия в их отношении к табакокурению, обусловленные, с одной стороны, индивидуальным опытом человека (в аспекте курения), а с другой стороны, закономерностями внутригруппового и межгруппового взаимодействия. Данное предположение конкретизировалось в ряде частных гипотез, эмпирическая проверка которых осуществлялась в ходе исследования:

1. Негативное отношение к курению как явлению переносится на отношение к курящим людям. Выраженность, уровень негативного отношения к курению прямо влияет на уровень негативного отношения к курящим людям.

2. Отношение к курению (и курящим людям) в целом негативнее у некурящих людей, чем курящих.

3. В зависимости от поведенческого компонента отношения субъекта к курению (как он оценивает свой прошлый опыт, связанный с курением, какими представляет себе перспективы своей жизнедеятельности, связанные с курением) эмоциональный и когнитивный компоненты обнаруживают сходство с таковыми у группы курящих либо некурящих.

4. Влияние пола субъектов отношения проявляется в более негативном отношении мужчин к курению и курящим людям и более нейтральном - женщин.

5 Влияние пола объектов отношения проявляется в более негативном отношении к курящим женщинам, чем к курящим мужчинам.

6. Женщины придают большее значение аспектам общения в связи с курением, чем мужчины.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют общеметодологические положения комплексного, субъектно-деятельностного и системного подходов (К.А. Абульханова, Б.Г. Ананьев, А.В. Брушлинский, А.Л. Журавлев, Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн, Е.В. Шорохова и др.).

Для решения поставленных задач использовались положения теории психологических отношений человека, разрабатывавшейся в отечественной психологии А.Ф. Лазурским и В.Н. Мясищевым и получившие дальнейшее развитие в работах Б.Ф. Ломова, Е.В. Шороховой, В.А. Зобкова, Н.Н. Обозова, В.П. Познякова, И.Р. Сушкова и др.

Применительно к рассмотрению межгрупповых отношений курящих и некурящих были использованы результаты теоретических и эмпирических

исследований в области психологии межгрупповых взаимоотношений В.С. Агеева, П.Н. Шихирева, В.П. Познякова, И.Р. Сушкова, Г. Тэджфела, Дж. Тернера и др.

В качестве основного инструмента эмпирического исследования использовалась оригинальная методика стандартизированного интервью для выявления отношения к табакокурению. Дополнительно использовалась методика «Цветовой тест отношений» (Е.Ф. Бажин, А.М. Эткинд).

Данные обрабатывались в пакете программ «STATISTICA 6.0». При первичной обработке данных рассчитывались дескриптивные статистики (среднее, медиана, процентное распределение). Использовались следующие методы математического анализа: матрицы корреляции признаков, t-критерий Стьюдента и U-критерий Манна-Уитни для выявления различий на двух независимых группах, критерий ранговой корреляции Спирмена, G-критерий знаков, факторный анализ.

Монография состоит из трех глав. В первой главе, написанной В.П. Позняковым, дается историко-теоретический анализ проблемы психологических отношений в социальной психологии и излагаются основные положения авторской концепции психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности. Вторая и третья главы написаны совместно В.П. Позняковым и В.Л. Хромовой. Во второй главе представлена процедура разработки и описание программы и методик эмпирического исследования. Текст опросника дается в приложении. В третьей главе излагаются результаты эмпирического исследования и их анализа.

Глава 1. Концепция психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности

1.1. Психологические отношения как предмет исследования

Понятие отношения в общей и социальной психологии. Понятие психологических отношений человека, первоначально введенное в систему теоретических представлений как общепсихологическое понятие, в течение последних десятилетий приобрело статус одной из основных категорий психологической науки. В этой связи актуальной теоретической задачей представляется изложение системы авторских представлений о содержании понятия психологических отношений, его связи с системой других базовых категорий психологической науки, эмпирических референтах и методах исследования психологических отношений.

Теоретический анализ феномена психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности предполагает рассмотрение содержания центральных понятий, сочетание которых определяет интересующую нас область исследований: понятия отношения (точнее, психологические отношения) и понятия совместная жизнедеятельность, а также понятий субъект совместной жизнедеятельности и субъект психологических отношений.

Понятие "психологические отношения" занимает одно из центральных мест в системе понятий психологической науки. По своему содержанию оно пересекается с такими фундаментальными психологическими категориями как сознание, познание и переживание, личность, общение и деятельность. Оно входит составной частью в определение наиболее важных понятий как общей психологии (характер, направленность), так и социальной психологии (межличностные отношения, социально-психологический климат) (См., например, Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского, 1985, Андреева, 1997, Социальная психология / Под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова, 1979 и др).

Являясь междисциплинарным понятием, используемым целым рядом наук, понятие отношение выполняет важную гносеологическую функцию, позволяя проследить взаимосвязь мира психологических отношений личности с миром объективных связей и отношений, существующих в окружающей действительности, в первую очередь, общественных отношений. Вместе с тем, во многом именно в силу чрезвычайно широкого объема, содержание понятия "психологические отношения", его связь с другими понятиями с трудом поддается однозначному определению.

Как показывают результаты историко-психологического исследования формирования идеи психологических отношений ранние истоки понятия отношение в психологической науке прослеживаются в трех направлениях научного анализа: логико-философской (Аристотель, Дж.Ст. Милль, М.М. Троицкий), биологической (Г. Спенсер, Н.Я. Грот), интроспективно-психологической (И.Ф. Гербарт, Г. Гефдинг, В. Вундт, К. Штумпф, С.Л. Франк). Историко-психологический анализ показывает, что идея отношения довольно быстро приобрела в психологии характер фундаментальной идеи. Она использовалась для описания предмета психологии, сущности психического, применялась в концепциях, авторы которых притязали на создание новой системы психологических взглядов, охватывающей психику вообще, психическое в целом — в концепциях уровня новой психологии (Левченко, 2003).

Подходы отечественных исследователей, пытавшихся в конце XIX — начале XX века найти способы описания психического в наиболее концентрированном виде, реализовались во взглядах М.М. Троицкого, для которого был характерен взгляд на психическое, как на открытую взаимодействию с миром систему, понимание психических отношений как субъектно-объектных. По мнению Е. Левченко именно Троицкий первым из отечественных ученых создал психологическую концепцию, в основу которой положено понимание психических явлений как отношений (Левченко, 2003). Однако в истории психологии отношений его концепция

обособлена от других, автономна; прямые ссылки на нее в работах последователей отсутствуют.

В восходящем к биологии эволюционному подходу Г. Спенсера идея отношения приобретает смысл идеи субъектно-объектной связи, отношения организма к среде, предполагающей рассмотрение нового целого: системы «организм — среда» с позиции стороннего наблюдателя. Н.Я. Грот, отмечая противоречие между наблюдаемой активностью субъектной стороны и ее пассивностью в трактовке Спенсера, определяет отношение сначала как взаимодействие, а затем как деятельность. В.М. Бехтерев, разрабатывая основы рефлексологии, использует понятие «отношение организма к среде», понимая под ним одну из сторон в двустороннем процессе разнообразного взаимодействия организма со средой. В психологической концепции В.М.Бехтерева, предпринята попытка объединения применительно к идее отношения представлений о субъектно-объектной связи и активности отношения: отношение на уровне личности характеризуется активностью и избирательностью (Бехтерев, 1991, 1994).

В работах А.Ф. Лазурского понятие отношение получило более конкретное и детальное психологическое наполнение. А.Ф. Лазурский использовал категорию «отношение» для обозначения активного избирательного приспособления личности к окружающей среде. В качестве синонимов понятия отношение он называет склонность, потребность и интерес. Автор отмечает, что отношения личности могут быть более или менее развитыми, утонченными, дифференцированными, а отсутствие отношения проявляется в равнодушии или безразличии к какому-либо объекту. Отношения проявляются не только в действиях, но и во взглядах, мировоззрениях человека. Совокупность отношений человека составляет одну из сторон его личности – экзопсихику. Объекты отношения, которыми мог интересоваться человек и реагировать на них, понимались А.Ф. Лазурским весьма широко: материальные вещи, социальные группы и другие личности, различные явления душевной жизни и т.д. Концепция

психологических отношений использовалась им для обоснования устойчивой и закономерной связи личности с различными объектами внешней среды (Лазурский, 1997).

Представляют интерес также взгляды М.Я.Басова, которым отношение понималось как связь субъекта и объекта, поддерживаемая взаимной активностью организма и среды. При этом и сама связь, и ее стороны рассматривались им как целостные объекты изучения, а отношение, по сути, отождествлялось с деятельностью субъекта. В понимании развития он опирался на идеи Г.Спенсера о дифференциации и интеграции как основополагающих процессах в ходе эволюции живых систем (Басов, 1931).

Фундаментальный вклад в разработку теории психологических отношений человека внес видный советский психолог В.Н. Мясищев, который дал одно из первых развернутых определений понятия психологические отношения: "Психологические отношения человека в развитом виде представляют целостную систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности. Эта система вытекает из всей истории развития человека, она выражает его личный опыт и внутренне определяет его действия, его переживания" (Мясищев, 1957, с.143).

Разрабатывая категорию "психологические отношения", В.Н. Мясищев первым обратил внимание на сложное, многокомпонентное строение этого психологического феномена и на разнообразие видов психологических отношений. В качестве отдельных сторон (или компонентов) отношений В.Н. Мясищев выделял потребностную или конативную (переживание субъектом тяготения к объекту и активная устремленность к овладению им), эмоциональную (эмоциональное отношение субъекта, его симпатии и антипатии), познавательную (представленную, например, интересом). Рассматривая взаимоотношения между субъектами, В.Н. Мясищев специально выделяет в особый вид оценочные отношения, формирующиеся в связи с этическими, эстетическими, юридическими и другими критериями

оценки поступков и переживаний людей. В качестве специального объекта (В.Н. Мясищев пишет - предмета) отношений выступают различные виды деятельности человека. При этом он различает непосредственное отношение к деятельности, которое определяется отношением к процессу, цели и условиям деятельности, и опосредствованное отношение, определяемое местом ожидаемого результата деятельности в системе целей личности. Это положение имеет принципиальное значение для анализа психологических отношений субъектов совместной жизнедеятельности, поскольку в последнем случае речь идет о выборе (предпочтении) не только тех или иных условий жизнедеятельности, но о выборе ее конкретных способов, видов.

Первым в отечественной психологии В.Н. Мясищев поставил вопрос о связи психологических отношений с основными группами психологических явлений: процессов, состояний и свойств личности. Этот вопрос имеет принципиальное значение для нашего исследования, поскольку именно психологические отношения представляются нам теми психологическими образованиями, которые играют наиболее важную роль в детерминации социального поведения и динамика которых выступает следствием, результатом изменения социальных связей и отношений в обществе. Для психологических отношений характерно сочетание стабильности, устойчивости (по сравнению с психическими процессами и состояниями) и одновременно пластичности, изменчивости (по сравнению с психологическими свойствами). Мы считаем правомерной постановку вопроса о том, что психологические отношения выступают специальным, самостоятельным классом психических явлений.

Давая характеристику понятию отношения, В.Н. Мясищев понимал его как особое состояние сознания личности, предшествующее его поведению (Мясищев, 1960, 1963). На эту сторону понятия отношения обращает внимание Г.М. Андреева: "Отношение, понимаемое "как система временных связей человека как личности - субъекта со всей действительностью или с ее отдельными сторонами" (Мясищев, 1960. С.150), объясняет как раз

направленность будущего поведения личности. Отношение и есть своеобразная *предиспозиция*, предрасположенность к каким-то объектам, которая позволяет ожидать раскрытия себя в реальных актах действия" (Андреева, 1997. С. 282-283).

Начиная с работ В.Н. Мясищева, понятие отношения прочно входит в лексикон отечественной психологической науки. А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский рассматривают систему субъективно-оценочных, сознательно-избирательных отношений к действительности в качестве ее центральной характеристики личности, определяющей характер ее переживаний, особенности восприятия и поведенческих реакций на внешние воздействия (Краткий психологический словарь, 1985. С. 225).

К.К. Платонов также рассматривает отношение как неотъемлемое свойство, атрибут сознания. Однако, наряду с отношением и знанием (у К.К. Платонова - познание) в качестве эмоционального компонента структуры сознания он выделяет переживание. Под термином же отношение, по мнению К.К. Платонова, понимается "активный момент индивидуального сознания, его обратная субъективная связь с отражаемым миром, объективизирующаяся в психомоторике" (Платонов, 1972. С. 94). Автор справедливо указывает, что имеющиеся "определения отношений как психических явлений не дают возможности четко ограничить их от сознания в целом". Однако, утверждая, что "отношение это только один из трех основных компонентов сознания, но не все сознание в целом" К.К. Платонов вместе с тем допускает, что отношение может выступать в единстве с переживанием ("отношение как переживание") или в единстве с познанием ("отношение как знание") (там же, с.95).

Рассматривая соотношение категорий отношение и знание с более общей категорией сознание, некоторые авторы (Петренко, 1988, Селиванов, 1999) отмечают его сходство с соотношением понятий значение и смысл в теории А.Н. Леонтьева (1975). Являясь рядоположными, эти понятия фиксируют различные аспекты анализа индивидуального сознания.

Например, понятие значение прямо связывает содержание сознания с культурно-историческим опытом, фиксированным в языке, тогда как понятие знание как характеристика индивидуального сознания связана не только со знаковой, но и с образной сферой сознания, включающей, например, представления. Понятие отношение подчеркивает роль социально-нормативных оснований оценки объекта отношения, тогда как понятие смысл в большей степени фиксирует именно познавательный аспект этого компонента сознания.

Особое место занимает понятие отношение в диспозиционной концепции личности, развиваемой В.А. Ядовым. В иерархической структуре диспозиций личности, реализующей ее поведение в различных условиях и ситуациях, в качестве одного из уровней автор выделяет социальные фиксированные установки, которые образуются на основе оперирования с отдельными социальными объектами и в разных конкретных ситуациях (Ядов, 1979. С.109). В отличие от элементарных фиксированных установок, которые "лишены модальности (переживание "за" или "против") и не осознаваемы (отсутствуют когнитивные компоненты)" социальные фиксированные установки осознаваемы и обладают сложной структурой, включающей "эмоциональный (или оценочный) когнитивный (рассудочный) и собственно поведенческий (аспект поведенческой готовности)" компоненты. Иными словами, это "аттитюд" или "отношение" по В.Н. Мясищеву, - заключает автор (там же).

Сравнительный анализ содержания понятия психологическое отношение и таких понятий как установка, социальная установка, аттитюд чрезвычайно сложен в силу того, что каждое из них трактуется различными исследователями по-разному. Так, термин социальная установка одними авторами (например, У. Томасом и С. Знанецки) определяется как психологический процесс, связанный с субъективным переживанием социальной ценности объекта, другими (например, - Г. Оллпортом) как состояние психонервной готовности, складывающееся на основе опыта и

оказывающее направляющее и динамическое влияние на реакции индивидов. Различия в трактовке термина социальная установка в западной социальной психологии во многом обусловлены различиями в исходных теоретических подходах. Попытки их эклектического объединения, связанные с выделением различных структурных компонентов социальной установки (видов, функций и т.д.) встречают серьезную и обоснованную критику (см. Андреева, 1997, Шихирев, 1999). Неоднозначность понимания термина "социальная установка" усугубляется тем, что в отечественной психологической науке понятие установки, во многом независимо от традиции исследования "социальных установок" разрабатывается в школе Д.Н. Узнадзе, где оно определяется как состояние готовности к поведению в данной ситуации и для удовлетворения определенной потребности. При этом ни социальные признаки объекта установки, ни осознание содержания самой установки не являются ее обязательными атрибутивными признаками. Поэтому представляется более правильным использовать термин установка для обозначения психологического (а точнее - психофизиологического) состояния готовности субъекта к определенному поведению (в том числе - социальному), а для обозначения содержательных, осознаваемых психологических связей человека с окружающим миром использовать термин отношения.

Избирательный характер психологических отношений личности проявляется не только в избирательной направленности на объекты отношений, но и в реальном поведении, которое часто предполагает выбор субъектом одной из имеющихся альтернатив, связанный, в свою очередь, с процессами предпочтения и отвержения (Тугарева, 1996). Проявляющийся в актах социального поведения личности – социальных действиях и поступках (Шорохова, 2002), этот выбор выступает не только реализацией психологического отношения в поведении, но и способом решения личностью основных проблем ее жизнедеятельности (Абульханова, 1999).

В последние годы в отечественной социальной психологии все более широко используется понятие социальные представления (Емельянова, 2001, 2006), теоретически и эмпирически разрабатываемое в школе французского психолога С. Московичи. По нашему мнению, тот факт, что все три понятия - социальные установки, социальные представления и психологические отношения – интенсивно используются в социальной психологии, связано с тем, что они раскрывают, по преимуществу, различные стороны онтологически единого сознания субъекта: познавательную, эмоциональную и регулятивную.

Завершая краткий теоретический и исторический анализ, подчеркнем общие моменты, которые присутствуют у большинства авторов, оперирующих термином "психологические отношения". Психологические отношения - это феномены или характеристики сознания личности или, если говорить более точно, осознаваемые психические явления. Это особые состояния сознания, которые предшествуют реальному поведению личности и выражают готовность к этому поведению (в чем выражается поведенческая сторона отношений). Они включают в себя наряду с готовностью к определенному поведению когнитивный аспект, выражающийся в знании об объектах отношения, и эмоциональный аспект, выражающийся в эмоциональных переживаниях и в эмоционально окрашенной оценке объектов отношений.

Отношения личности носят избирательный характер, который проявляется в их избирательной направленности (интенции) на объекты отношений и поведении личности по отношению к ним. Отношения личности к окружающей действительности организуются в сложную устойчивую структуру, содержательные особенности которой выступают важнейшими характеристиками психологического склада личности - ее направленности. Важной особенностью психологических отношений является их обусловленность предшествующим жизненным опытом личности и теми объективными связями, которые складываются у нее с

объектами отношений и субъективным отражением которых являются психологические отношения.

Важное преимущество в использовании термина психологические отношения по сравнению с терминами социальные установки, аттитюды состоит в том, что оно наиболее адекватно представлениям о психике человека, развиваемым в русле субъектно-деятельностного подхода (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, А.Л. Журавлев и др.). С точки зрения субъектно-деятельностного подхода основными признаками субъектности и субъекта являются сознательность, избирательность, целостность и активность. Все эти признаки присущи феномену психологических отношений, которые выступают не просто результатом субъективного отражения объективного мира вещей и связей между ними, но сущностными характеристиками самореализующегося в изменяющихся условиях субъекта. Наиболее характерными проявлениями психологических отношений субъекта выступают его суждения и поступки, выражающие субъективную оценку объектов отношений. Поэтому сходство или различия психологических отношений субъектов к одним и тем же объектам имеют в своей основе сходство или различия социальных критериев (ценностей, норм, представлений о должном), выступающих основаниями этих оценок.

Место категории психологических отношений в системе понятий социальной психологии, характеризующих индивида и группу как субъектов психологических явлений. В последние десятилетия в социальной психологии все более широкое применение находят понятия, используемые для обозначения групповых психических явлений, то есть таких феноменов психики и сознания, в качестве субъектов которых, то есть активных их носителей рассматриваются не только отдельные индивиды, но и социальные общности.

Необходимость и правомерность такого рассмотрения диктуется, с одной стороны, запросами общественной практики, где решение целого ряда

социальных проблем предполагает изучение именно групповых, а не только индивидуальных психических явлений. Массовые политические движения, межэтнические и межконфессиональные конфликты, усиление социально-экономической дифференциации и стратификации общества, разрыв связей между представителями разных поколений, не столь заметные, но очень существенные изменения в гендерных отношениях – эти и многие другие социальные изменения свидетельствуют об усилении процессов межгрупповой дифференциации и даже дезинтеграции в современном российском обществе. Разрешение этих проблем предполагает необходимость исследования и учета психологических особенностей представителей тех социальных групп, которые формируются в результате фундаментальных изменений в обществе. С другой стороны, правомерность и необходимость исследования групповых психических явлений определяется современными представлениями о предмете социальной психологии, в которых в качестве объектов исследования рассматриваются не только личность, но и социальные общности – большие и малые социальные группы.

Именно этими обстоятельствами объясняется, по нашему мнению, активный интерес социальных психологов и представителей смежных наук к таким фундаментальным психологическим категориям как представления, отношения, познание, сознание и т.д. для их использования не только в традиционном для общей психологии контексте – для описания и анализа явлений индивидуальной психики и сознания, но для описания и анализа групповых психических явлений и явлений группового сознания. Я имею в виду, прежде всего, те направления современной социальной психологии, центральными категориями в которых выступают такие понятия как социальная установка, социальные представления и психологические отношения. Выбор именно данных категорий и ограничение рамок теоретического анализа обусловлены, с одной стороны, тем, что они выступают ключевыми понятиями фундаментальных научных направлений,

сложившихся в современной социальной психологии и имеющих статус категорий. С другой стороны, они широко используются при анализе результатов эмпирических социально-психологических исследований и являются в значительной степени операционализированными. Но самое главное состоит в том, что именно эти понятия в совокупности позволяют описать целостную картину психических явлений, характеризующих как индивидуальных, так и групповых субъектов.

Применительно к последнему обстоятельству я имею в виду сложившиеся в современной социально-психологической науке представления о трехкомпонентной структуре психических явлений, сходность которой представляется очевидной при сравнении результатов теоретического анализа, выполняемого разными исследователями применительно к разным объектам: личности, межличностного взаимодействия, группы и межгруппового взаимодействия, взаимодействия между личностью и группой. На всех перечисленных уровнях анализа исследователи выделяют в качестве элементов (компонентов, сторон, аспектов) изучаемых социально-психологических явлений познавательный (когнитивный, т.е. связанный со знанием, познанием и т.п. о том или ином социальном объекте), эмоционально-оценочный (аффективный, экспрессивный, т.е. связанный с эмоционально окрашенными переживаниями по отношению к данному объекту) и поведенческий (конативный, мотивационный, волевой, т.е. связанный с готовностью к определенному поведению в отношении социального объекта). Это дает основания полагать об устойчивом, закономерном строении рассматриваемых явлений и свидетельствует о конструктивности выделения в рамках научного анализа именно этих сторон или аспектов социально-психологических явлений в качестве относительно самостоятельных.

В таком случае в качестве основного теоретического положения предлагаемого подхода к систематизации базовых понятий социальной психологии можно предложить положение о том, что в рамках всех трех

рассматриваемых нами направлений современной социальной психологии (теории социальных представлений, теории психологических отношений и теории социальной установки) осуществляется теоретический анализ и эмпирические исследования онтологически единой и целостной совокупности психических явлений, характеризующих личность и группу как субъектов социального взаимодействия. Сходство в теоретических представлениях, разрабатываемых в рамках указанных подходов, состоит в том, что в них так или иначе ставятся и решаются проблемы взаимосвязи осознаваемых и неосознаваемых психических явлений (психики и сознания), психического субъективного отражения объективных социальных явлений и реального объективно фиксируемого поведения субъектов (сознания и деятельности), соотношения индивидуального и группового уровней представленности явлений психики и сознания, соотношения устойчивости, стабильности и изменчивости, динамичности в развитии социально-психологических явлений, целостного и частного в их структуре, наконец, соотношения собственно психического и собственно социального в исследуемых явлениях социальной жизни и характера связи между ними.

Существенные различия между выделенными теоретическими направлениями связаны, по моему мнению, прежде всего, с акцентированным вниманием, которое традиционно уделяется в каждом из них к одному из аспектов, к одной из сторон онтологически целостных и неделимых явлений социальной психики и сознания, которая (сторона) и является определяющей в содержании центрального понятия каждого из этих научных направлений. Для теории социальных представлений такой стороной является, по моему мнению, когнитивная, познавательная, для теории психологических отношений – эмоционально оценочная, а для теории социальных установок – поведенческая, то есть связанная с регуляцией поведения.

Правомерность предлагаемого теоретического подхода я обосновываю, прежде всего, результатами историко-теоретического анализа

рассматриваемых научных направлений. Так, теория социальных представлений изначально складывалась как теория, объясняющая происхождение и развитие обыденного знания о социальных объектах, а значение центрального понятия этой теории прямо соотносится со сферой когнитивных, познавательных психических процессов (Емельянова, 2006). Теория психологических отношений личности в качестве одного из центральных своих положений формулирует положение о том, что в основе этих индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности лежат потребности субъекта и поэтому сами эти связи носят эмоционально насыщенный характер и в сознании их носителей представлены в форме эмоционально окрашенных переживаний (Мясищев, 1960). Кроме того, в русском языке слово отношение в одном из главных своих значений определяется как оценка объекта отношения, оценка своей связи с этим объектом. Наконец в теории социальных установок определение центрального понятия, как правило, дается через его соотнесение с поведением субъекта и раскрывается как состояние готовности субъекта к определенному поведению в отношении социального объекта (Шихирев, 1999).

Вместе с тем, детальный анализ практики использования рассматриваемых понятий в рамках конкретных теоретических и эмпирических исследований позволяет выделить сходные закономерные тенденции, свидетельствующие о сходстве описываемых ими феноменов. Во-первых, сторонники всех указанных направлений не ограничиваются рассмотрением какого-либо одного из трех аспектов или сторон в исследовании явлений социальной психики. Так или иначе, в определениях всех трех понятий присутствуют и другие стороны или аспекты этих явлений. В содержание социальных представлений наряду с собственно когнитивными образованиями авторы включают и эмоционально оценочные и поведенческие. В структуре социальных установок также традиционно выделяются познавательный, эмоционально-оценочный и поведенческий

компоненты. Наконец, в классических определениях психологических отношений личности мы вновь обнаруживаем те же самые когнитивный, эмоциональный и поведенческий аспекты. Такое сходство в теоретических представлениях, сформировавшихся относительно независимо друг от друга в рамках разных научных направлений, убедительно свидетельствует в пользу того положения, что социальная психика и сознание субъекта как онтологически целостное образование имеет определенное строение, структуру, выделяемую в рамках научного анализа.

Во-вторых, представители всех рассматриваемых научных направлений распространяли использование центральных понятий для описания и анализа явлений не только индивидуального но и группового сознания (психики). Так представители теории социальных представлений, изначально предназначенной для описания и анализа групповых психических явлений, ни в коей мере не отрицают того факта, что реальными носителями, субъектами этих представлений являются не только социальные группы, но и отдельные индивиды. В более широком плане соотношение индивидуального и группового в описании когнитивных (познавательных) сторон человеческой психики отражено в таких понятиях как межличностное и межгрупповое восприятие, социальный стереотип, восприятие человека человеком и т.п. (См., например, Андреева, 2000, Бодалев, 1982 и др.). Понятие психологическое отношение, изначально определявшееся как психологическое отношение личности, в рамках социальной психологии приобрело статус более общей категории, используемой для описания и анализа психических явлений, возникающих в процессе межиндивидуального и межгруппового взаимодействия, а также взаимодействия между личностью и группой. Это нашло свое отражение в таких широко используемых социальными психологами понятиях как межличностные и межгрупповые отношения, социально-психологические отношения и т.п. (См., например, Агеев, 1999, Андреева, 1997, Обозов, 1997, Сушков, 1999, Шорохова, 2002 и др.). Наконец, в теории социальной

установки также есть опыт распространения центрального понятия за рамки изучения личности, хотя изначально термин социальная установка использовался именно в таком значении (социальные установки личности). Однако определение понятий стереотип и предрассудок как разновидностей социальных установок в теории и широкий опыт использования данного понятия в практике массовых социальных исследований при анализе общественного мнения, особенностей установок представителей различных социальных групп позволяет рассматривать понятие социальной установки как вполне применимое для описания и анализа групповых психических явлений. Имеется опыт использования понятия групповых социальных установок в эмпирическом исследовании, выполненном Г.А. Мингалеевой под руководством П.Н. Шихирева (Мингалеева, 1985).

Поэтому я считаю, что все три рассматриваемых понятия могут быть использованы для исследования соответствующих социально-психологических явлений на всех возможных уровнях их анализа (личностном и межличностном, внутригрупповом и межгрупповом. Онтологически носителями (субъектами) психических явлений, рассматриваемых как явления, порождаемые функционированием мозга, являются отдельные индивиды и содержание этих явлений, явлений внутреннего мира человека в его неповторимом своеобразии является содержанием внутреннего мира конкретного и неповторимого индивидуального субъекта. Однако наличие общих, сходных содержательных элементов индивидуальной психики и индивидуального сознания (представлений, мнений, оценок, намерений и т.п.), разделяемых разными людьми, а иногда и осознаваемых ими в качестве общих для них, то есть групповых, позволяет говорить о психологической общности индивидов, разделяющих эти представления, мнения, отношения и т.п., и рассматривать их в качестве групповых социально-психологических явлений, а сами группы – в качестве субъектов этих явлений. Именно в этом смысле можно и нужно использовать понятия групповая (коллективная) психика, групповое

сознание, групповые представления, отношения, установки и т.п. Правомерность таких представлений можно подтвердить и практикой эмпирических исследований групповых социально-психологических явлений, в рамках какого бы теоретического направления они не выполнялись и каким бы центральным понятием их авторы не пользовались. Основным методом сбора эмпирических данных в такого рода исследованиях является опрос, основными исходными показателями являются высказывания респондентов, фиксирующие их индивидуальные представления, мнения, оценки, намерения и т.п. И уже затем, в ходе количественного и качественного анализа полученных эмпирических данных исследователь выделяет, описывает и анализирует общие и особенные содержательные характеристики изучаемых явлений, интерпретируемые им в качестве групповых.

В третьих, представители всех трех рассматриваемых научных направлений при анализе исследуемых социально-психологических явлений так или иначе ставили и решали проблему соотношения их устойчивости (стабильности) и изменчивости (динамичности). В концепции социальных представлений проблема конструирования представлений является одной из центральных. В качестве основного процесса, в рамках которого происходит формирование, усвоение и развитие социальных представлений, один из авторов концепции С. Московичи рассматривает повседневное межличностное общение. Другим мощным социальным механизмом формирования социальных представлений являются средства массовой информации и коммуникации. Не меньшее внимание к этим явлениям общественной жизни уделяют и исследователи, работающие в рамках теории социальных установок. Проблема формирования и изменения социальных установок является одной из традиционных и наиболее активно разрабатываемых проблем как теоретической, так и прикладной социальной психологии.

Понятие психологические отношения личности один из авторов этой концепции В.Н. Мясищев определял как систему осознаваемых, избирательных, *временных* (курсив наш – В.П.) связей личности субъекта с окружающей действительностью, которая формируется в течение всего жизненного пути человека. В этом определении изначально подчеркивался не только устойчивый, фиксируемый в структуре личности, но и динамический, процессуальный характер ее психологических отношений. В условиях чрезвычайно динамических изменений жизнедеятельности проблема динамики социально-психологических явлений приобретает особую актуальность. Стремительно меняются не только внешние объективные условия жизнедеятельности, но и сами люди, человеческие общности, социальные связи и психологические отношения. Вместе с тем, жизнедеятельность человека предполагает в качестве одного из главных условий сохранение стабильности, преемственности важнейших, базовых характеристик сознания субъекта, иначе неизбежно возникает угроза потери личностной идентичности, целостности и тождественности своего «Я».

Выполненный автором теоретико-эмпирический анализ психологических отношений субъектов экономической деятельности в условиях изменения форм собственности привел к выводу о том, что психологические отношения субъекта являются динамическими характеристиками сознания. С одной стороны это проявляется в их изменчивости в историческом времени жизнедеятельности субъекта отношений. Об этом прямо говорят результаты исследования динамики социально-психологических отношений личности и группы в изменяющихся социально-экономических условиях, выполненных в последние годы в лаборатории социальной и экономической психологии ИПРАН под руководством А.Л.Журавлева (Журавлев,1998, Социально-психологическая динамика, 1998 и др.), в том числе наши исследования (Позняков, 2002).

Но динамический, процессуальный характер проявляется и в структуре самих психологических отношений, в которой временной аспект

формирования и развития психологических связей субъекта с социальными объектами этих отношений представлен в виде временного континуума (прошлое, настоящее и будущее изменения этих связей). Отношение как актуальное психическое образование существует в настоящем и переживается, осознается субъектом как его актуальное отношение. Но оно рождается на основе прошлого опыта, является результатом этого опыта и направлено в будущее, так как предназначено для регуляции будущего, предстоящего поведения субъекта. Поэтому второй временной аспект психологического отношения связан с изменениями свойств объекта отношения, которые не являются стабильными, постоянными. Субъект относится к объекту в настоящем не иначе, как оценивая изменения свойств объекта отношения в прошлом и прогнозируя будущие изменения этих свойств. Субъект оценивает объект с точки зрения тенденции его (объекта) изменения от прошлого к настоящему и от настоящего к будущему. Ретроспективная оценка изменения свойств объекта и оценка ожидаемых, прогнозируемых изменений его свойств во многом определяют актуальное отношение субъекта к объекту, его оценку в настоящем.

Третий временной аспект психологического отношения связан с изменениями свойств самого субъекта. Изменившийся субъект уже иначе, по другому относится даже к относительно стабильному по своим свойствам объекту. При этом объектом осознания и переживания может становиться сама динамика отношений субъекта с объектом, когда он (субъект) сравнивает свое реальное актуальное отношение к объекту и свое отношение к нему в прошлом. Временной аспект психологического отношения связан со структурой переживаний субъектом своих связей с объектом. Это может быть не только актуальное переживание отношения, но и воспоминание об отношении, и предчувствие, ожидание своего отношения к объекту.

Динамичность психологических отношений субъекта носит не только временной, но и структурный, так сказать, пространственный характер. Отношение к объекту может существенно различаться в зависимости от

условий, ситуации в которой находятся и субъект и объект. В отношении субъекта речь идет о его психическом состоянии в настоящий момент. В отношении ситуации – о том контексте, в рамках которого это отношение актуализируется. Важным психологическим механизмом формирования отношения как оценки субъектом объекта является механизм сравнения, поэтому результаты оценки одним и тем же субъектом одного и того же объекта могут существенно различаться в зависимости от результатов сравнения объекта оценки с другими, релевантными объектами оценки.

Таким образом, все рассматриваемые теории отмечают сочетание устойчивости и изменчивости как характерную особенность явлений индивидуального и группового сознания.

И, наконец, последнее обстоятельство, характеризующее взаимосвязь рассматриваемых теоретических направлений и используемых их авторами категорий. В рамках всех этих направлений так или иначе ставится фундаментальная для психологической науки проблема взаимосвязи психических и социальных явлений. Эта проблема фиксируется уже в формулировке центральных понятий данных направлений, одно из которых (понятий) является социальным, а другое – психологическим (в смысле общей психологии): социальные представления, социальные установки личности, психологические (социально-психологические) отношения. Социальность рассматриваемых понятий и концепций в целом представлена в различных планах. Во-первых, речь идет о социальной (общественной) обусловленности рассматриваемых явлений индивидуального и группового сознания, на что прямо указывают практически все авторы. Однако характер этой обусловленности следует конкретизировать. Она проявляется, с одной стороны, в том, что как явления индивидуального сознания, социальные представления, психологические отношения и социальные установки личности формируются в процессе социализации, то есть активного усвоения субъектом социальных, исторически определенных и культурно своеобразных знаний, ценностей, норм и т.п. С другой стороны, речь идет о

прямом влиянии, воздействии изменяющихся социальных условий совместной жизнедеятельности на формирование и изменение содержательных характеристик психики и сознания ее субъектов.

Во-вторых, социальность рассматриваемых понятий и определяемых ими явлений представлена в социальном характере объектов и социальном характере содержания рассматриваемых явлений индивидуального и группового сознания. Такими объектами являются, прежде всего, социальные объекты, т.е. явления общественной жизни: социальные явления, общественные институты, нормы и правила поведения, различные виды социальной активности и их субъекты – окружающие люди, социальные группы и сам человек как субъект сознания. Поэтому содержанием рассматриваемых социально-психологических явлений – представлений, отношений, намерений и т.д. выступает субъективное отражение в психике, сознании субъекта различных явлений общественной жизни. В наиболее общем виде результаты этого отражения суть социальные знания – знания о социальных объектах и отношение к этому знанию, а также различные поведенческие образования, выступающие психическими регуляторами социального поведения субъекта.

Универсальной функцией всех рассматриваемых явлений индивидуального и группового сознания является функция регуляции социального поведения. Реализация этой функции раскрывает еще одну линию взаимосвязей психического и социального. Социальные действия и взаимодействия субъектов, регулируемые совокупностью рассматриваемых психических явлений (представлений, установок, отношений), выступают непосредственными событиями общественной жизни, проявлениями социальной активности субъектов, из совокупности которых складывается социальная жизнедеятельность общества. Продукты этой активности, материальные и идеальные, образуют элементы культуры и социальных институтов общества, конкретно-исторические особенности которых содержательно определяются своеобразием социального содержания явлений

индивидуального и группового сознания – представлений, установок, отношений, и т.п.

Результаты проведенного теоретического анализа позволяют сделать вывод о том, что рассматриваемые теоретические направления и содержание базовых категорий, лежащих в их основе, не противоречат, а дополняют друг друга. Рассматриваемые в совокупности, они позволяют более полно и глубоко характеризовать совокупность явлений индивидуального и группового сознания. Перед психологической наукой стоит важная задача интеграции теоретического и эмпирического знания, накопленного в рамках этих направлений.

Социально-психологические отношения. Специфическими социальными объектами психологических отношений личности выступают другие люди. При этом, поскольку в процессах общения, взаимодействия и совместной жизнедеятельности люди одновременно выступают и в качестве субъектов, и в качестве объектов психологических отношений. В этом случае можно говорить об отношении человека к другому человеку (или к другим людям), то есть о субъект-субъектных отношениях. Последние могут носить взаимный характер, то есть характер субъект-субъектных взаимоотношений. Объектами переживаний человека могут быть не только его отношения к другим людям, но и воспринимаемые отношения к себе. Наконец, следует разделять взаимоотношения как связи, складывающиеся между людьми и реализующиеся в процессе межличностного взаимодействия, и оценку этих связей субъектами взаимодействия, то есть отношение к отношениям, по терминологии П.Н. Шихирева.

В качестве определений, подчеркивающих субъективный, психологический характер взаимоотношений между людьми в отличие от объективного безличного характера отношений, в которых люди выступают как субъекты общественных, и в частности, производственных и экономических отношений, обычно используются термины "межличностные" или "социально-психологические" отношения. Однако в

понимании содержания этих терминов у социальных психологов также нет единства.

Так, Н.Н. Обозов понимает межличностные отношения как неофициальные психологические взаимоотношения людей, рассматривая последние, наряду с правовыми, нравственными, политическими, производственными и т.д. в качестве составного элемента в ряду общественных отношений (Обозов, 1979). Сфера психологических отношений между людьми, которые Н.Н. Обозов определяет как межличностные отношения, является строго ограниченной отношениями, обусловленными субъективной потребностью людей в общении и установлении эмоциональных связей. Как справедливо отмечает по поводу такой позиции И.Р. Сушков, - "из сферы межличностных отношений исключаются отношения, касающиеся непосредственно трудовой деятельности групп. Роль типичного, в том числе и общественных отношений, в регуляции межличностных отношений сводится до минимума, в качестве главного регулятора межличностных отношений выступает привлекательность человека для человека, симпатии и антипатии" (Сушков 1983, с.45).

С точки зрения К.К. Платонова, межличностные отношения можно рассматривать, с одной стороны, как объективные взаимоотношения, складывающиеся между людьми, а с другой стороны, как субъективные отношения, являющиеся отражением объективных взаимоотношений в сознании людей. "Межличностные отношения в группе, - пишет К.К. Платонов, давая одно из первых определений этого понятия, - складываются как объективные взаимоотношения между личностями. Они отражаются сознанием каждого члена этой группы и становятся его личными отношениями" (Личность и труд / Под ред. К.К. Платонова, 1965. С. 30).

Позднее К.К. Платонов отказался от использования определения межличностные отношения для обозначения объективных отношений между людьми и обозначал им только субъективные отношения, являющиеся

отражением объективных: "Реальные связи и отношения, складывающиеся объективно между людьми в ходе их общественной жизни, в производстве, находят отражение в субъективных отношениях людей. Объективные отношения и связи (отношения зависимости, подчинения, сотрудничества, взаимопомощи и др.) неизбежно и закономерно возникают в любой реальной группе. Отражением этих объективных взаимоотношений между членами группы являются субъективные межличностные отношения, которые изучает социальная психология" (Петровский А.В., Платонов К.К. Психология межличностных отношений // Общая психология / Под ред. А.В. Петровского, 1976. С. 140).

Такое определение межличностных отношений справедливо подчеркивает их субъективный, психологический характер и их обусловленность объективными общественными отношениями. Вместе с тем, оно достаточно широко и охватывает всю совокупность субъективных психологических взаимоотношений, складывающихся между индивидами как в условиях формально организованного взаимодействия между ними, так и в условиях неформального, неофициального общения.

Для обозначения психологических отношений, возникающих между людьми в процессе совместной жизнедеятельности, взаимодействия и общения, нам более адекватным представляется использование понятия социально-психологические отношения. Оно соединяет в себе преемственность в содержании более общего понятия "психологические отношения" и, вместе с тем, охватывает всю совокупность психологических отношений, возникающих между людьми, не только межиндивидуальных, но и межгрупповых. В качестве одного из первых примеров использования и определения понятия социально-психологические отношения можно назвать коллективную статью, посвященную социально-психологическим проблемам организации социалистического соревнования (Шорохова и др., 1977). Авторы статьи, в частности, пишут: "Рассматривая социалистическое соревнование как часть общественных отношений, в которые вступают

советские люди в процессе производства, можно выделить большую долю социально-психологических отношений. Отношения эти обязательно отражают субъективный мир личности. При этом они могут носить многосторонний, межличностный характер, содержащий оценочно-нормативную информацию. Бесспорно, социально-психологические отношения в соревновании есть результат отражения соревнующимися тех общественных и производственных отношений, в которые они поставлены социально-экономической формацией, общественно-политическим строем, объективной динамикой жизни, а также конкретными условиями их трудовой деятельности" (С. 26).

В приведенном определении социально-психологических отношений подчеркивается их неразрывная связь с общественными отношениями, широкая объективная детерминированность объективными общественными и производственными условиями жизнедеятельности людей. Вместе с тем, отмечается субъективная психологическая природа этих отношений, их оценочное содержание. Авторы статьи подчеркивают тесную связь социально-психологических отношений с реальным поведением и общением людей. "Несмотря на то, что социально-психологические отношения детерминированы объективной действительностью и, прежде всего, производственными отношениями, они выступают в процессе общения каждого конкретного человека с другими членами коллектива в форме реальных, объективных взаимоотношений» (там же, с.27).

Наконец, в качестве существенной особенности социально-психологических отношений авторы указывают на их устойчивый, фиксированный характер. "Социально-психологические отношения в целом выступают в виде привычек, традиций, взглядов и т.п. Они непременно носят оценочно-нормативный характер и являются стойкой социально-психологической характеристикой группы в целом" (там же). Подчеркивая связь социально-психологических отношений с субъективным миром личности, которая выступает субъектом этих отношений, авторы вместе с

тем не сводят социально-психологические отношения только к отношениям между индивидами.

Анализ социально-психологических отношений как особого класса психологических отношений приводит нас к выводу, что они обладают всеми существенными свойствами, атрибутами психологических отношений. Вместе с тем, социально-психологические отношения характеризуются рядом существенных особенностей, обусловленных фактом их включенности в процессы общения и взаимодействия между людьми, в их совместную деятельность и жизнедеятельность, в конкретные общественные отношения, объективно складывающиеся между ними. Такими особенностями являются: единство и неразрывная связь социально-психологических отношений с общественными отношениями, социальными связями, объективно складывающимися между людьми как представителями социальных групп и реальными субъектами, носителями этих связей; обусловленность и детерминированность социально-психологических отношений объективным содержанием социальных связей; опосредованность социально-психологических отношений между людьми целями, содержанием и характером совместной деятельности; нормативно-оценочный характер социально-психологических отношений, т.е. их обусловленность социальными нормами, требованиями, ожиданиями и их проявление в мнениях, оценках, суждениях, носящих оценочный, зачастую эмоционально окрашенный характер; проявление избирательной направленности социально-психологических отношений в поведении и взаимодействии между людьми, т.е. преобладание дизъюнктивных или конъюнктивных (по терминологии Г.М. Андреевой) тенденций в отношениях между людьми. Специально необходимо отметить динамический, процессуальный характер этих явлений, предполагающий сочетание устойчивости, преемственности отношений с их изменчивостью, динамичностью. Наконец, следует признать многомерный характер социально-психологических отношений, проявляющийся в многообразии критериев, лежащих в основе взаимных

субъективных оценок людьми друг друга, и в многообразии качественных и количественных характеристик самих этих оценок: их активности, модальности, осознаваемости, удовлетворенности ими субъектов и т.д. Последние обстоятельства обосновывают конструктивность применения к анализу социально-психологических отношений таких философских категорий, как пространство и время. Очевидно, указанные особенности не исчерпывают всех отличительных признаков социально-психологических отношений, однако они являются весьма существенными для того, чтобы учитывать их при дальнейшем анализе проблемы.

Классификация психологических отношений с точки зрения специфики их субъектов может быть представлена следующим образом: психологические отношения личности, межличностные отношения, внутригрупповые отношения, в том числе, отношения между личностью и группой и межгрупповые отношения. Последние три группы объединяются в класс социально-психологических отношений и соответствуют различным уровням организации общества как системы социальных связей между субъектами.

Наиболее общий вывод, вытекающий из анализа содержания и особенностей социально-психологических отношений, состоит в том, что эти отношения не могут быть правильно поняты и объяснены, исходя только из анализа индивидуальных психологических характеристик субъектов взаимоотношений и их взаимодействия между собой. В основе социально-психологических отношений даже тогда, когда они имеют видимость межиндивидуальных отношений, лежат общественные по своей природе отношения между социальными общностями. Поэтому следующий шаг в последовательном анализе проблемы отношений в социальной психологии предполагает рассмотрение субъектов этих отношений, в качестве которых может выступать как личность, так и группа.

1.2. Личность и группа как субъекты психологических отношений

В самом определении понятия психологические отношения личности заложено представление о том, что носителем, субъектом этих отношений выступает личность, социальный индивид. При этом связь содержания психологических отношений и личности как их субъекта носит двусторонний характер. С одной стороны, она означает, что психологические отношения это всегда отношения конкретных людей, субъектов этих отношений. Не существует каких-либо абстрактных, внесубъектных психологических отношений, их носителями, субъектами всегда выступают конкретные люди. С другой стороны, психологические отношения личности носят индивидуально своеобразный характер, и совокупность устойчивых, избирательных, сознательных отношений к окружающему миру является центральной социально-психологической характеристикой конкретной личности, индивидуальности. Вместе с тем, особенности психологических отношений к важным социальным объектам: различным видам деятельности, окружающим людям и к самому себе носят повторяющийся, социально-типичный характер. При этом в отличие от неповторимого сочетания психологических отношений конкретной индивидуальности, число наиболее часто встречающихся комбинаций базовых отношений ограничено. Это позволяет рассматривать типологические особенности психологических отношений личности в качестве основания социально-психологической типологии. Именно такой подход использован нами в ряде эмпирических исследований при построении социально-психологической типологии субъектов экономической деятельности, основанием которой выступают различия в психологических отношениях к формам собственности и видам экономической деятельности, к партнерству и конкуренции в деловом взаимодействии (Позняков, 2001, Журавлев, Позняков, Титова, 2005, Позняков, Вавакина, 2009). Сходство в психологических отношениях и определяемых ими выборах (предпочтениях) форм собственности и видов экономической деятельности, в свою очередь, является социально-психологическим основанием формирования новых социальных общностей,

дифференциации между социальными группами и внутригрупповой интеграции, что позволяет говорить уже не только об индивидуальном, но и о групповом субъектах психологических отношений. Использование понятия психологические отношения, в отличие от понятий аттитюды, социальные установки, позволяет нам включить в рамки социально-психологического анализа рассмотрение в качестве субъектов этих отношений не только индивидов, но и различных социальных групп.

Рассматривая проблемы и задачи социальной психологии как науки, Е.В. Шорохова отмечает: "Одним из узлов теоретических и методологических проблем выступает исследование различных общностей, групп и коллективов, их классификация, а также изучение тех массовидных явлений, которые служат психологическими рычагами воздействия" (Шорохова, 1975, с.9). При этом особенностью социально-психологического подхода к изучению групп является поиск и исследование таких психологических явлений, которые проявляются только в группе взаимосвязанных и взаимодействующих людей и при этом не сводятся к индивидуальным психологическим характеристикам отдельных членов группы. Таким специфическим социально-психологическим явлением является психологическая общность группы.

По мнению такого авторитетного ученого, как А.И. Донцов, за всю историю социальной психологии трудно назвать другую проблему, которая была бы столь же длительно и устойчиво популярна, как проблема психологической интеграции группы. Ее особый "научный статус" обусловлен не только очевидной практической, но и исключительной методологической значимостью (Донцов, 1984, с.87). Именно тезис о наличии специфических психологических феноменов, субъектом которых выступает только группа взаимосвязанных людей, является одним из центральных в структуре социально-психологического знания. "Избрав центральным объектом изучения социальную общность и не выяснив, как она становится психологической реальностью, по крайней мере, для

составляющих ее индивидов, социальная психология рискует утратить право именоваться самостоятельной научной дисциплиной" (там же).

При этом в качестве объектов изучения "групповых" социально-психологических явлений в отечественной науке традиционно выступают не только малые группы, но и большие социальные общности (Дилигенский, 1975). Отмечая важное прикладное значение социально-психологических исследований малых групп и исключительное положение этой проблемы в западной социальной психологии, Е.В. Шорохова подчеркивает, что для отечественной социальной психологии малая группа - лишь одна из форм общности людей и что глубокое и всестороннее исследование проблемы малых групп предполагает анализ социально-психологических явлений, возникающих в больших группах, порождаемых социальной психологией классов" (Шорохова, 1975, с.10).

Социальные группы, выделяемые средствами социологии, - отмечает Г.М. Андреева, - даны социальному психологу как объект исследования, и его задача - шаг за шагом проследить "те их черты, которые в совокупности делают группу психологической общностью, т.е. позволяют каждому ее члену идентифицировать себя с группой" (Андреева, 1997, с.141). По нашему мнению не менее важной и интересной задачей является анализ влияния психологических отношений индивидов, сходства или различия между ними на процессы формирования психологической общности, которая может выступать основанием формирования группы как социальной общности. Сходство и различия в психологических отношениях по поводу базовых, существенных сторон совместной жизнедеятельности выступает, по нашему мнению, одним из главных факторов внутригрупповой интеграции и межгрупповой дифференциации в обществе. Признание факта психологической общности членов группы как специфического социально-психологического феномена, позволяющего говорить о "психологии групп" является достаточно утвердившимся в современной психологии. Однако в отношении того, какие именно психологические явления относятся

преимущественно к сфере социальной психологии групп и каковы механизмы возникновения этих явлений, существуют различные точки зрения. Характерно, что разделение этих точек зрения во многом связано с тем, рассматриваются ли в качестве объектов исследования малые группы и коллективы или большие социальные общности.

В исследованиях малых групп и коллективов все большее признание получает тезис о том, что основным механизмом формирования психологической общности, целостности группы является совместная групповая деятельность. Так, по мнению Г.М. Андреевой, "общность содержания деятельности группы порождает и общность психологических характеристик группы, будем ли мы называть их «групповое сознание» или каким-либо иным термином" (Андреева, 1997, с.140). Е.И. Головаха в работе, посвященной социально-психологическому анализу структуры групповой деятельности, отмечает, что "за многообразием групповых социально-психологических явлений лежит сущность реальной социальной группы как субъекта определенных, обусловленных конкретными общественными отношениями, видов деятельности" (Головаха, 1979, с.40).

При таком понимании сущности и механизма возникновения социально-психологической общности групп в качестве наиболее значимых феноменов психологии группы выступают общие ценности, цели и задачи совместной деятельности. Наиболее отчетливо такая точка зрения находит свое выражение в социально-психологической теории коллектива, разрабатываемой А.В. Петровским и его сотрудниками: "Коллектив - это организованная группа, в которой члены объединены общими ценностями, целями и задачами деятельности, значимыми для группы в целом и для каждого ее члена в отдельности" (Петровский, Шпалинский, 1978, с.69).

В западной психологии малых групп, и в частности в исследованиях проблемы групповой сплоченности, сложились свои теоретические подходы к пониманию механизмов формирования психологической общности группы. В качестве таковых обычно называют потребность в общении и групповой

принадлежности, межличностная привлекательность, коммуникативное взаимодействие (Д. Морено, Т. Ньюком, Л. Фестингер и др.). Во всех указанных подходах источником объединения людей в группы и формирования психологической общности являются потребности и интересы индивидов. Нетрудно заметить, что в одном случае группа рассматривается в первую очередь как субъект совместной деятельности, которая и выступает системообразующим фактором формирования ее психологической общности, а во втором - как субъект общения и межличностных отношений, которые выступают главным механизмом формирования этой общности. Выделение этих двух аспектов или сторон групповой жизнедеятельности - инструментального и эмоционального - характерно для многих современных теорий психологии малых групп (см., например, Кричевский, Дубовская, 1991).

Феномен совместной трудовой деятельности и ее коллективного субъекта исследуется в лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН. В результате исследований А.Л. Журавлев выделяет основные социально-психологические характеристики совместной деятельности и ее коллективного субъекта. Основными параметрами, характеризующими уровень целостности (интегрированности) группы здесь выступают: плотность функциональных связей между ее членами, уровень функциональной взаимосвязанности и тип целостности коллективного субъекта, который проявляется в характере доминирующих связей между членами группы. В рамках системного подхода в исследовании психологии трудового коллектива сформулировано положение о множественности (или многообразии) связей и отношений в трудовом коллективе, который должен рассматриваться одновременно как субъект совместной деятельности, общения и межличностных отношений. С этих позиций процесс психологической интеграции трудового коллектива может осуществляться по различным основаниям. Развитие коллектива представляет собой определенное соотношение (сочетание) процессов

дифференциации и интеграции, причем один из этих процессов является ведущим на каждой конкретной стадии развития коллектива. В процессе развития коллектива происходит последовательная смена оснований процессов дифференциации и интеграции, которая определяет, как правило, и смену стадии развития коллектива (Журавлев, 1999, 2005).

В более широком плане, анализируя понятие коллективного субъекта в социальной психологии, А.Л. Журавлев отмечает отсутствие общепринятого понимания и толкования этого термина. В самом широком смысле этим понятием обозначается “всякое собрание людей, готовое вести себя определенным образом и тем более характеризующееся поведением”. При этом коллективность понимается как совместность и определения коллективный и групповой (субъект) не дифференцируются. В более узком смысле понятие коллективный (групповой) субъект связывается с определенным качеством (совокупностью качеств) группы, которое можно определить как субъектность. В этом смысле “быть коллективным субъектом означает быть активным, действующим, интегрированным, т.е. выступающим единым целым, ответственным и т.д.” (Журавлев, 2002, с. 69). По нашему мнению, именно феномен психологической общности, проявляющийся не только в сходстве, общности социально-психологических характеристик индивидов (мотивов, целей, отношений), но и в осознании этой общности и формирующейся на ее основе идентификации индивидов с группой, выступает важным признаком, позволяющим рассматривать группу как субъекта психологических отношений.

Своеобразный подход к рассмотрению содержания и механизмов формирования социально-психологической общности содержится в работах Л.П. Буевой. В качестве специфического явления, отражающего психологическую общность группы, Л.П. Буева выделяет групповое сознание, под которым автор понимает “общность в рамках группы и особенности, отличающие ее от других групп, в групповых позициях, установках, ценностях, в групповом мнении, не совпадающем с мнением

общества и индивидов, в практически действующих и значимых для членов групп нормах поведения, в содержании и уровне требований, предъявляемых к личности" (Буева, 1968, с.131). Основанием возникновения всех этих специфических феноменов, характеризующих психологическую общность группы, является, по мнению автора, "наличие групповых интересов и потребностей, не совпадающих с общественными и индивидуальными" (там же). Как отмечает Л.П. Буева, реальной социальной основой возникновения групп как объективных социальных общностей и отношений между ними является "место той или иной группы в исторически конкретной системе общественного производства и разделении труда, характер и вид социальной деятельности, объединяющей людей в устойчивые общности" (Буева, 1968, с.142). Объективно группы как социальные общности людей складываются, прежде всего, как элементы определенной общественной системы, а отношения между ними - как связь и отношения между этими элементами. Лишь затем уже можно говорить о характере контактов между людьми и изучать группы по этому признаку (там же). Понимание группы не только как объективной социальной, но и как психологической общности, обладающей специфическими социально-психологическими характеристиками, не сводимыми к психологическим особенностям отдельных ее представителей, является необходимым условием постановки проблемы группы как субъекта деятельности и психологической активности.

Обусловленность жизнедеятельности личности и ее субъективных психологических отношений включенностью в те или иные группы подчеркивают ведущие отечественные психологи. При социально-психологическом исследовании личности, отмечает Е.В. Шорохова, группа и личность представляются едиными, неразрывными. Они по существу выступают как разные уровни социально-психологического исследования. "В конечном итоге нет никакой социальной психологии, которая бы не была психологией личностей, находящихся в определенных отношениях: человек всегда выступает как член той или иной группы, участвует в ее жизни и

работе, проявляется в обществе как член такой группы" (Шорохова, 1974, с.67). Б.Ф. Ломов отмечает, что личность в своем развитии включается во многие как большие, так и малые общности людей. Участие в жизни этих общностей формирует у нее определенные субъективные отношения как к той общности, в которую она включена, так и к другим общностям (Ломов, 1984, с.328).

Таким образом, комплексный, всесторонний анализ психологических отношений личности предполагает их рассмотрение на трех основных уровнях: на уровне анализа психологических отношений личности как индивидуального субъекта (и здесь базовыми характеристиками личности-субъекта выступают его отношения к внешним условиям жизнедеятельности, к различным видам социальной активности, выполняемой деятельности, окружающим людям и к самому себе), на уровне анализа внутригрупповых психологических отношений между индивидуальными субъектами и на уровне анализа межгрупповых психологических отношений, субъектами которых выступают различные социальные группы. При этом общность базовых психологических отношений индивидуальных субъектов, входящих в ту или иную группу, выступает одним из основных признаков психологической общности группы, то есть условием ее существования как группового субъекта.

Проведенный анализ позволяет уточнить вопрос о соотношении феноменологии психологических отношений на уровне индивидуального и группового субъектов этих отношений. Эта связь представляется нам неоднозначной. С одной стороны, сходство психологических отношений индивидов, членов группы выступает одним из существенных признаков психологической общности и основанием выделения группы как субъекта психологических отношений. При этом исходным моментом образования психологической общности группы и ее формирования как группового субъекта психологических отношений выступают психологические отношения индивидов. С другой стороны, сходство психологических

отношений индивидов является результатом, следствием совместной деятельности (или, более широко, жизнедеятельности), объективных социальных связей и отношений, в которые включены индивиды, занимающие сходные позиции в структуре социальных связей. И в этом смысле психологические отношения индивидов являются вторичными, производными по отношению к социальным отношениям между группами, и сходство базовых психологических отношений индивидов, принадлежащих к одной социальной общности, является следствием социального единства группового субъекта. В первом случае ведущим психологическим механизмом формирования группового субъекта психологических отношений является сходство эмоциональных оценок как компонентов психологических отношений, во втором - рациональное осознание сходства социальных характеристик индивидов, принадлежащих к одной социальной общности.

Следовательно, использование термина "групповой субъект психологических отношений" или "группа как субъект психологических отношений" может иметь как минимум два различных значения. Во-первых: сходство психологических отношений индивидов по тем или иным критериям, позволяющее отнести их к одному социально-психологическому типу и выступающее, по крайней мере, потенциально, основанием их психологической общности; во-вторых: осознание индивидами сходства их положения в системе базовых объективных социальных связей и отношений, порождаемых, в том числе, совместной деятельностью, и формирование на этой основе чувства принадлежности к одной социальной общности. Заметим, что эти два значения не всегда совпадают именно в силу субъективности и избирательности психологических отношений индивидуальных субъектов. Индивиды, принадлежащие к одной социальной общности, могут существенно отличаться друг от друга по своим базовым психологическим отношениям (к внешним условиям жизнедеятельности, к различным видам социальной активности, выполняемой деятельности, друг к

другу и к самим себе) и такая группа не может характеризоваться как групповой субъект психологических отношений. С другой стороны, у индивидов, принадлежащих по объективным социальным признакам к разным группам, могут отмечаться сходные психологические отношения, что позволяет относить их к одному социально-психологическому типу, а в случае осознания ими своей психологической общности по данному признаку – характеризовать их как групповой субъект психологических отношений. Таким образом, основными признаками группового субъекта психологических отношений являются не только совместность деятельности или, рассматривая совместную активность более широко, жизнедеятельности индивидов, но и сходство, общность их психологических отношений.

Взаимосвязь социально-психологических и общественных отношений как проблема научного исследования. Теоретический анализ понятия социально-психологических отношений, а также личности и группы как субъектов этих отношений позволяет перейти к рассмотрению предмета психологического исследования внутригрупповых и межгрупповых отношений и их связи с общественными отношениями. Межгрупповые отношения мы рассматриваем как социально-психологические отношения, субъектами которых выступают группы людей или социальные группы. Необходимыми условиями существования таких отношений являются: наличие не только внешней, объективной социальной, но и внутренней, субъективной психологической общности между индивидами, входящими в группу; а также наличие объективных социальных взаимосвязей и взаимозависимостей между представителями разных групп. При этом, говоря о психологической общности групп, которая может проявляться в общности ценностей, потребностей и интересов, целей и задач совместной деятельности, мнений, оценок, поступков и т.д., мы имеем в виду именно общность индивидуальных социально-психологических феноменов, присущих личностям, входящим в рассматриваемые группы. При этом мы полностью разделяем точку зрения Е.В. Шороховой, что социальная

психология, это всегда психология личностей, находящихся в определенных отношениях (Шорохова, 1974, с.21).

Речь идет, таким образом, о психологических отношениях личностей, но таких отношениях, которые преимущественно порождаются фактом принадлежности этих личностей к различным группам, обладающим внутренней психологической общностью и находящимся между собой в определенных объективных отношениях. Эти объективные отношения, складывающиеся между группами, воспроизводятся в процессе общения и взаимодействия между представителями этих групп как социально-психологические отношения между ними и отражаются в сознании людей. При этом объективная общность людей, объединенных в группу, в сочетании с их субъективной, психологической общностью создает основу для осознания представителями взаимодействующих групп складывающихся между ними отношений как межгрупповых отношений. Такое понимание межгрупповых отношений делает необходимым уточнить содержание понятий и классификацию отношений, складывающихся между людьми.

Мы предлагаем классифицировать отношения, складывающиеся между людьми, следующим образом. Во-первых, следует разделять два вида отношений: объективно складывающиеся между социальными группами безличные общественные отношения (связи между социальными группами и индивидами как элементами социальной структуры общества) и субъективно-личностные, психологические отношения, складывающиеся между людьми - социально-психологические отношения. Основой классификации этих отношений является их характер, природа, соотношение объективности и субъективности. На их соотношение мы придерживаемся точки зрения Г.М. Андреевой. Основой этого подхода является предлагаемое автором существование "внутри системы безличных общественных отношений второго ряда отношений - межличностных (или, как их иногда называют, например, у Мясищева, психологических)" (Андреева, 1979, с.72). По мнению Г.М. Андреевой, "природа межличностных отношений может

быть правильно понята, если их не ставить в один ряд с общественными отношениями, а увидеть в них особый ряд отношений, возникающих *внутри* каждого вида общественных отношений, не вне их. Схематически это можно представить как сечение особой плоскостью системы общественных отношений; то, что обнаруживается в этом "сечении" экономических, социальных, политических и иных разновидностей общественных отношений и есть межличностные отношения" (там же).

Общественные и межличностные отношения, по мнению Г.М. Андреевой, неразрывно слиты. "Существование межличностных отношений внутри различных форм общественных отношений есть как бы реализация безличных отношений в деятельности конкретных личностей, в актах их общения и взаимодействия. Вместе с тем, в ходе этой "реализации" отношения между людьми (в том числе общественные) вновь воспроизводятся" (там же, с. 73). Автор обосновывает утверждение, что "межличностные отношения есть действительная реальность общественных отношений: вне их нет где-то "чистых" общественных отношений" (там же, с. 74). В этой связи уместно вспомнить высказывание К. Маркса о том, что именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создало - и повседневно воссоздает - существующие общественные отношения (Маркс, «Капитал», с.440).

Разделяя точку зрения Г.М. Андреевой на понимание природы межличностных отношений и их соотношения с общественными отношениями, мы считаем, что более подходящим является все-таки термин психологические, а точнее, поскольку речь идет о социально-психологических явлениях, социально-психологические отношения между людьми. Во-вторых, уже применительно к социально-психологическим отношениям, можно выделить межиндивидуальные социально-психологические отношения (или отношения собственно межличностные) и межгрупповые социально-психологические отношения. Хотя межгрупповые

социально-психологические отношения реализуются и воспроизводятся в личных отношениях между представителями взаимодействующих групп, назвать их межличностными было бы не совсем правильно, так как речь идет именно об отношениях между разными группами. И даже в том случае, когда мы непосредственно имеем место с воспроизводством и реализацией этих отношений во взаимодействии и взаимоотношениях двух индивидов, речь идет об отношениях этих индивидов как представителей различных групп, т.е. именно о межгрупповых отношениях.

С этой точки зрения нам представляется обоснованной позиция И.Р. Сушкова: "Рассматривая взаимодействие двух представителей различных групп, выступающих от имени групп, мы не можем сказать, что имеем пример только межличностного общения или только межгруппового, так как личность сочетает в себе черты как типичные, присущие определенной общности, так и индивидуальные. Скорее всего - это случай, когда межгрупповые отношения воспроизводятся конкретными личностями" (Сушков, 1983, с.46). Отсюда следует методологический вывод автора о том, что иначе как через субъективное восприятие и поведение личности вряд ли возможно исследовать групповые отношения (там же).

Таким образом, при анализе социально-психологических отношений между людьми, которые в любом случае являются субъективными, психологическими отношениями личностей друг к другу, главным критерием выделения межгрупповых отношений от отношений межличностных (или межиндивидуальных) является тот факт, выступают ли взаимодействующие лица в этих отношениях друг к другу по преимуществу как индивиды или как представители различных общностей. Мы говорим "по преимуществу" потому, что в любом акте общения и взаимодействия между людьми можно выделить и личностный, индивидуальный аспект, и аспект групповой. В эмпирическом исследовании, анализируя поступки, мнения и оценки индивидов по отношению друг к другу, мы рассматривали их как проявления межгрупповых отношений постольку, поскольку индивиды проявляли в них

отношения, характерные для группы в целом и поскольку эти поступки, мнения и оценки были адресованы другим группам или отдельным индивидам как представителям этих групп.

Проведенный анализ позволяет уточнить соотношение понятий межгрупповые социально-психологические отношения и общественные отношения. И в том, и в другом случаях речь идет об отношениях между социальными группами или (что в принципе то же самое) между индивидами как представителями этих групп. Различие заключается в критериях, по которым выделяются эти группы, и в характере складывающихся между ними отношений.

Применительно к общественным отношениям речь идет, прежде всего, о социальных группах как объективно складывающихся структурных элементах общества, различающихся по месту, занимаемому ими в системе данных общественных отношений. Субъектами общественных отношений выступают социальные группы как элементы социальной структуры общества. Эти отношения носят безличный характер. Реальные индивиды и группы воспроизводят эти отношения лишь постольку, поскольку являются носителями свойств совокупных субъектов общественных отношений. Типичным примером таких обезличенных отношений являются трудовые отношения на производстве, связанные с технологическим, функциональным и организационным разделением труда, а также производственные отношения, основанные на различиях в экономических отношениях субъектов трудовой деятельности к собственности на средства производства. Осознание объективных производственных отношений в психологии представителей различных социальных групп может быть весьма субъективным и неадекватным.

Применительно к социально-психологическим межгрупповым отношениям речь идет о субъективных, психологических отношениях, складывающихся между людьми как представителями различных групп, обладающих внутренней психологической общностью. Отличительной

особенностью межгрупповых отношений как социально-психологических явлений является их ярко выраженный нормативно-оценочный характер, субъективность, пристрастность. Наиболее отчетливое выражение эти особенности межгрупповых отношений нашли в таких феноменах как внутригрупповые и внешнегрупповые стереотипы, группоцентризм, внутригрупповой фаворитизм, внешнегрупповая дискриминация и др.

Отмеченные явления относятся к сфере субъективных, психологических явлений, характеризующих сознание индивидов как представителей тех или иных социальных групп. Вместе с тем, они объективно проявляются в мнениях и оценках людей, в их общении и взаимодействии друг с другом, то есть в форме реальных объективных взаимоотношений между людьми. Поэтому можно утверждать, что безличные общественные отношения или социальные связи между группами не только отражаются в субъективных психологических отношениях представителей этих групп, но и реализуются, воспроизводятся в форме этих отношений.

Таким образом, понятие межгрупповые отношения используется как для обозначения многообразных социальных связей и отношений (в том числе, социально-психологических), субъектами и объектами которых выступают социальные общности, группы, так и для обозначения разнообразных явлений индивидуального и группового сознания, которые являются субъективным, психологическим отражением объективных социальных связей и отношений, складывающихся между этими группами.

Внутригрупповые отношения, т.е. отношения, складывающиеся внутри социальной общности, также характеризуются взаимодействием объективных, социальных и субъективных, психологических факторов. С одной стороны, принадлежность к одной социальной общности выступает объективным основанием активизации процессов внутригрупповой интеграции. При этом сходство психологических отношений индивидов к значимым для них объектам и явлениям совместной жизнедеятельности само

по себе может служить серьезным субъективным фактором усиления внутригрупповой интеграции и даже стать основой формирования новых социальных общностей (например, неформальных объединений). С другой стороны, различия в психологических отношениях и связанная с ними несогласованность реального поведения отдельных индивидов могут явиться причиной разобщения, внутригрупповой дезинтеграции.

Отмечая обусловленность субъективных отношений личности объективными общественными отношениями, российские психологи подчеркивают деятельный, активный характер отношений личности. Так, по мнению Е.В. Шороховой субъективные отношения к объективному положению вещей, к другим людям, самому себе, составляют ядро социально-психологической характеристики личности (Шорохова, 1974). Б.Ф. Ломов отмечает, что в отечественной психологии в роли основания психологических отношений (автор использует термин "субъективно-личностные отношения") рассматриваются общественные отношения. "Вся система этих отношений ... детерминирует тем или иным путем субъективные отношения конкретных личностей, проявляющиеся в их действиях, переживаниях, стремлениях" (Ломов, 1984, с.327). Субъективные отношения личности так или иначе проявляются в любом ее действии, но наиболее полное выражение они находят в поступках, которые, как отмечал С.Л. Рубинштейн, являются единицами ее поведения.

Положение о детерминации психологических отношений личности и социально-психологических отношений между людьми общественными отношениями является одним из фундаментальных принципов отечественной социальной психологии, сформулированных еще в советский период ее развития. Вместе с тем, дальнейшее развитие теоретических и эмпирических исследований позволяет скорректировать и развить этот принцип. Обусловленность социально-психологических отношений между людьми общественными, в том числе, производственно-экономическими, отношениями отнюдь не является линейной и однозначной. Более правильно

говорить о взаимной связи и взаимной обусловленности этих отношений в реальном поведении, общении и взаимодействии между индивидами и группами. Это положение явилось краеугольным камнем нашего концептуального подхода в исследовании динамики психологических отношений субъектов экономической деятельности в условиях изменения форм собственности (Позняков, 2000, 2001, 2002).

Подводя итог анализу взаимосвязей между социально-психологическими отношениями как субъективными психологическими отношениями между людьми и общественными отношениями как объективными социальными связями, можно сделать вывод о том, что эти взаимосвязи могут носить разнообразный характер. Социально-психологические отношения (психологические отношения личности, межличностные, внутригрупповые и межгрупповые) являются субъективным отражением объективных социальных связей и отношений, складывающихся между индивидами и группами как субъектами этих отношений в сознании представителей этих групп. Они являются также формой реализации объективных социальных связей и отношений в общении и взаимодействии индивидов и групп. Динамика социально-психологических отношений может рассматриваться как следствие, результат изменения социальных связей и отношений. Наконец, социально-психологические отношения, являясь факторами регуляции социального поведения индивидов и групп, могут оказывать существенное влияние на формирование и развитие социальных связей и отношений.

Основной проблемой в исследовании социально-психологических отношений является, по нашему мнению, анализ того, как объективные связи и отношения, складывающиеся внутри социальных групп и между группами как социальными общностями и носящие безличный характер, определяют особенности поведения и взаимодействия субъектов и отражаются в субъективных, социально-психологических отношениях, складывающихся между группами как психологическими общностями и их отдельными

представителями. Другая проблема состоит в том, чтобы выяснить, как, в свою очередь, субъективные социально-психологические отношения, возникнув и развиваясь, определяют конкретные особенности совместной жизнедеятельности, поведения и взаимодействия представителей разных групп по отношению друг к другу, воспроизводя, трансформируя и изменяя содержание безличных социальных связей и отношений между индивидуальными и групповыми субъектами.

1.3. Теоретические подходы и эмпирические исследования внутригрупповых и межгрупповых отношений в социальной психологии

Исследования внутригрупповых и межгрупповых отношений в западной социальной психологии. Отличительной особенностью постановки проблемы межгрупповых отношений в западной социальной психологии является сочетание многообразия теоретических подходов с неизменностью тех реальных феноменов общественной жизни, которые эти подходы старались объяснить. Речь идет прежде всего о феномене внешнегрупповой враждебности, универсальность и неизбежность которой в межгрупповом взаимодействии постулируют практически все западные социальные психологи. Так, уже в поздних работах З. Фрейда (Фрейд, 1925) излагается система взглядов на природу и функции межгрупповой враждебности. Однозначно связывая внешнегрупповую враждебность и внутригрупповую сплоченность, источники этих явлений Фрейд видит в мотивационной сфере индивидов, привлекая в качестве объяснений схемы Эдипов комплекс. Внешнегрупповая враждебность и агрессивность как способ разрешения внутриличностных конфликтов и фрустраций используется в качестве объяснительной схемы в целом ряде исследований проблемы межнациональных отношений: Л.Берковитц (Berkowitz, 1962, 1976), Г.Олпорт (Allport, 1954, 1955), Т.Петтигрю (Петтигрю, 1972).

В концепции этноцентризма У.Самнера (Sumner, 1906) преувеличение позитивных характеристик, приписываемых собственной этнической группе и чувство превосходства своего этноса над другими неотделимо от

проявлений негативного отношения и враждебности по отношению к представителям других этносов. При этом собственная этническая группа, ее культура, традиции, ценности и другие психологические особенности выступают в качестве эталона, центра восприятия и оценки других этнических групп. У. Самнер рассматривал этноцентризм как универсальный механизм взаимодействия между этническими группами, в соответствии с которым проявление негативизма и враждебности по отношению к другим этносам является необходимым условием поддержания внутригруппового единства в рамках собственного этноса. Изучению закономерностей и факторов, влияющих на проявление этноцентризма во взаимоотношениях между этническими группами посвящено значительное число эмпирических исследований (И. Амир, С. Бочнер, Р. Браун, Г. Трианидис и др. См., например, Андрушак, 1998; Лебедева, 1993).

С принципиально иных теоретических позиций подходит к проблеме межгрупповых конфликтов М. Шериф. Истоки межгрупповой враждебности он видит в объективном конфликте целей и интересов различных групп, неизбежно возникающих в ситуации конкурентного взаимодействия представителей этих групп (Sherif, 1958, 1956). Полевые эксперименты М. Шерифа положили начало экспериментальному направлению в исследовании психологии межгрупповых отношений. В них впервые была сделана попытка научного изучения межгрупповых отношений в естественных условиях межгруппового взаимодействия и в динамике их развития в зависимости от этих условий. Результаты исследований М. Шерифа легли в основу реалистической теории межгруппового конфликта Д. Кэмпбелла (Кэмпбелл, 1979). Привлекая в качестве объяснительного механизма внешнегрупповой враждебности реальные условия межгруппового взаимодействия, М. Шериф и Д. Кэмпбелл однозначно связывают проявления внешнегрупповой враждебности с усилением внутригрупповой сплоченности, солидарности, приверженности к своей группе. Это положение чрезвычайно важно в контексте исследуемой нами проблемы соотношения процессов

межгрупповой дифференциации и внутригрупповой интеграции в трудовых коллективах и сельских общностях.

В исследованиях М. Шерифа была теоретически обоснована и экспериментально доказана возможность снижения межгрупповой враждебности за счет изменения ситуации межгруппового взаимодействия (постановка общих целей, привлекательных для каждой из групп и требующих сотрудничества для их достижения). Справедливо подчеркивая важную роль особенностей межгруппового взаимодействия в формировании межгрупповых отношений, концепция М. Шерифа не может объяснить многочисленные факты, зафиксированные в экспериментальных исследованиях (в том числе, самого М. Шерифа), не укладывающиеся в рамках этой теории. Речь идет о проявлениях внешнегрупповой враждебности и предубежденности в оценках своей и чужой группы, возникающих в отсутствие объективного конфликта интересов и вообще предшествующего опыта межгруппового взаимодействия.

Экспериментальные исследования и теоретическое осмысление этих феноменов (эксперименты по минимальной межгрупповой дискриминации) послужили основой создания оригинальной теории межгрупповых отношений Г. Тэджфела (Tajfel, 1974, 1982, 1984), получившей в поздних работах автора и его последователя Дж. Тэрнера название «теории социальной идентичности» (Tajfel, Turner, 1979, Turner, 1984).

Особое внимание в теории Г. Тэджфела и Дж. Тэрнера уделяется социально-психологическим процессам социальной категоризации, социальной идентификации личности с группой, межгруппового сравнения и оценки и развивающейся на их основе межгрупповой дифференциации. Совокупность указанных процессов, характеризующих закономерности поведения индивида в группе, по мнению авторов, однозначно приводит к возникновению феномена внутригруппового фаворитизма и внешнегрупповой дискриминации в межгрупповых отношениях. Установление различия между группами в пользу собственной группы,

необходимое для поддержания позитивно оцениваемой идентификации личности со своей группой, является универсальным психологическим механизмом, порождающим предубежденность и враждебность по отношению к представителям других групп даже в отсутствие реального конфликта групповых целей и интересов.

Исходя из такого, по преимуществу когнитивного, понимания природы межгрупповой предубежденности и враждебности, по-новому ставится и вопрос о предотвращении или уменьшении межгруппового конфликта. Так, С. Уорчел считает, что для улучшения межгрупповых отношений важна не просто смена конкурентного взаимодействия на кооперативное, но устранение или уменьшение воспринимаемых различий между группами и максимизация сходства между представителями разных групп, позволяющего им воспринимать себя как членов одной группы (Worchel, 1979).

Теория социальной (групповой) идентичности позволяет более конструктивно подойти к проблеме межгрупповой дифференциации и внутригрупповой интеграции в условиях социально-экономических изменений, связанных с появлением новых социальных групп и изменениями в социальной стратификации. Она, в частности, предполагает возможность несоответствия реальной, объективной принадлежности индивида к той или иной социальной группе и субъективного осознания своего группового членства. При этом возможны ситуации кризиса социальной идентичности, когда индивид затрудняется определить свою групповую идентичность (принадлежность к конкретной социальной категории) и свое отношение к представителям своей и других групп.

Постановка и разработка теории межгрупповых отношений в западной социальной психологии во многом была обусловлена содержанием реальностей и проблем общественной жизни: экономической, политической и культурной дифференциации общества, социальных и этнических конфликтов. Именно этим во многом объясняется тот факт, что основное

внимание в распространенных на Западе концепциях межгрупповых отношений уделялось процессам, связанным с межгрупповой дифференциацией и дезинтеграцией, предубежденностью и враждебностью по отношению к представителям других групп, межгрупповыми конфликтами. В гораздо меньшей степени в этих исследованиях затрагиваются процессы и явления, выражающие тенденции к межгрупповой интеграции, т.е. установление связей и отношений между группами, способствующих их объединению в рамках более широкой общности как единого целого. Вопрос о динамике межгрупповых отношений в рассматриваемых исследованиях ставился лишь в плане изучения влияния той или иной переменной на степень выраженности эффекта внутригруппового фаворитизма и внешнегрупповой дискриминации. Недостаточно исследован вопрос о соотношении процессов межгрупповой дифференциации и интеграции в динамике внутригрупповых и межгрупповых отношений.

Перспективным направлением развития теории межгрупповых отношений является обращение исследователей к изучению реальных проблем межгруппового взаимодействия не только в лабораторных, но и в естественных условиях. Такое обращение позволяет расширить эмпирическую базу теоретических концепций, и способствует выявлению новых феноменов психологии межгрупповых отношений и поиску новых закономерностей, которые могут быть затем более строго исследованы в рамках лабораторных экспериментов. В этой связи имеют давнюю традицию исследования проблемы межэтнических отношений (Allport, 1954, Berkowitz, 1962), как проблема социальной справедливости (Berkowitz., Walster, 1976, Tajfel, 1982), проблема ведения переговоров (Morley, Stephenson, 1977, Stephenson, 1984,) и др. К этому же направлению, безусловно, можно отнести и исследования межгрупповых отношений на производстве, в том числе и изучение отношений между коллективами первичных подразделений предприятий и организаций. К числу классических строго научных

исследований межгрупповых отношений, проведенных в реальных условиях производства, можно отнести работу Р. Брауна (Brown, 1978), который исследовал взаимоотношения между представителями различных профессиональных групп на промышленном предприятии, и исследование И. Морли и Г. Стефенсона, посвященное проблеме конфликтов между администрацией предприятия и представителями забастовочных комитетов (Morley, Stephenson, 1977). У. Мастенбрук (1996) рассматривает функционирование и развитие любой организации как непрерывное силовое взаимодействие и конфликт между группами, представляющими элементы этой организации. Ряд работ Р. Блейка и Дж. Моутон (см., например, Blake, Mouton, 1962) посвящен анализу и разрешению межгрупповых конфликтов в организациях.

Подводя итоги анализу состояния проблемы внутригрупповых и межгрупповых отношений в западной социальной психологии, можно сказать, что в ней накоплен большой опыт исследований, выражающих различные теоретические и методические подходы. Вместе с тем, в западной социальной психологии проблема межгрупповых отношений в значительной степени ставится и решается именно как проблема "внутригрупповой фаворитизм - межгрупповая враждебность". В традиционных положениях западной социальной психологии проявление негативных установок по отношению к другим группам, определяемое терминами межгрупповая дискриминация, межгрупповая враждебность, понимается как универсальная социально-психологическая закономерность, являющаяся обратной стороной проявления позитивного отношения к собственной группе (внутригруппового фаворитизма, приверженности к группе членства) (Stephan, 1985, Tajfel, Turner 1979). Существуют лишь расхождения в мнении о том, какие социально-психологические процессы (межгрупповые или внутригрупповые) являются в данном случае исходными, определяющими, и о характере взаимосвязи явления внутригруппового фаворитизма с объективными противоречиями, возникающими в процессе межгруппового

взаимодействия. В одних случаях внутригрупповой фаворитизм трактуется как их следствие (М. Шериф, 1966), в других - как причина (Г. Тэджфел, 1974). Исследования, выполненные в рамках концептуальной схемы «внутригрупповой фаворитизм - внешнегрупповая дискриминация» непосредственно в производственных организациях (Р. Браун, 1978, Р. Блейк, Дж. Моутон, Г. Шепард, 1964, И. Морли, Г. Стефенсон, 1977, У. Мастенбрук, 1996), также акцентируют внимание на проблеме межгрупповой предубежденности и враждебности и в меньшей степени ставят вопрос о социальной обусловленности этих явлений. Исходя из такого понимания проблемы проявление внутригрупповой приверженности в сочетании с внешнегрупповым негативизмом и враждебностью является закономерным и неизбежным в отношениях между любыми группами, входящими в состав более широкой социальной общности, будь то производственная организация или поселение совместно проживающих людей.

Исследования внутригрупповых и межгрупповых отношений в отечественной социальной психологии. В общетеоретическом и методологическом плане сама возможность постановки проблемы межгрупповых отношений в отечественной социальной психологии в советский период ее развития была обусловлена всем процессом становления этой дисциплины как самостоятельной отрасли психологической науки. Ее основой явилось формирование теоретических и методологических принципов российской социальной психологии, нашедших свое отражение в работах К.А. Абульхановой (1991, 1999), Г.М. Андреевой (1982, 1997) Л.П. Бугеевой (1968, 1975), Г.Г. Дилигенского (1975, 1986), А.И. Донцова (1984), А.Л. Журавлева (1999, 2005), Е.С. Кузьмина (1967, 1979), Б.Ф. Ломова (1984), Б.Д. Парыгина (1971,), К.К. Платонова (1976, 1972), А.В. Петровского (1978), Б.Ф. Поршнева (1973, 1979), Е.В. Шороховой (1974, 1975) и др.

Важную роль для изучения проблемы внутригрупповых и межгрупповых отношений играют теоретические и методологические

положения, разработанные в отечественной социальной психологии, и в частности:

концепция психологических отношений личности и ее распространение на сферу социально-психологических отношений (Мясищев, 1957, 1960, Шорохова, 1999, Сушков, 1999);

рассмотрение группы не только как объективной, но и в качестве субъективной общности, объединенной определенным сходством психологических характеристик ее членов, осознанием ими своей принадлежности к группе, внутренним психологическим единством (Андреева 1997, Дилигенский, 1975, Донцов, 1984);

рассмотрение группы в качестве целостного субъекта внешней совместной деятельности и внутренней психологической активности, формирующейся как в процессе общения и взаимодействия, как между членами группы, так и во взаимодействии с другими группами (Андреева 1997, Донцов, 1984, Журавлев, 1999, 2005);

положение об обусловленности социально-психологических отношений (как внутри группы, так и между группами) конкретными формами общественных отношений, в которые включены эти группы, совместной деятельностью этих групп (Агеев, 1990, Андреева 1997).

В теоретическом плане первой и в большой степени уникальной по глубине анализа в отечественной социальной психологии работой, специально посвященной проблеме внутригрупповых и межгрупповых отношений, является работа Б.Ф. Поршнева (1979). В ней сформулирован ряд принципиальных теоретических положений по существу этой проблемы, которые до сих пор не утратили своей актуальности. Прежде всего, Б.Ф. Поршнев обосновал исключительную важность проблемы межгрупповых отношений для определения предмета социально-психологической науки: «Понятие социальная психология становится наукой лишь с того момента, когда на место исходного психического явления ставят не «я» и "ты", а «мы»

и «они», или «они» и «мы», на место отношений двух личностей отношения двух общностей» (Поршнева, 1979, с. 81).

Автор последовательно обосновывает теоретическое положение о том, что специфическим объектом социально-психологической науки, изучение которого предполагает выход за рамки индивидуально-психологического исследования, является общность. Основная задача общей теории социальной психологии по мнению Б.Ф. Поршнева и является не чем иным как всесторонним психологическим анализом этого центрального явления - общности. В качестве психологической первопричины образования общности Б.Ф. Поршнева выделяет не межличностные отношения и взаимодействия, складывающиеся между отдельными индивидами и объединяющие людей в группы, а межгрупповые отношения, строящиеся по типу противопоставления и обособления, на основе которого формируются групповое самосознание и чувство общности.

Объединение людей в общности, протекающее как процесс обособления и противопоставления внешнему социальному окружению с одновременным уподоблением и единением общности внутри, является универсальным социально-психологическим механизмом, посредством которого реализуются и воспроизводятся отношения между социальными группами - то есть общественные отношения. При этом социально-психологические общности или «сцепления» являются, по меткому определению автора, своеобразной формой, которая в конкретных экономических и общественно-исторических условиях наполняется объективным общественным содержанием (Поршнева, 1979, с.88). Производственно-экономические и общественно-политические условия, обуславливающие необходимость объединения и взаимодействия между людьми для выполнения совместной деятельности, а также необходимость взаимодействия между этими группами людей служат объективной основой, базисом, на котором действует механизм межгрупповых отношений.

Для исследований, выполненных в отечественной социальной психологии, характерно особое внимание к проблеме взаимосвязи и взаимной обусловленности субъективных, психологических аспектов межгрупповых отношений и объективных социальных условий, в которых эти отношения складываются. Такой подход предполагает выход за рамки лабораторного эксперимента и изучение взаимоотношений, складывающихся между группами в реальных социальных общностях: учебных (В.С. Агеев) и трудовых (И.Р. Сушков) коллективах.

В целом эти исследования убедительно демонстрируют зависимость характера внутригрупповых и межгрупповых отношений от факторов совместной деятельности как внутри групп, так и во взаимодействии их друг с другом. Однако сами эти факторы совместной деятельности рассматриваются достаточно узко - в аспекте организации совместного труда. Производственно-экономические связи внутри групп и экономические отношения между группами остаются в этих исследованиях за рамками анализа. Кроме того, рассматриваемые зависимости исследуются в статике. Основным методическим приемом является сравнение отношений в парах групп, различающихся по тем или иным признакам организации труда. Тем самым вопрос о влиянии изменения в организации совместной деятельности на изменение отношений внутри групп и между группами решается недостаточно убедительно. Наконец, вопрос о влиянии психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов на их экономическую деятельность и взаимодействие в данных исследованиях вообще не рассматривается.

Процессы дифференциации и интеграции во внутригрупповых и межгрупповых отношениях

Межгрупповая дифференциация и внутригрупповое предпочтение. Рассматривая широкий круг разнообразных явлений психологии межгрупповых и внутригрупповых отношений, можно заметить, что они отчетливо делятся на две группы, характеризуют два различных социальных

процесса, которые как две тенденции пронизывают всю феноменологию социально-психологических отношений. Речь идет о процессах межгрупповой дифференциации и внутригрупповой интеграции. Выделение в социально-психологических явлениях этих двух процессов или тенденций - дифференциации и интеграции - проводится многими авторами (См., например: Агеев, 1990, Журавлев, 1999, 2005, Сушков 1999, 2007). Однако содержание этих процессов, соотношение их друг с другом и особенности динамики нуждаются, по нашему мнению, в серьезном уточнении.

Понятие межгрупповая дифференциация используется для обозначения социально-психологических процессов межгруппового восприятия, сравнения и оценки, связанных с установлением различий между своей и другими группами. Понятие межгрупповая дифференциация является одним из центральных в теории межгрупповых отношений Г. Тэджфела и Дж. Тернера, где оно используется в связи с понятиями социальной категоризации, идентификации и сравнения (Tajfel, Turner, 1979). Совокупность указанных когнитивных процессов, связанных с осознанием человеком своей принадлежности к одной из групп, отличной от других, является, по мнению Г. Тэджфела и Дж. Тернера, минимальным условием установления позитивно-валентных различий в пользу ингруппы, то есть возникновения межгрупповой дискриминации в форме внутригруппового фаворитизма и внешнегрупповой враждебности. Таким образом, термином межгрупповая дифференциация обозначается, с одной стороны, установление различий между своей и другой группой, а с другой - дифференциация психологических отношений индивидов к своей и другой группе. При этом содержание явления межгрупповой дифференциации однозначно связывается с такими феноменами как межгрупповой конфликт, внешнегрупповая враждебность, внутригрупповой фаворитизм и др. Однако в отношении вышеназванных феноменов необходимо четкое разграничение.

Попытки с помощью лабораторных экспериментов установить психологические закономерности, лежащие в основе таких феноменов

реальной общественной жизни как межгрупповое обособление и различие, приверженность к своей группе и группоцентризм, проявление предубежденности и враждебности по отношению к представителям других групп, привели к тому, что основное внимание в исследованиях Г. Тэджфела, да и других западных психологов, уделялось явлениям, связанным с межгрупповой дифференциацией. К такому подходу, по-видимому, располагают как реальности общественной жизни, так и процедура организации экспериментов в лабораторных условиях, где основное внимание фиксировалось именно на установлении различий между "своей" и "чужой" группами и сопутствующих ему проявлениях предпочтения своей группы в противовес представителям другой группы. На основании полученных данных авторы делают вывод об универсальной природе внутригруппового фаворитизма и внешнегрупповой враждебности в межгрупповых отношениях (Tajfel, Turner, 1979).

Хотя в исследовательской модели, разработанной Г. Тэджфелом, термином внутригрупповой фаворитизм обозначалась вполне определенная стратегия поведения индивида в ситуации лабораторного эксперимента (распределение денежного вознаграждения между представителями "своей" и "чужой" группы с использованием так называемых "матриц Тэджфела"), в социально-психологической науке термин внутригрупповой фаворитизм получил более широкое толкование как "стремление каким-либо образом благоприятствовать членам собственной группы в противовес членам другой группы" (См., например, Краткий психологический словарь, с.42).

По нашему мнению, столь широкое толкование термина внутригрупповой фаворитизм не позволяет достаточно четко разграничить существенно различные феномены психологии внутригрупповых и межгрупповых отношений. При этом термин внутригрупповой фаворитизм может обозначать и эмоциональную приверженность индивида к группе членства, и обусловленное результатами межгруппового сравнения и оценки внутригрупповое предпочтение по тем или иным критериям, и стремление

благоприятствовать успеху своей группы в условиях межгруппового соревнования или конкуренции, и проявление негативного, враждебного отношения к представителям других групп. Совершенно очевидно, что во всех этих случаях речь идет о разных феноменах или, по крайней мере, аспектах межгрупповых отношений. Неоднозначность в использовании терминов межгрупповая дискриминация и внутригрупповой фаворитизм в концепции Г. Тэджфела связана, по нашему мнению, с недостаточно четким разграничением когнитивного, эмоционального и поведенческого аспектов внутригрупповых и межгрупповых отношений.

Процессы межгрупповой дифференциации и внутригрупповой интеграции исследуются и в отечественной социальной психологии. Так, Б.Ф. Поршнев (1979) рассматривает психологические процессы внутригруппового уподобления и внешнегруппового обособления и различения в качестве универсальных механизмов формирования психологической общности группы. В.С. Агеев и А.А. Сыродеева (1984) определяют этим понятием преимущественно когнитивные процессы, в которых проявляется тенденция к выделению собственной группы в качестве некоторой самостоятельной целостности, обладающей специфическими свойствами. Тенденцию к межгрупповой дифференциации как одного из этапов процесса коллективообразования, связанного с определенной автономизацией группы, ее "отчуждением" от других групп, отмечают Л.И. Уманский (1975) и О.В. Лунева (1991). Вместе с тем, утверждение об универсальной природе внутригруппового фаворитизма и внешнегрупповой враждебности вызывает у российских психологов серьезные сомнения. Так, по мнению Б.Ф. Поршнева, "категория «они» вовсе не подразумевает вражду и войну" (Поршнев, 1979, с.114). При этом особенности протекания процессов межгруппового обособления и различения ставятся в зависимость от характера общественных отношений.

Результаты исследований, проведенных российскими социальными психологами, показывают, что межгрупповые отношения в трудовом

коллективе не могут быть адекватно описаны теоретической моделью "межгрупповая дифференциация - внутригрупповой фаворитизм - внешнегрупповая враждебность". Так, В.С. Агеев (1990), И.Р. Сушков (1999), отрицая универсальный характер внутригруппового фаворитизма и внешнегрупповой враждебности, исходят из сходных методологических предпосылок об объективной обусловленности межгрупповых отношений общественными отношениями, совместной деятельностью групп.

Однако в результатах конкретных исследований, проведенных этими авторами, имеются существенные расхождения. Так, И.Р. Сушков, исследовавший межгрупповые отношения в производственной организации, приходит к выводу, что "нормально складывающимся благоприятным межгрупповым отношениям соответствует тенденция к переоценке своей группы" (Сушков, 1988, с.147), которую автор объясняет чувством приверженности к своей группе, способствующим сохранению группового единства. Анализируя результаты исследований отношений между первичными подразделениями производственной организации, автор отмечает, что во всех группах проявлялось предпочтение своей группы и тенденция к переоценке ее качеств. В.С. Агеев и И.В. Солодникова, также исследовавшие межгрупповые отношения в производственных условиях, получили другие результаты, на основании которых они заключают, что "реальные условия производства, и в частности, характер организации труда, оказывают большее влияние на процесс межгруппового сравнения и выраженность эффекта внутригруппового фаворитизма, чем якобы универсальное стремление любой ценой позитивно отличаться от других групп" (Агеев, 1983, с.74). Отношения между производственными бригадами, отличающимися формой организации труда, по мнению авторов, складываются так, как если бы эти формы организации труда обладали отчетливо выраженным оценочным статусом, а иерархия этих статусов также вполне отчетливо осознавалась и разделялась всеми категориями работников (там же). Сходные результаты получены в исследовании А.Н. Кузнецова, где

группы, работающие независимо друг от друга, проявляли более благожелательную оценку ингруппы по сравнению с группами, объединенными взаимозависимой совместной деятельностью (Кузнецов, 1983, с.545).

Рассматривая проблему внутригруппового фаворитизма в связи с особенностями межгруппового восприятия, В.С. Агеев полагает, что "межгрупповая дискриминация, внутригрупповой фаворитизм и означают, в сущности, неадекватность межгрупповых представлений" (Агеев, 1983, с.71). С этих позиций внутригрупповое предпочтение рассматривается как негативное явление и ставится вопрос о необходимости его устранения при организации совместной деятельности групп.

Таким образом, налицо явное противоречие в результатах исследований внутригрупповых и межгрупповых отношений в трудовых производственных коллективах, полученных различными авторами, и в их теоретической интерпретации. Мы полагаем, что эти различия в связаны с тем, что в данных исследованиях изучались различные стороны, аспекты психологических отношений к своей и чужой группе. Так, в исследовании И.Р. Сушкова предпочтение группы членства характеризует приверженность индивида к группе, которая, в свою очередь, раскрывается автором как чувство, отражающее эмоциональное отношение индивида к группе, преданность ей, готовность поступиться ради нее собственными интересами. В исследованиях же В.С. Агеева и А.Н. Кузнецова явление предпочтения фиксировало результаты межгруппового сравнения и тенденцию распределять оценку в пользу той или иной группы в зависимости от результатов этого сравнения. При этом сравнение и оценка группы (своей и чужой) проводятся по определенным критериям, в качестве которых выступают объективные характеристики группы, например, эффективность совместной деятельности в той или иной сфере или уровень сформированности тех или иных качеств в группе.

Нетрудно заметить, что межгрупповое сравнение и оценка и связанная с ними дифференциация своей и чужой групп проводятся при этом по разным основаниям. В первом случае основанием межгрупповой дифференциации является субъективная оценка удовлетворенности индивида своей групповой принадлежностью, а во втором - оценка степени выраженности, сформированности в группе тех или иных качеств. По всей видимости, эти два ряда оценок неоднозначно связаны друг с другом, так как характеризуют разные аспекты межгрупповой дифференциации. В первом случае доминирующим является когнитивный, рациональный аспект психологических отношений к своей и чужой группе, а во втором - эмоционально-оценочный.

Интересные результаты по проблеме соотношения внутригруппового предпочтения и межгруппового сравнения получены в последние годы в исследованиях межэтнических отношений. Так, Н.М. Лебедева (1993), исследуя особенности межэтнического восприятия в условиях адаптации к иной этнокультурной среде, пришла к выводу о том, что позитивная этническая идентичность (приверженность к своей этнической группе) может сочетаться как с позитивным, так и с негативным отношением к иноэтническим группам (автор использует термин этническая толерантность - интолерантность). И.Б. Андрущак (1998), исследуя межэтнические отношения в условиях социоэтнических изменений, пришла к выводу о том, что этноцентризм в отношениях между этническими группами как тенденция формирования сверхпозитивного образа ингруппы и одновременно негативного образа иной этнической группы возникает в условиях угрозы позитивной групповой идентичности и выполняет функцию социально-психологической защиты, направленной на укрепление позитивной идентичности своей этнической группы. Эти данные прямо говорят о том, что эмоциональная приверженность к своей группе не обязательно сочетается с враждебностью и негативными установками по отношению к представителям других групп.

Таким образом, понятие межгрупповой дифференциации охватывает, по меньшей мере, два специфичных социально-психологических процесса, связанных с установлением различий между своей и другими группами. Во-первых, процесс формирования внутригруппового предпочтения, как проявление эмоциональной приверженности к своей группе, являющейся необходимым условием сохранения психологического единства группы. Во-вторых, процесс межгруппового сопоставления и сравнения, являющийся необходимым условием и предпосылкой согласованной совместной деятельности и межгруппового взаимодействия, какую бы форму это взаимодействие не принимало.

Межгрупповая интеграция и дезинтеграция. Исключительное внимание западных социальных психологов к явлениям межгрупповой дифференциации во многом обусловлено тем, что в условиях лабораторного эксперимента исследуемые группы рассматривались изолированно от реальных условий общественной жизни, и, в частности, в отрыве от более широких общностей, в которые эти группы включены. Как только объектами исследования межгрупповых отношений становятся реальные группы (трудовые и учебные коллективы) внимание исследователей привлекают феномены, связанные с тенденцией к межгрупповой интеграции, т.е. установление таких связей и отношений между группами, которые способствуют их объединению и совместной жизнедеятельности в рамках более широкой общности как единого целого.

Рассматривая интегративные тенденции в межгрупповых отношениях, российские психологи выделяют такие феномены, как "межгрупповая афiliation и референтность" (Агеев и Сыродеева, 1987), "межгрупповое единство" (Чернышев, 1988), "межгрупповая сплоченность" (Кузнецов, 1976) "толерантность" (Лебедева, 1993). Вместе с тем, соотношение процессов межгрупповой дифференциации и интеграции нуждается, по нашему мнению, в уточнении.

Мы считаем, что понятие межгрупповая интеграция характеризует не отсутствие различий в позициях, мнениях, оценках групп, в том числе и по отношению друг к другу. В этом случае можно скорее говорить об отсутствии дифференциации между группами, об их недифференцированности. Это понятие характеризует установление и поддержание между группами таких связей и зависимостей, которые способствуют их объединению, взаимодействию, более успешной реализации функций как своей группы, так и той, более широкой, общности, в которую группы включены в качестве элементов. Термин "межгрупповая интеграция" определяет качественное содержание, характер отношений, складывающихся между группами в процессе совместной жизнедеятельности, взаимодействия и общения. В сфере совместной трудовой деятельности это отношения взаимной помощи, сотрудничества, партнерства и доверия, взаимной требовательности и ответственности, в сфере общения и совместной жизнедеятельности это отношения взаимного уважения, доброжелательности, взаимопонимания, стремление к согласованности позиций, мнений и оценок.

Межгрупповую интеграцию отнюдь не следует понимать как тенденцию к объединению и слиянию представителей различных групп в рамках более широкой общности, как отказ от групповой принадлежности, групповой приверженности, межгруппового различия. Процессы межгрупповой дифференциации и внутригрупповой интеграции тесно взаимосвязаны и взаимно обуславливают друг друга. Без внутригруппового обособления и внутригрупповой интеграции невозможно существование группы как психологической общности, а значит и эффективное межгрупповое взаимодействие и взаимоотношения. При этом одним из важнейших признаков психологической общности группы является общность (разделенность по выражению И.Р. Сушкова (1999) психологических отношений внутри группы). С другой стороны, само обособление и выделение групп как целостных образований, субъектов совместной

жизнедеятельности и межгруппового взаимодействия происходит в рамках общности более высокого порядка. Межгрупповая интеграция невозможна без предварительной дифференциации групп и внутригрупповой интеграции, предполагает ее.

Вместе с тем, межгрупповая интеграция отнюдь не является универсальной тенденцией в межгрупповых отношениях. На практике мы часто сталкиваемся с такими проявлениями в межгрупповом взаимодействии и межгрупповых отношениях, которые носят явно дезинтегративный характер: противоборство, конфликты, групповой эгоизм и враждебность в отношениях между представителями различных групп, взаимное недоверие, предубежденность и предвзятость в представлениях и оценках друг друга. В отношениях между группами возможно также проявление тенденции к взаимной межгрупповой изоляции, когда взаимосвязи, взаимодействие и общение между группами сокращается до минимума.

Возникает вопрос, как соотносятся результаты межгруппового сравнения и оценки с характером межгрупповых отношений, с проявлением в отношениях между представителями взаимодействующих групп сотрудничества или противоборства, доброжелательности или враждебности. К сожалению, результаты немногочисленных эмпирических исследований, проведенных на производстве, не позволяют ответить на этот вопрос, потому что содержательные характеристики межгрупповых отношений в них не изучались. На основании имеющихся результатов можно лишь предполагать, что тенденция к переоценке своей группы отнюдь не однозначно свидетельствует о проявлении недоброжелательности и враждебности по отношению к другим группам. И напротив, в условиях неблагоприятных, конфликтных отношений представители противоборствующих групп могут достаточно объективно оценивать некоторые групповые качества друг у друга.

Мы считаем, что дифференциация своей и другой группы как по уровню развития в них тех или иных качеств, так и по степени

привлекательности для индивидов этих качеств или группы в целом, совсем не однозначно связана с характером межгрупповых отношений, т.е. с проявлением по отношению к представителям другой группы доброжелательности или враждебности, сотрудничества или противоборства. Межгрупповая дифференциация как установление различий между группами может проявляться в условиях разных по характеру взаимодействий и взаимосвязей между ними, которые сами по себе нуждаются в исследовании. Таким образом, теоретический анализ феноменов межгрупповой дифференциации и интеграции позволяет сделать вывод о том, что они представляют собой два самостоятельных процесса или две тенденции в межгрупповых отношениях, которые взаимно предполагают и взаимно обуславливают друг друга и в совокупности характеризуют состояние более широкой общности.

Процессы межгрупповой дифференциации (и тесно связанные с ними процессы внутригрупповой интеграции) являются необходимым условием, предпосылкой возникновения каких-либо собственно межгрупповых отношений. Ибо только при наличии психологической общности группы, общности психологических отношений ее членов реально можно говорить о группе как о субъекте этих отношений. Однако сами по себе процессы межгрупповой дифференциации не определяют характера и содержания межгрупповых отношений как отношений сотрудничества или противоборства, доброжелательности или враждебности, интеграции или дезинтеграции. Напротив, та форма, которую принимают процессы межгрупповой дифференциации и ее результаты (объективное сопоставление своей и другой группы или их противопоставление, предвзятое предпочтение своей и дискриминация чужой группы), определяется характером межгруппового взаимодействия, характером социальных связей и отношений, складывающихся между группами. Для содержательного изучения отношений, складывающихся как внутри групп, так и между группами, необходимо выйти за рамки этих групп и их взаимных оценок и

рассмотреть взаимосвязи и взаимозависимости между ними в рамках более широкой общности, по отношению к которой эти группы являются элементами.

Такой общностью в одном из наших исследований (Позняков, 2000) выступали коллективы сельскохозяйственных предприятий, а если говорить более точно - сельские общности, т.е. группы сельского населения, объединенные не только совместной трудовой деятельностью, но и совместным проживанием, повседневным общением, общностью социально-экономических условий своей жизнедеятельности. При этом основное внимание в исследовании мы уделяли роли производственно-экономических отношений, в первую очередь - отношений собственности на средства производства как фактора динамики процессов межгрупповой дифференциации и социально-психологических отношений внутри групп и между группами.

Из результатов проведенного теоретического анализа следует методологический вывод о том, что исследования результатов межгруппового сравнения и оценки самих по себе недостаточно для содержательного психологического анализа межгрупповых отношений. Характер межгрупповых отношений, их общая направленность, т.е. преобладание тенденции к интеграции или дезинтеграции проявляется, прежде всего, в характере общения и взаимодействия представителей различных групп. Проявления недоверия, недоброжелательности, враждебности, конфликтности могут рассматриваться как феномены межгрупповой дезинтеграции. Напротив, проявления сотрудничества, взаимопомощи, доброжелательности, уважения и доверия - свидетельствуют о тенденции к интеграции. Отражаясь в сознании представителей взаимодействующих групп в форме мнений, оценок, суждений, межгрупповые отношения выступают важной составной частью социально-психологического климата общности. Таким образом, предметом исследования должны стать особенности взаимосвязей и взаимоотношений,

складывающихся в процессе взаимодействия между группами и их отражение в сознании представителей этих групп. Здесь мы разделяем точку зрения И.Р. Сушкова, который отмечает, что в межгрупповых отношениях проявляются как межсубъектные связи, так и их оценка субъектами этих связей (Сушков, 1988, с.79). Поэтому необходимым этапом и составной частью собственно психологического исследования межгрупповых отношений является изучение объективного содержания социальных связей и отношений, складывающихся между группами в процессе совместной жизнедеятельности.

При этом необходимо четко различать межгрупповую дифференциацию и интеграцию как объективные социальные процессы, протекающие в условиях совместной жизнедеятельности субъектов, и как социально-психологические явления, опосредующие и регулирующие эти социальные процессы. В реальных условиях общественной жизни в основе межгрупповой дифференциации и интеграции как социально-психологических процессов лежит социальная дифференциация, т.е. выделение и обособление социальных групп, являющихся самостоятельными социальными единицами, субъектами совместной жизнедеятельности и социальных связей и отношений, и взаимодействие между ними, результатом которого будет их последующее конструктивное взаимодействие, интеграция или, напротив, дезинтеграция, конфликт.

Выводы по первой главе

В рамках предлагаемой концепции психологические отношения рассматриваются как социально-психологические характеристики субъектов различных видов жизнедеятельности, представляющие собой эмоционально окрашенные представления и оценки, объектами которых выступают внешние условия жизнедеятельности и активности субъекта, характеристики самой активности и ее субъектов, представители различных социальных групп, с которыми они (субъекты отношений) связаны различными видами взаимодействия. Психологические отношения представляют собой

динамические характеристики индивидуального и группового сознания субъектов, в которых представлен временной континуум изменения условий и характера активности и которые сами характеризуются сочетанием устойчивости и изменчивости во времени в связи с происходящими социальными изменениями. Пространство психологических отношений личности включает в себя психологические отношения к различным объектам и явлениям окружающего мира, к другим людям, с которыми личность связана теми или иными видами взаимодействия, отношения к самому себе. В структуре психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности представлены познавательный, эмоциональный, ценностный (оценочный) и поведенческий компоненты.

Психологические отношения субъектов совместной жизнедеятельности, отражая объективные социальные условия этой жизнедеятельности, сами выступают социально-психологическими регуляторами различных видов активности субъектов. Основными функциями, которые выполняют отношения в жизнедеятельности индивидуальных и групповых субъектов являются следующие. Психологические отношения субъектов выступают субъективным психическим отражением внешних условий жизнедеятельности и тех объективных социальных связей, которые складываются у субъектов с различными сторонами окружающего мира.

Психологические отношения выступают не просто результатом, следствием изменения внешних условий жизнедеятельности субъекта, но выполняют функцию самоопределения субъекта в этих условиях, которая выражается в осознаваемой, избирательной, активной позиции субъекта в изменяющихся условиях его жизнедеятельности. Психологические отношения выполняют функцию внутренней регуляции социального поведения субъекта и других видов его активности, что находит свое

выражение, прежде всего, в различных поступках, являющихся результатом сознательного выбора, который делает субъект.

Социально-интегративная функция психологических отношений проявляется в психологической общности социальных групп, формирующейся на основе сходства психологических отношений их представителей. Наличие такой психологической общности представителей тех или иных социальных групп и осознание ими своей принадлежности к этим группам, внутригрупповой общности, сходства и одновременно их отличия от других групп позволяет рассматривать эти социальные группы в качестве групповых субъектов психологических отношений. Отношения внутри социальных групп при этом могут рассматриваться как межличностные внутригрупповые отношения, а отношения, складывающиеся между представителями разных групп как межгрупповые социально-психологические отношения.

Концепция психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности позволяет рассматривать и исследовать психологические отношения человека, который является онтологически единственным носителем (субъектом) этих отношений, на разных уровнях. На внутриличностном уровне они рассматриваются как психологические отношения конкретной личности, индивидуального субъекта отношений. На межличностном уровне они рассматриваются как отношения между личностями, характеризующимися сходством или различиями их психологических отношений. На межгрупповом уровне они рассматриваются как отношения между личностями как представителями различных социальных групп, различающимися, в том числе, их психологическими отношениями к значимым сторонам совместной жизнедеятельности.

Глава 2. ПРОГРАММА И МЕТОДИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТНОШЕНИЯ К ТАБАКОКУРЕНИЮ

Постановка проблемы

Методик, направленных на измерение отношений (социальных установок) личности к курению, в отечественной литературе мы не встретили. В целом в исследованиях отношения к курению пока преобладает медико-социологический подход, который не предполагает выявления какого-либо субъективного содержания отношения личности к курению, а сосредоточивается лишь на его фактической, объективной стороне. Отсутствие полноценной психологической методики, адаптированной к российской популяции, тормозит исследования в этой области.

Упоминания о близких или аналогичных методиках, направленных на выявление отношения к курению мы встречали лишь в зарубежных сообщениях. Так, из зарубежных методик, предназначенных для применения на подростках, можно отметить, например, методики выявления аттитюда на курение (Pederson L.L., 1986) интерпретации причин курения (Babal M., Belicayova R., Kosinarova V., et al., 1986) и социального имиджа курящего (Botvin E.M, Botvin G.J., Baker E., 1983); для изучения взрослых – методику выявления аттитюда на отказ от курения (Marsh A., Matheson J., 1983). Fishbein (1980) измерял аттитюд на сигареты шкалами семантического дифференциала, но в его подходе этот аттитюд был представлен только эмоциональным компонентом отношения.

Распространенным методом измерения установок на различные объекты является шкалирование по техникам Терстоуна и Лайкерта (см., например, А. Анастази, 1982). Этот прием был использован и при создании предлагаемой методики. Она в значительной части образована совокупностью шкал второго типа.

Предлагаемая методика направлена на исследование отношения к курению у курящих и некурящих индивидов. Отношение личности к курению понимается нами не только как отношение личности к своему

собственному курению, и не только как к проблеме курения вообще, как социально-культурному феномену или социальной (медицинской) проблеме, существующей самой по себе. Это отношение мы рассматриваем прежде всего в широкой системе взаимосвязей различных социально-психологических аспектов курения. Выходя за рамки индивидуальной жизни, личной проблемы, проявляясь не только на уровне жизнедеятельности отдельного индивида, но также на уровне совместной жизнедеятельности индивидов и социальных групп (то есть на межличностном уровне и на уровне межгруппового взаимодействия), проблема отношения к курению приобретает более широкое, социально-психологическое содержание.

2.1. Курение как явление совместной жизнедеятельности и как объект психологических исследований

Применительно к нашему предмету исследования **отношения** к курению как к явлению само явление табакокурения как явление совместной жизнедеятельности весьма многогранно и может трактоваться в весьма разных аспектах. Перечислим с краткими пояснениями эти возможные аспекты.

В настоящее время в составе промышленно выпускаемых табачных изделий используются листья растений, в **ботаническом аспекте** относящиеся к виду *Nicotiana Tabacum* рода *Nicotiana* семейства пасленовых (*Solanaceae*). **Фармакологические эффекты** употребления табака связываются. прежде всего, с одним из его активных компонентов - алкалоидом никотином (содержание в листьях до 6%), который относится к категории аналептиков (стимуляторов центральной нервной системы). Отмечаются следующие эффекты умеренных доз никотина: он стимулирует дыхательный центр в продолговатом мозгу, вызывая более глубокое дыхание; оказывает курареподобное избирательное действие на холинорецепторы, препятствуя передаче импульсов в синапсах, благодаря чему наступает ослабление тонуса скелетной мускулатуры; стимулирует

выброс адреналина надпочечниками, обнаруживая этим сходство со стрессовыми реакциями организма; снижает аппетит и др.

Современный **медицинский аспект** отношения к курению подтвержден огромным количеством исследований по всему миру и состоит в признании курения, безусловно, вредным для здоровья как самого курящего, так и окружающих людей, вынужденных вдыхать рассеянный в воздухе дым («пассивное курение»). Химическая зависимость организма от компонентов табачного дыма рассматривается как разновидность наркотической зависимости и в наиболее тяжелых формах требует лечения, например, заместительной терапии фармакологическими препаратами с аналогичным никотину действием (лобелин, цитизин, анабазина гидрохлорид).

Культурно-исторические аспекты курения в различные эпохи и в разных странах сильно варьировали, включая отношения к нему как к элементу религиозной либо светской жизни и как к лечебному средству.

Религиозный атрибут. Наиболее ранние сведения об употреблении табака относятся к 1 в. н. э. индейцами майя, которые применяли свернутые и высушенные листья для курения в религиозных и лечебных целях. Сходно с ними в шаманских практиках в буддизме и у некоторых народностей курение применяется в качестве традиционного способа лечения больных, осуществляемого в форме религиозных церемоний – таким образом, порой религиозный аспект курения переплетается с лечебным.

И наоборот, также на религиозных основаниях имело место в истории осуждение и преследование курящих. В настоящее время рядом религиозных конфессий курение порицается либо прямо запрещается.

Лечебное средство. Сначала европейцы обратили внимание именно на лекарственные свойства табачных листьев, на их способность заглушать голод и поддерживать бодрость и начали разводить табак как лекарственное и декоративное растение. В Европе при королевских дворах с XVI в. табак стал быстро набирать популярность как лекарственное растение, почти панацея. Табак нюхали, курили через трубки, жевали, смешивали с

различными веществами и употребляли для лечения простуды, головной и зубной боли, кожных и инфекционных заболеваний.

Примерно с XVIII в. курение табака прижилось как атрибут светской жизни, средство проведения аристократического досуга состоятельных слоев общества, сопровождающее утонченные размышления и ритуальное общение в элитном сугубо мужском кругу.

Согласно канонам этикета XIX века, преподнести в букете цветов табака на символическом языке цветов расшифровывалось как «побежденное затруднение» (См. Жизнь в свете, дома и при дворе. Пб, 1890. С. 82).

В России в допетровскую эпоху, в 1634-1697 гг., немногочисленные курящие и распространители табака подвергались жестоким гонениям со стороны как светских, так и религиозных властей. Обоснование для этого усматривалось в их вольнодумстве, богохульстве и, кроме того, опасности возникновения пожаров.

Использование табака как элемента светской жизни и отношение к курению (в то время посредством трубок) в России радикально изменилось при Петре I в связи с проводимой им политикой в сторону ориентации на европейскую моду.

Юридический аспект отношения к курению в современную эпоху обусловлен, с одной стороны, его вредностью для здоровья, с другой стороны, необходимость законодательного регулирования связана с пожароопасностью данного действия. Регламентация выражается в запретах на курение в определенных местах, за нарушение этих запретов предусмотрена административная ответственность (наложение штрафов). Законодательно предусмотрены также ограничения в торговле табачными изделиями, например, запрет на продажу их несовершеннолетним.

К сожалению, принятый 10 июля 2001 г. Федеральный закон Российской Федерации N 87-ФЗ «Об ограничении курения табака» многими признается не очень эффективным из-за отсутствия адекватных подзаконных актов, делающих возможным реальное применение положений

закона на практике. В других странах в последние годы более последовательно проводится политика ужесточения законодательных ограничений курения, нацеленная в существенной степени и на обеспечение прав некурящих людей. В последнее время за рубежом отмечены случаи, когда курящие предъявляли судебные иски табачным компаниям за нанесенный их здоровью вред и выигрывали процессы.

Социологический аспект – это отношение к курению как к вредной привычке, присущее части населения. В качестве мотивов курения признаются объяснения, выдвигаемые самими курящими людьми (привычка, потребность организма); изучаются причины начала курения в подростковом возрасте, например, любопытство; за приобщение к курению признаются ответственными такие групповые процессы как следование моде, подражание авторитетным личностям, фактор группового давления и др.

В **экономическом аспекте** промышленное производство табачных изделий можно расценивать как производство товара для удовлетворения общественных потребностей, использующее импортное сырье – табачный лист. В нашей стране еще со времен Петра I распространение табака было признано экономически выгодным для пополнения государственной казны. И в настоящее время, являясь, наряду с алкогольной продукцией, подакцизным товаром, сигареты, их производство служит существенным источником налоговых отчислений в бюджет государства. Как и любое другое производство, оно приносит своим организаторам коммерческую прибыль; также позитивным моментом для экономики выступает создание новых рабочих мест, способствующее росту занятости населения и снижению безработицы. На легальном рынке имеет место активная конкуренция производителей сигарет, представлен большой выбор разных марок продукции в широком ценовом диапазоне. Вследствие этого, а также достаточной распространенности мест продажи употребление табачных изделий в нашей стране доступно людям из всех слоев общества.

Еще один аспект отношения, связанный с **рекламной деятельностью** табачных корпораций, в процессе которой они представляются поборниками либерализма, сторонниками прогресса и повышения благосостояния населения, в том числе и через посредство спонсорства ими спортивных и культурных мероприятий. Поскольку достаточно прозрачной их целью является пропаганда как минимум толерантного отношения к курению, то в Рамочной конвенции ВОЗ по борьбе против табака, ратифицированной Россией в 2008 г. наряду с ограничениями открытой рекламы табачных изделий, также содержится и требование о принятии законодательных мер для пресечения активности и такого рода.

2.2. Концептуальные основы методики

При разработке методики мы опирались на теорию психологических отношений, разрабатывавшуюся А.Ф. Лазурским и В.Н. Мясищевым и получившую развитие в работах Б.Ф. Ломова, Е.В. Шороховой и др.

Как и большинство авторов, оперирующих термином психологические отношения, мы понимаем под ним характеристики сознания личности или принципиально осознаваемые психические явления. Эти особые состояния сознания предшествуют реальному поведению личности и выражают готовность к этому поведению. Они включают в себя наряду с готовностью к определенному поведению когнитивный аспект, выражающийся в знании об объектах отношения, и эмоциональный аспект - эмоциональную оценку объектов отношения и эмоциональные переживания по отношению к ним.

Признавая вслед за В.А. Ядовым (1979), значительное сходство содержания феноменов психологического отношения и социальной установки, мы принимаем и общность их структуры, состоящей из трех компонентов. Содержательные аспекты осознания курения, субъективную интерпретацию этого явления мы рассматриваем как когнитивный компонент отношения к нему. В качестве эмоционального компонента выступают вербальные и невербальные проявления эмоциональных состояний индивида, связанных с курением. В качестве поведенческого

компонента отношения к курению может выступать не только готовность, но и реальное поведение личности. В целом эта структура из трех компонентов представляет собой личностный уровень отношения к табакокурению.

Поскольку в процессах общения, взаимодействия и совместной деятельности люди одновременно выступают и в качестве субъектов, и в качестве объектов психологических отношений, то последние носят характер взаимоотношений. Для обозначения отношений, возникающих между людьми в процессе совместной жизнедеятельности, обычно используются термины «межличностные» или «социально-психологические» отношения (Н.Н. Обозов, 1979, А.В. Петровский и К.К. Платонов, 1976, и др.). В качестве существенной особенности социально-психологических отношений отмечается являющийся устойчивый, закрепляемый характер. (Е.В. Шорохова и др., 1977).

Последовательный анализ проблемы психологических отношений в социальной психологии предполагает рассмотрение в качестве субъектов и объектов этих отношений не только индивидов, но и различных групп. Социально-психологические отношения, субъектами которых выступают определенные группы людей, мы рассматриваем как межгрупповые отношения. Необходимыми условиями существования таких отношений являются наличие не только внешней, объективной социальной, но и внутренней, психологической общности между членами одной группы. При этом, говоря о психологической общности групп, которая может проявляться в общности ценностей, потребностей и интересов, целей и задач совместной деятельности, мнений, оценок, поступков и т.д., мы имеем в виду общность индивидуальных социально-психологических феноменов, присущих личностям, входящим в рассматриваемые группы. Объективная общность людей, объединенных в группу, в сочетании с их субъективной, психологической общностью создают основу для осознания представителями взаимодействующих групп складывающихся между группами отношений как межгрупповых отношений.

Психологические отношения находятся в определенном соответствии с ценностными ориентациями личности (или ее ценностными отношениями) (См., например, В.А. Ядов, 1979, Б.Ф. Ломов, 1984 и др.). Поэтому в своей методике мы обратились к одной из основных для человека жизненных ценностей - здоровью. В сравнительных исследованиях была продемонстрирована большая личностная экстернальность курящих по сравнению с некурящими (Penny G.N., Robinson J.O. , 1986). Для проверки предположения о том, что курящие считают себя менее ответственными за свое здоровье (таким образом, косвенно оправдывая курение), чем некурящие, мы ввели в методику показатель личностной интернальности – экстернальности, касающийся вопросов здоровья.

Отличительной особенностью избранного нами концептуального подхода к исследованию психологических отношений личности является рассмотрение их на трех уровнях: личностном, межличностном и межгрупповом. Данные уровни рассмотрения социально-психологических феноменов выделяются в качестве правомерных как отечественными (П.Н. Шихирев), так и зарубежными (Д. Дуаз) авторами. Этот подход правомерен и для близких к «отношению» понятий «социальная установка», «стереотип» и «предрассудок».

Обращаясь к рассмотрению второго, межличностного уровня анализа психологических отношений к курению, мы принимаем во внимание такие важные в содержательном плане каналы их формирования, как массовая и межличностная коммуникация. Реальными источниками получения личностью знаний о курении служат как массово ориентированные санитарно-просветительные публикации, так и непосредственное общение. Идею о коммуникативной функции курения в молодежной среде из отечественных авторов разрабатывала Э.В. Малая (1980). Ее предположения о том, что у курящих или выше потребность в общении или ниже ее удовлетворенность были подтверждены выводами нашего исследования, проведенного на реальной группе учащихся медицинского училища. На

смешанной группе (в составе которой были и курящие и некурящие) была проведена социометрическая методика. Результаты ее показали, что некурящие образуют сплоченную подгруппу (с преобладанием взаимных выборов по сравнению с группой в целом). Курящие же, напротив, по сравнению с группой в целом имели выше усредненный негативный статус и у них была выше негативная экспансивность.

Поскольку курящие выступают в акте курения в активной роли, т.е. как деятели, а некурящие – в роли наблюдателей, то дополнительный вклад в прояснение соответствующих отношений (причем на всех трех уровнях) вносит теория каузальной атрибуции в части различного объяснения причин деятелем и наблюдателем (См., например, Х. Хекхаузен, 1986). Нам представляется, что такое различие в ролях может объяснять не только за различия в истолковании причин табачной зависимости как таковой, но и понимание в целом поведения, связанного с курением и его оценку. Вопросы, раскрывающие роль курения в межличностном взаимодействии, предназначены для исследования отношения к курению на межличностном уровне.

На третьем, межгрупповом уровне анализа, мы опирались главным образом на положения концепции межгрупповых отношений Г. Тэджфела и Дж. Тернера. Ими были описаны механизмы, носящие название феномена ингруппового фаворитизма и аутгрупповой враждебности. Они послужили нам источниками для выдвижения гипотез, конкретно раскрывающих эти общие закономерности применительно к явлению курения. Так, можно предположить, что курящие и некурящие, будучи по существу двумя большими социальными группами, вступают между собой во взаимодействие. Это взаимодействие выражается во взаимных оценках, суть которых сводится к тому, что более благоприятно будут оцениваться члены «своей» группы, со сходством по рассматриваемому признаку (т.е. когда оценивают курящие - курящих и некурящие-некурящих), и, напротив, более негативно будут оценивать друг друга те, кто по этому признаку различается

(курящие – некурящих и некурящие – курящих). В случае, когда во взаимодействие вступают индивиды, различающиеся по двум критериям групповой принадлежности (например, некурящие мужчины и курящие женщины), эффект приверженности к своей группе и дискриминации чужой – будет усиливаться. Предлагаемая методика и направлена на решение задачи эмпирической проверки этих гипотетически выделенных качеств отношений.

2.3. Процедура разработки методики. Описание методики

Предлагаемая методика включает в себя стандартизированное интервью по составленному нами перечню вопросов (см. Приложение) и цветовой тест отношений (Бажин, Эткинд, 1985).

Для анализа отношения к курению на личностном уровне в методике стандартизированного интервью при определении основных разделов, направленных на исследование содержания когнитивного компонента отношения к курению, за основу были взяты результаты контент-аналитического исследования публикаций санитарно-просветительной направленности в газетах и журналах по тематике табакокурения (Методические рекомендации, 1988). В соответствии с ними структуру когнитивного компонента образовали три основных тематических раздела: причины курения; последствия курения; меры борьбы с курением.

В раздел «Причины курения» в модифицированном виде или без изменений были включены: медико-биологические причины привыкания организма к курению; личностная предрасположенность к возникновению зависимости от него; влияние друзей и сверстников; влияние родителей и других взрослых на детей, подростков и молодежь; общественно-исторические традиции и обычаи; предрассудки о полезности курения в ряде ситуаций.

В раздел «последствия курения» было перенесено вредное влияние курения на здоровье, прочие позиции раздела были составлены нами. Оценка респондентами вреда представлена двумя показателями: общей оценкой

величины вреда и точностью этой оценки. Сведения о заболеваниях, происхождение которых под действием курения доказано, взяты из отечественной и зарубежной литературы по антитабачной тематике и рекомендаций по проведению антитабачной пропаганды (вопросы №№ 2.1. и 2.3.). Вопросы (№№ 2.2. и 2.4.) на точность оценки составлены из утверждений о не доказанных, но правдоподобных аспектах вредного действия курения.

В раздел «меры борьбы с курением» в том или ином виде были включены: лечебно-профилактические мероприятия; воспитание новых общественных традиций полного отказа от курения; воспитание культуры личности (самоконтроль, культура проведения досуга); общественно-административные и правовые меры борьбы с курением.

При конкретной формулировке вопросов в блоках, образующих перечисленные выше разделы, а также в разделе, посвященном роли курения в общении, с целью повышения достоверности методики нами были использованы результаты, полученные в пилотажном исследовании. Исследование представляло собой свободное неформализованное интервью на выборке курящих респондентов объемом 111 человек. В результате выявлены атрибуты причин курения (получаемых от него субъективных выгод) и атрибуты условий, необходимые для успешного бросания.

Перечень атрибуций преимуществ от курения (для тех формулировок, которые встречались более 1-го раза в скобках указан процент упоминавших их респондентов):

1. «Релаксация и снятие стрессов» (30,6 %): «расслабление в нервной ситуации» (3,6 %); «снижает уровень активации»; «снимает стрессы, отвлекает после стрессов» (15,3 %); «противоядие, когда понервничаешь»; «дает иллюзию успокоения»; «успокоение» (8 %); «спасает от тех болезней, которые от нервов».

2. «Переживание удовольствия» (18 %): «комфорт»; «вкусовые ощущения»; «удовольствие» (8 %); «эротические ощущения»; «приятные

ощущения» (1,8 %); «ловлю кайф»; «дает силу, бодрость»; «наслаждение»; «красиво»; «приятно».

3. «Гармонизация душевного мира» (13,5 %): «дает какую-то удовлетворенность» (8 %); «ухожу в себя»; «отвлечься от окружающей действительности»; «сосредоточиться на прострации, голова пустая»; «состояние оцепенения, пассивности - ложись и лежи, никаких мыслей»; «выход из стрессов - не забыться, а именно их преодоление»; «душевное спокойствие, моральное удовлетворение»; «равновесие - если неприятности»; «в тяжелые моменты - уверенность в себе»; «берешь сигарету - и все встает на свои места».

4. «Улучшение ситуации общения со знакомыми и незнакомыми людьми» (10,8 %): «повод для разговора с близким человеком» (1,8 %); «помогает познакомиться с новым человеком в компании»; «помогает общаться, в компании было бы тяжело, если бы все курили, а я нет - не быть «белой вороной»» (1,8 %); «сближает при контакте с незнакомыми»; «завязывать контакт в своей среде с шапочным знакомым»; «в компании, когда сообщают новость волнующую – сопереживание»; «общаться удобнее за сигаретой»; «лучше контакт с людьми, снимает барьеры».

5. «Символизированный фон покоя, отдыха, перерыв в других занятиях» (10,8 %): «побыть в покое»; «символ отдыха»; «занимает свободное время» (1,8 %); «перерыв в деятельности, «перекур»»; «это замещающая деятельность»; «помогает сократить время»; «вроде чем-то занимаешься, вроде какое-то дело делаешь»; «повод сесть и отдохнуть»; «фоновое занятие, при котором хорошо подумать»; «улучшает отдых»; «инициировать перекур».

6. «Улучшение умственной деятельности» (10 %): «помогает сосредоточиться на работе» (2,7 %); «помогает думать, приходят мысли» (1,8 %); «приходит хорошая идея»; «лучше работается, лучше думается»; «помогает думать, когда читаю»; «философские беседы»; «легче решать задачу».

7. «Регуляция употребления пищи» (3,6 %): «помогает не располнеть» (1,8 %); «подавляет чувство голода»; «в командировках, когда есть нечего».

Перечень атрибуций условий успешного отказа от курения (указан процент от собирающихся бросить):

1. «Воля» (21 %): «сила воли» (14 %); «собственная решимость»; «настроиться»; «на спор»; «нормализовать энергопотенциал (самостоятельно)»; «подготовлюсь и через полтора года брошу сам».

2. «Медицинские меры» (17 %): «гипноз, внушение» (7 %); «очень сильный гипноз»; «какие-либо медикаменты» (8 %); «рефлексотерапия»; «очень сильное, гарантированное средство».

3. «Изменения в образе жизни» (15 %): «обзавестись семьей»; «перемены в личной жизни»; «перейти на более спокойную, интересную работу»; «заняться спортом»; «изменения в общественной жизни (в политике)»; «более спокойная, хорошая жизнь»; «путешествия»; «отдых»; «более высокая зарплата»; «развлечения»; «во многом изменить образ жизни».

4. «Осознание вреда курения» (10 %): «больше узнать о вреде курения»; «реальная угроза умереть завтра, через месяц, если не брошу»; «серьезная болезнь»; «персонально мне адресованный запрет лечащего врача».

5. «Психологическая поддержка» (9 %): «получить психологическую поддержку»; «ориентация на мнение уважаемого человека»; «мнение, осуждение любимого, значимого человека»; «иметь друга, который бы отговаривал от курения»; «группу, что-то вроде клуба трезвости».

6. «Отсутствие курящих вокруг» (8 %): «чтобы не курили в моей компании»; «чтобы не курили мои близкие знакомые»; «чтобы нигде на улицах не было курящих».

7. «Физическая изоляция» (6 %): «запереть в клетку»; «изолировать»; «держаться взаперти».

Блок вопросов, условно названный нами «предрассудки о полезности курения в ряде ситуаций» (вопросы №№ 6.1.-6.6.), был сформирован на

основе анализа содержания некоторых атрибуций причин (преимуществ) курения, обнаруженных нами по результатам приведенного выше исследования.

Раздел «отношение к пассивному курению» был создан нами ввиду его актуальности для анализа социально-психологической стороны курения (вопрос №3.1.).

С целью выявления эмоционального компонента отношения к курению, взяв за основу работу К. Изарда (1980), мы подобрали вербальные обозначения для спектра разнообразных эмоциональных состояний. Этот перечень состоял из 9 позиций: удивление, интерес, радость, гнев, страх, отвращение, печаль (горе), презрение, стыд. Включенный в интервью перечень (вопрос № 1.2), а также применяемый отдельно цветовой тест отношений в сочетании дают возможность получить картину эмоционального отношения к курению как в вербальном, так и в невербальном аспекте.

Следующим после личностного уровня отношения к курению, подлежит освещению **межличностное взаимодействие**, связанное с курением.

Роль курения в межличностных взаимоотношениях может быть реализована через различные механизмы, в том числе заражение, внушение, групповое давление и др. Принятые (усвоенные) стереотипы мужественности-женственности, затрагивающие факт курения, способны оказывать влияние на восприятие партнеров по общению. Таким образом, прослеживание возможных направлений связи курения и общения на межличностном уровне анализа отношений служит для характеристики курения как атрибута общения. При составлении вопросов (№ 7.1 – 7.4) в раздел, посвященный выяснению того, действительно ли курение улучшает ситуацию общения и за счет чего это достигается, использовалась соответствующая группа атрибуций из нашего исследования. При составлении обоих разделов, раскрывающих межличностный уровень

отношения, использовались материалы публикаций популярной санитарно-просветительной литературы.

Для выявления **межгрупповых отношений** курящих и некурящих предназначались два раздела методики. Первый из них отражает ситуации, в которых участники курят, в том числе блок 1) - характеристика поведения людей в этих ситуациях (вопросы № 10.1 – 10.4) и блок 2) - диалоги между действующими в этих ситуациях лицами (вопросы № 11.1 – 11.4). Ситуации были составлены нами, апробированы, и по результатам пилотажа методики приобрели форму закрытых вопросов, где в качестве вариантов ответов респондентам предлагалось выбрать один, наиболее подходящий, по их мнению, вариант поведения участников. Включение в описание этих ситуаций гендерных различий партнеров по взаимодействию позволяет оценить влияние фактора пола во взаимоотношениях курящих и некурящих.

Второй раздел предназначен для оценки личностных качеств курящих и некурящих людей, а также самого респондента (вопрос № 9.1). Для создания показателя восприятия межгрупповых различий курящих и некурящих было отобрано 20 наименований личностных качеств. Они были взяты из материалов зарубежных исследований психологических различий между курящими и некурящими (в том числе и те качества, для которых достоверность различий статистически не подтвердилась), Для терминов, обозначающих эти различия, были подобраны их синонимы в русском языке, отвечающие необходимым требованиям. Подбирались такие слова-характеристики, которые имеют связь с межличностным общением, по возможности, нагружены престижностью и социальной желательностью. Принималось во внимание также, чтобы это были общеупотребительные, встречающиеся в разговорной лексике слова.

Описание методики

Кратко охарактеризуем входящие в структуру методики показатели и их эмпирические референты. При исследовании отношения к курению на

личностном уровне мы выделяли когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты отношения.

Когнитивный компонент личностного уровня анализа отношения к курению представлен следующими показателями (блоками вопросов).

Показатель *«объяснение причин курения»*. Направлен на выявление представлений о факторах, ответственных за образование зависимости от курения. Здесь выясняется значение следующих факторов: биологических, личностных, и социальных (вопросы № 5.1 – 5.4).

Показатель субъективных преимуществ («выгод») от курения. Эмпирические референты представлены в форме утверждений, рационально объясняющих, оправдывающих курение. Включает эмпирические референты по сферам: преодоление стрессов; получение удовольствия; достижение душевного покоя; символ отдыха; повышение умственной активности; контроль питания (вопросы № 6.1.-6.6)..

Показатель вреда курения для здоровья представлен вопросами, направленными на обнаружение склонности преувеличивать либо преуменьшать вред, наносимый курением (вопросы № 2.1 – 2.4): 1) непосредственная оценка величины вреда и 2) точность оценки вреда. Эмпирические референты блока прямой оценки вреда направлены на

Показатель мнений о мерах борьбы с курением. Вопросы задаются в соответствии с двумя аспектами проблемы: условия, которые приведут к индивидуальному отказу от курения, и об общественные меры борьбы с курением. Эмпирические референты представлены двумя блоками (вопросы № 12.1 – 12.9):

а) меры личной борьбы: собственная решимость курящего, медико-лечебная помощь; перемены в образе жизни; запрет врача (вопросы № 12.1 – 12.4);

б) общественные меры борьбы: запрет на курение в общественных местах; уменьшение доступности сигарет; психологическая поддержка от

близких и со стороны других бросающих - друг другу; пропаганда для уяснения вреда курения (вопросы № 12.5 – 12.9).

Показатель понимания и конвенционального поведения в связи с пассивным курением включает специальный вопрос (№3.1), предполагающий количественную оценку вреда от пассивного курения. Вопрос №10.3, характеризующий взаимодействие курящих и некурящих в контексте этой проблемы, также присоединяется к данному показателю.

Показатель локуса контроля в области здоровья (вопросы №№4.1 - 4.4) выявляет склонность респондентов приписывать ответственность за свое здоровье зависящим от них самих либо внешним причинам. Здесь респонденту предлагается оценить те факторы, которые в наибольшей степени ответственны за здоровье: поведение самого человека, природные свойства организма, уровень медицинской помощи, влияние экологии и напряженного ритма жизни.

Эмоциональный компонент в методике интервью представлен двумя блоками – общее отношение к курению и конкретные эмоциональные состояния в связи с ним (вопросы № 1.1 и 1.2).

Поведенческий компонент личностного уровня отношения в методике представлен одним разделом, расположенным в конце интервью и содержащим вопросы о реальном поведении респондентов в связи с курением. Заключительные вопросы различаются для курящих (№ 16.1-16.7) и некурящих (№ 17.1.-17.2).

Межличностный уровень анализа отношения к курению включает в себя два раздела: функции курения в общении и связанные с ним стереотипы.

Показатель, раскрывающий коммуникативные функции курения, включает позиции: способствует ли и как именно курение общению, принято ли «поддерживать компанию», об использовании курения как повода и предлога в контексте ситуаций общения, о большей близости общения, достигаемой благодаря курению. Вопросы также контролируют вклад фактора пола.

Показатель стереотипов мужественности-женственности в связи с курением раскрывает восприятие имиджа курящего в контексте стереотипов маскулинности-феминности.

Межгрупповой уровень анализа отношения к курению содержит в себе два раздела. Первый *показатель поведения в ситуациях межгруппового взаимодействия* между курящими и некурящими - представлен двумя блоками, различающимися формой предъявления вопросов: а) обычные формы поведения и их характеристика; б) диалоги в ситуациях.

Второй раздел - *показатель восприятия межгрупповых различий* в личностных качествах у представителей групп курящих и некурящих. Для оценки приводится список из 20 качеств. Предлагается оценивать личностные качества применительно к курящим, некурящим и себе самому.

Межгрупповому уровню отношения принадлежит также вопрос на идентификацию респондентом себя с группами курящих либо некурящих. (№ 15.)

Все вопросы стандартизированного интервью закрытые, что обеспечивает удобство проведения и обработки. После пилотажа методики на выборке объемом 40 человек в нее были внесены некоторые дополнения, о которых было сказано выше. В конце имеется раздел для сообщения респондентом сведений о себе (вопросы №№ 13.1-14.).

Объект основного исследования составила выборка объемом 192 человек взрослых курящих и некурящих жителей г. Москвы и Московской области. По полу выборка характеризовалась: 96 мужчин и 96 женщин; по возрасту: до 20 лет – 55,4 %, 20-29 лет – 23,1 %, 30-39 лет – 12,3 %, 40-49 лет - 7,7 %, 50 лет и старше - 1,5 %; по образованию: среднее – 24,6%, незаконченное высшее - 48,9 %, высшее – 25,2 %. Группы курящих и некурящих подбирались с соблюдением их однородности по социокультурной принадлежности.

Выборка была разделена в зависимости от собственного поведения респондентов в отношении курения (вопросы анкеты №№ 15-17) на две

основные и одну добавочную группу. Первая основная группа исследования - «курящие», составляла 75 человек и была отобрана из респондентов, указавших, что они курят в настоящее время. Такие характеристики, как стаж курения, периодичность и количество выкуриваемых в день сигарет в группе различались. Вторая основная группа исследования – «некурящие», была образована из 97 респондентов, указавших что они не курят в настоящее время и никогда систематически не курили в прошлом. Оставшиеся респонденты (20 человек) образовали добавочную группу – «бросившие», на основании того, что они указали, что не курят в настоящее время, однако в прошлом у них имелся период, когда они систематически курили. Данные респондентов из добавочной группы включались в статистическую обработку при анализе данных в целом по выборке, при сравнении ответов у групп мужчин и женщин, а также учитывались при факторном анализе.

2.4. Процедура работы с методикой

Проведение методики стандартизированного интервью занимает в среднем 20 минут.

Цветовой тест отношений проводится в форме двух последовательных раскладок цветowych карточек. Инструкция к раскладке № 1: «Перед Вами разложены карточки разных цветов. Выберите цвет, наиболее подходящий к понятию «курение»... Теперь то же самое из оставшихся цветов... И так далее, проранжируйте все цвета, закончив цветом, наименее подходящим к «курению». Инструкция к раскладке № 2 аналогична инструкции к тесту Люшера «Выберите самый красивый, самый приятный для глаз цвет... Таким образом проранжируйте все цвета, закончив наименее приятным для Вас цветом». Результаты обеих раскладок протоколировались.

Методы статистической обработки данных

В проведенном исследовании данные обрабатывались в пакете программ «STATISTICA».

Обработка данных цветового теста состояла в вычислении значения разности рангов, приписанных каждому цвету в процессе выполнения

респондентом двух раскладок цветowych карточек с разными инструкциями: : раскладкой на курение и аутентичной раскладки. Согласно методическим рекомендациям (Бажин, Эткинд, 1985) из ранга по первой раскладке вычитался ранг второй раскладки. Полученная разность рангов и есть величина, характеризующая эмоциональное отношение к тестируемому объекту.

Обработка результатов интервью включала как необходимый этап – подсчет средних, медианы, отклонений. В зависимости от целей исследования в обработке данных, получаемых с помощью методики, можно применить: t-критерий факторный и кластерный анализ и др.

Использовались следующие методы математического анализа: критерий ранговой корреляции Спирмена для выявления связи между изучаемыми параметрами отношения, t-критерий Стьюдента и U-критерий Манна-Уитни для сравнения двух выборок, G-критерий знаков для оценки значимости сдвига переменной, факторный анализ для выявления ядерных структур при редукции переменных.

На основе имеющегося показателя вреда курения для здоровья вычислялся новый показатель, отражающий точность оценок этого вреда. Для этого вычислялась разность оценок истинного и мнимого вреда (вопросы №№2.1 – 2.4) по следующей формуле:

$$(2.1 + 2.3) - (2.2 + 2.4),$$

где вопросы №№ 2.1 и 2.3 содержат утверждения об «истинных», доказанных аспектах вреда; а вопросы №№ 2.2 и 2.4 - утверждения о не доказанных, но правдоподобных аспектах вредного действия курения.

Для обнаружения скрытых общих факторов проводился факторный анализ с целью укрупнения (редукции) данных и поиска возможных источников влияния на формирование отношения к табакокурению.

Поскольку данная методика не содержит шкал контроля намеренного искажения ответов («лжи»), то она работоспособна при относительно нейтральной мотивации участия в исследовании, незаинтересованности

респондентов-испытуемых влиять прямо или косвенно на итоговые результаты. Это ограничение может быть снято только при условии ее подтверждения объективными методами контроля фактического употребления сигарет.

Обработка результатов цветового теста отношений.

Проанализировав ряд литературных источников об использовании цветового теста для изучения: а) отношений – Бажин и Эткинд (1985), и б) эмоционально-потребностной сферы личности - Авдеев (1992); Петренко и Кучеренко (1988), Практикум по психодиагностике (1988); Собчик (1997), Соколова (1987), при обработке полученных эмпирических данных мы исходили из следующих интерпретаций цветов:

7 – черный. Личностная позиция демонстративно-отрицательного отношения к реальности, негативизм, агрессивность, непокорность.

6 – светло-коричневый. Склонность признавать в курении соматический дискомфорт ощущений, тревожность, напряженность физиологических потребностей.

0 – светло-серый. Личностная позиция отстраненности, безучастности, потребность оградить себя от излишних переживаний и контактов.

1 – темно-синий. Склонность видеть в курении средство успокоиться, обрести устойчивую опору, комфортную расслабленность, чувство защищенности.

5 – малиновый. Разнонаправленные личностные тенденции при компенсаторном включении функции воображения и снижении интегрирующей функции сознания, «гармония противоречий».

3 – красно-оранжевый. Склонность видеть в курении средство повысить свою энергетическую мобилизованность и наполненность, получить удовольствие и радость.

2 – густо-зеленый. Личностная позиция самоутверждения; стремление одержать победу над внешними препятствиями, используя настойчивость и волевою напряженность.

4 – ярко-желтый. Склонность видеть в курении средство обрести творческую спонтанность, используя активную вовлеченность в эмоционально насыщенный процесс межличностного взаимодействия.

Глава 3. Сравнительное исследование отношения к табакокурению у мужчин и женщин

3.1. Общая характеристика результатов многоуровневого исследования отношения к табакокурению

Рассмотрим вначале общие тенденции, проявившиеся по выборке в целом в следующей последовательности: личностный уровень анализа отношения к курению (включая когнитивный и эмоциональный компоненты), межличностный и межгрупповой уровни анализа отношения к курению.

Поскольку курящие и некурящие в выборке принадлежат к единому социокультурному и информационному пространству, пользуются одними и теми же или сходными источниками получения информации о курении, мы можем предполагать существенное сходство в содержании **КОГНИТИВНОГО КОМПОНЕНТА** их отношения. При анализе ответов на вопросы, касающиеся вреда курения, это сходство выразилось в преобладании доказанных аспектов вреда над недоказанными (вымышленными). В среднем по выборке, если принимать за единицу отсчета тот вред от курения, который получает сам курящий, вред от «пассивного» курения оценивался в 0,76.

По блоку вопросов о причинах курения в качестве наиболее значимого оценивалось суждение, что привычка к курению образуется от продолжительного времени употребления (среднее 4,2 по 5-балльной шкале), во вторую очередь назывались предрасполагающие к привыканию к курению личностные свойства, такие как, например, слабая волевая организация (3,9), затем в порядке убывания значимости располагались объяснение распространенности курения соответствующими традициями и обычаями в обществе (3,3) и, наконец, мнение, что имеются биологические предпосылки, ответственные за образование химической зависимости организма от компонентов табачного дыма (3,1).

По блоку «выгод» от курения на первое место респонденты ставили мнение о том, что курение снимает нервное напряжение и успокаивает (среднее 4,0 по 5-балльной шкале), на втором месте было преодоление монотонности времени вынужденного ожидания (3,9), затем мнения о том, что курение приносит удовольствие (3,2), что это своеобразный способ медитации, который дает душевный покой и уравновешенность (2,9), что оно помогает ограничивать себя в еде и не набирать лишний вес (2,5), и в последнюю очередь считали, что курение стимулирует умственную

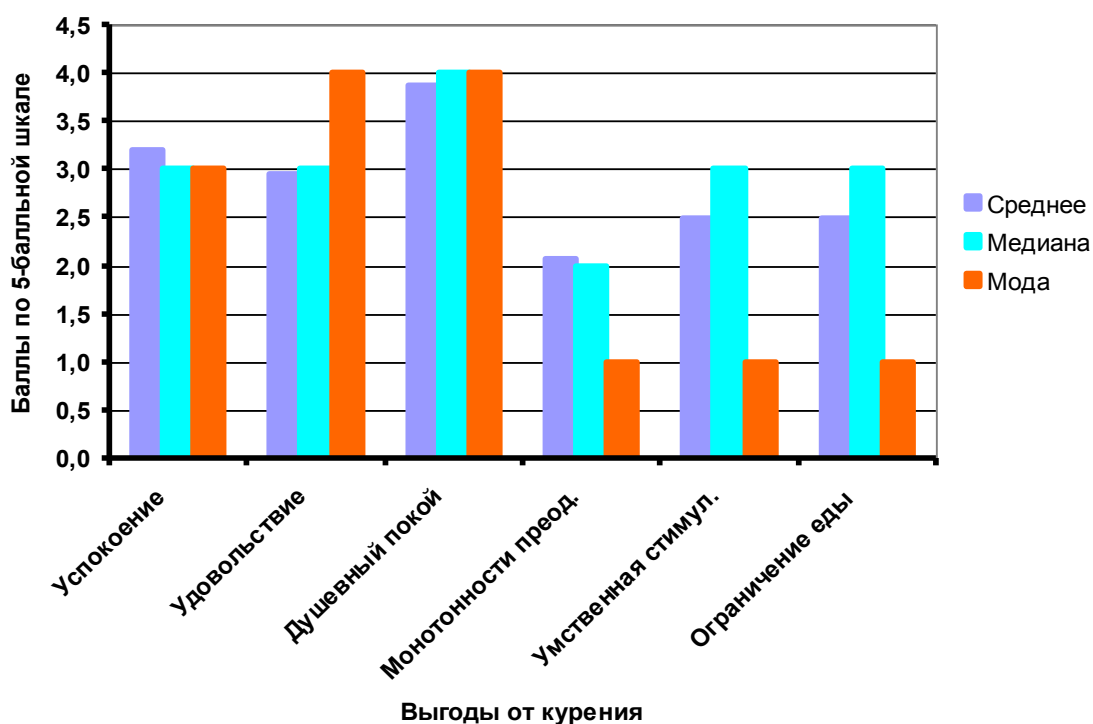

Рис. 1. Оценка выгод от курения.

деятельность (2,1).

По блоку методов борьбы с курением средние предпочтения распределились следующим образом: на первом месте оказалась собственная сила воли и решительность (4,6 по 5-балльной шкале), на втором - перемены в образе жизни в сторону более здорового образа жизни (3,9), на третьем психологическая поддержка бросающему со стороны близких и психологическая поддержка бросающих друг другу индивидуально и в группах (по 3,8), на четвертом - запрет лечащего врача в связи с состоянием здоровья (3,4), на пятом - разъяснение, пропаганда, содействующие лучшему

пониманию вреда курения (3,3), на шестом - научно обоснованные методы лечебно-медицинского характера (3,2), на седьмом - увеличение числа мест, где соблюдается запрет на курение (3,0), и на последнем месте по значимости оказались нетрадиционные методы, такие как восточная медицина и оккультные методы лечения (2,9).

Изложенные выше эмпирические данные мы считаем возможным соотнести с разными трактовками вопроса о гомогенности содержания когнитивного компонента отношения. Первая позиция, которая обосновывалась Б.Ф. Поршневым и Ю.А. Шерковиным (Поршневым, 1979; Шерковин, 1973; Шерковин, 1976) состоит в том, что естественным следствием способности к пониманию речевых сообщений является склонность человека к согласию с прослушиваемыми речевыми информационными сообщениями. Они усваиваются субъектом как фоновые, причем формирование собственного отношения представляет собой «вторичное явление, сложный психический узор по этой простой исходной канве» (Поршневым, 1979).

Альтернативная позиция принадлежит Ш.А. Надирашвили (Надирашвили, 1978а; Надирашвили, 1979). Оперируя синонимичным к психологическому отношению понятием социальной установки, он допускает в составе последней присутствие только однородной информации за счет отсутствия противоположной, противоречащей ей. Если бы в нашем исследовании такое теоретическое допущение реализовалось, то могла бы наблюдаться такая картина: курящие признавали бы за курением одни только выгоды, отрицая его вред, а некурящие - наоборот. Однако, в полученных нами данных подобного эффекта не наблюдалось. Этим еще раз подтверждается адекватность используемого нами понятийного аппарата изучаемым эмпирическим фактам.

Таким образом, нам представляется необходимым учитывать тенденцию респондентов демонстрировать конвенциональное согласие и понимание на вербальном уровне всей информации, которую они получали

из заслуживающих доверия источников. Поэтому даже небольшие отклонения от фоновых тенденций могут быть весьма информативны.

Учитывая тот факт, что не все тенденции могут проявиться на значимом уровне, при изложении результатов в некоторых случаях будут приведены и такие зависимости, которые не достигли значимого уровня (т.е. если $p > 0,05$).

По **эмоциональному компоненту** полученные данные указывают на общее негативное отношение к курению как к явлению. Ответы на прямой вопрос об отношении к курению выявили общее негативное эмоциональное отношение к курению по всей выборке (мода – ответ «скорее отрицательно»).

По блоку вербальных обозначений эмоциональных состояний, связанных с курением в целом по выборке предпочтения распределились следующим образом (средние ранги в порядке убывания): печаль, горе

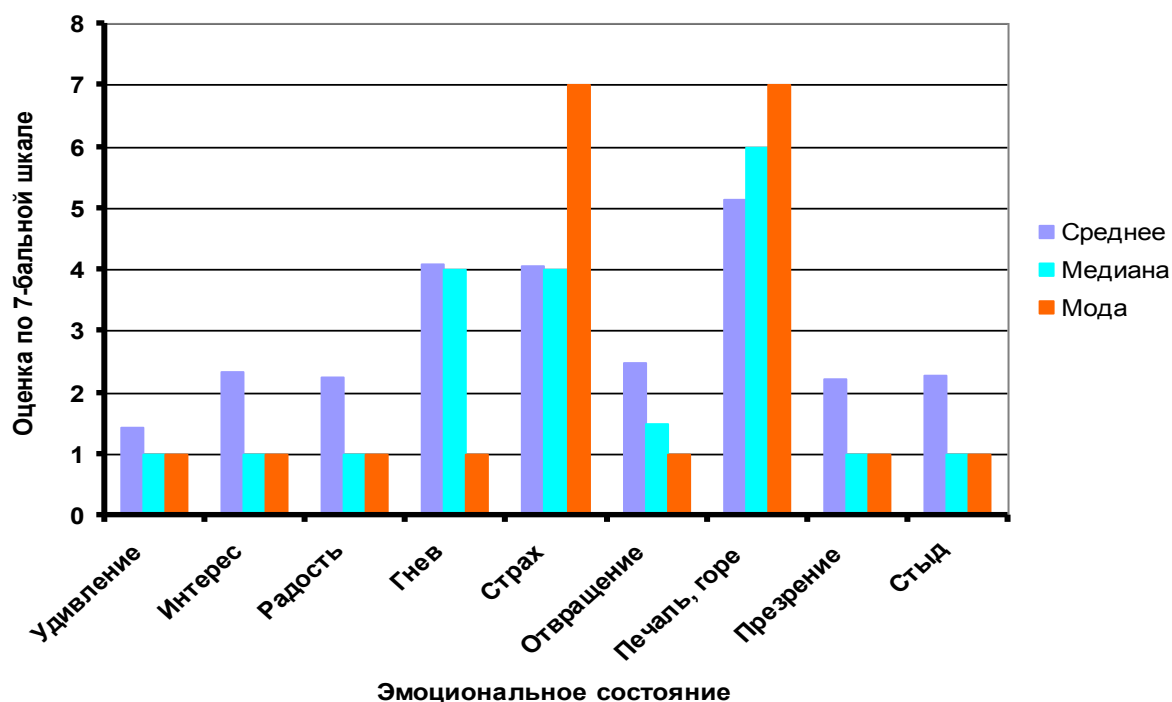

Рис. 2. Вербальная характеристика эмоций, связанных с курением.

(5,14), гнев (4,07), страх (4,06), отвращение (2,48), интерес (2,33), стыд (2,28), радость (2,24), презрение (2,22), удивление (1,41).

Усредненная ранжировка цветов, ассоциирующихся с курением, по выборке в целом выстраивалась в последовательность (в скобках стандартные номера цветов): черный (7), коричневый (6), серый (0), синий (1), малиновый (5), красный (3), зеленый (2), желтый (4). Такая последовательность, по нашему мнению, может свидетельствовать об ассоциации курения с различными негативными эмоциональными состояниями, сопровождающими внутриличностные конфликты, фрустрации: пассивностью, агрессивностью, тревожностью и др.

Средние ранги по предпочтению превосходили средние ранги ранжирования на курение у цветов: зеленый, желтый, красный, малиновый. И наоборот, средние ранги по предпочтению были ниже по сравнению с ранжированием на курение у цветов: черный, коричневый, серый, синий.

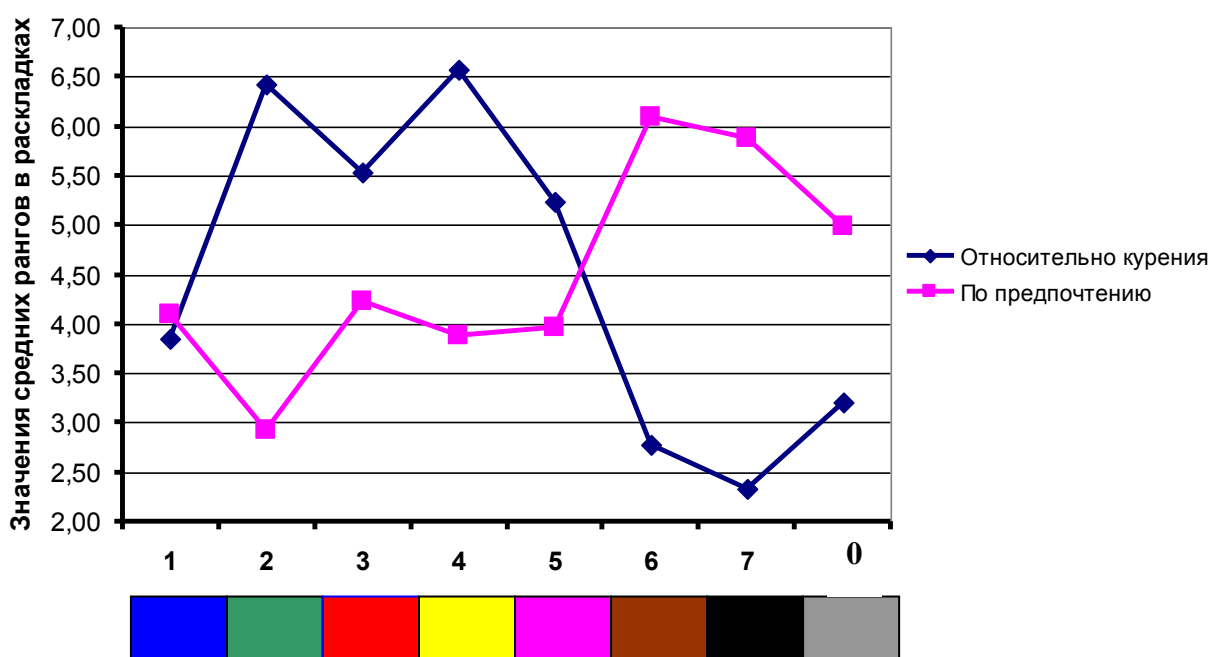

Рис. 3. Соотношение средних рангов цветов в раскладках относительно курения и по предпочтению.

Таким образом, усредненная раскладка цветов, ассоциирующихся с курением, была зеркально противоположна усредненной раскладке по личностному предпочтению (при выборе наиболее приятного цвета). Это

также подтверждает общую тенденцию негативного эмоционального отношения к курению, причем не только в осознаваемых, но даже в большей степени в неосознаваемых аспектах. В матрице сопряженности двух ранжировок цветowych карточек – на курение и по личностному предпочтению - значимым оказалось сходство в рангах синего и желтого цветов ($p < 0,05$). Это можно интерпретировать как свидетельство о большей субъективной значимости данных цветов, рассматриваемых в связи с курением, как средства для регуляции эмоциональных состояний в целях успокоения, расслабления, с одной стороны, и для обретения творческой спонтанности, повышения общительности и уверенности в себе - с другой.

При анализе отношения к курению на личностном уровне была обнаружена большая согласованность разных показателей, относящихся к эмоциональному компоненту. Она проявлялась по общему и частным вербальным суждениям об эмоциях, ассоциирующихся с курением, и подтверждалась результатами цветового теста. Обнаружилась также выраженная взаимосвязь соответствия эмоционального компонента отношения когнитивному компоненту в части признания степени вреда курения для здоровья. Эти данные свидетельствуют о структурных взаимосвязях как внутри отдельных компонентов психологического отношения к курению, так и между ними.

На **межличностном уровне анализа** можно отметить, что с курением респонденты в относительно большей степени связывали женскую эмансипированность (среднее 2,3 по 5-балльной шкале), а в наименьшей степени – женственность (среднее 1,5). На фоне этих двух мнений приверженность стереотипному суждению, что курение – это символ мужественности (среднее 1,9) занимала среднее место. Это вполне понятно, учитывая большую традиционность курения мужчин, при этом массовое приобщение женщин к курению - явление исторически более новое.

В связи с функциями курения в межличностном общении также можно отметить и значимые различия по такому личностному качеству, как

привлекательность, оценка которого была в пользу некурящих. Сравнение производилось по t-критерию для двух зависимых выборок. Респонденты отмечали большую привлекательность некурящего мужчины на фоне курящего ($t = - 6,46$; средние, соответственно, 4,7 и 3,7, различия значимы на уровне тенденции) и особенно демонстративным и согласованным было различие в привлекательности некурящей и курящей женщин ($t = - 11,39$; средние, соответственно, 5,0 и 2,8) (значимо, $p < 0,05$).

Для выявления общих различий в отношениях к курящим и некурящим в целом по выборке на **межгрупповом уровне анализа** нами анализировались показатели оценки личностных качеств, приписываемых курящим и некурящим, а также приписывание диалогов и характеристики типичного поведения в ситуациях взаимодействия курящих и некурящих мужчин и женщин. Сравнение производилось по t-критерию для двух зависимых выборок.

В целом по выборке курящим в большей степени, чем некурящим приписывалось большинство негативных качеств из предлагавшегося списка (значимо, $p < 0,05$): беспокойный, зависимый, унылый, озабоченный собственными проблемами, склонный к конфликтам, эгоистичный (и «равнодушный» - незначимо). Равнодушие было расценено экспертами как негативное личностное качество, и оно сочеталось, как далее будет показано, с потенциальной (неявной) враждебностью, присутствующей в ситуациях взаимодействия.

Большинство положительных качеств у курящих по сравнению с некурящими, соответственно, оценивалось ниже (значимо, $p < 0,05$): аккуратный, благополучный, имеющий гармоничные отношения с людьми (на работе, в семье), вежливый, добрый (мягкий), имеющий высокие моральные качества, спокойный, сдержанный (умеющий «держать себя в руках»), уверенный в себе, счастливый. Таким образом, за исключением качества общительности это полный список положительных качеств, предлагавшихся к оценке.

Таким образом, в целом по выборке и курящие, и некурящие более высоко оценивали выраженность у некурящих, по сравнению с курящими, почти всех положительных личностных качеств, а ниже – почти всех отрицательных за исключением замкнутости и общительности (различия значимы, $p < 0,05$): большую общительность наши респонденты приписывали курящим, а большую замкнутость – некурящим.

Тенденция общего негативного эмоционального отношения к курению по выборке (мода – ответ «скорее отрицательно») сочетается с относительно более негативной оценкой личностных качеств тех людей, которым оно присуще. Эти данные можно интерпретировать как свидетельство взаимосвязи проявлений отношения к курению как субъект-объектного отношения (отношение, объектом которого выступает курению как явление) и субъект-субъектного отношения (отношения, объектом которого выступают курящие и некурящие люди).

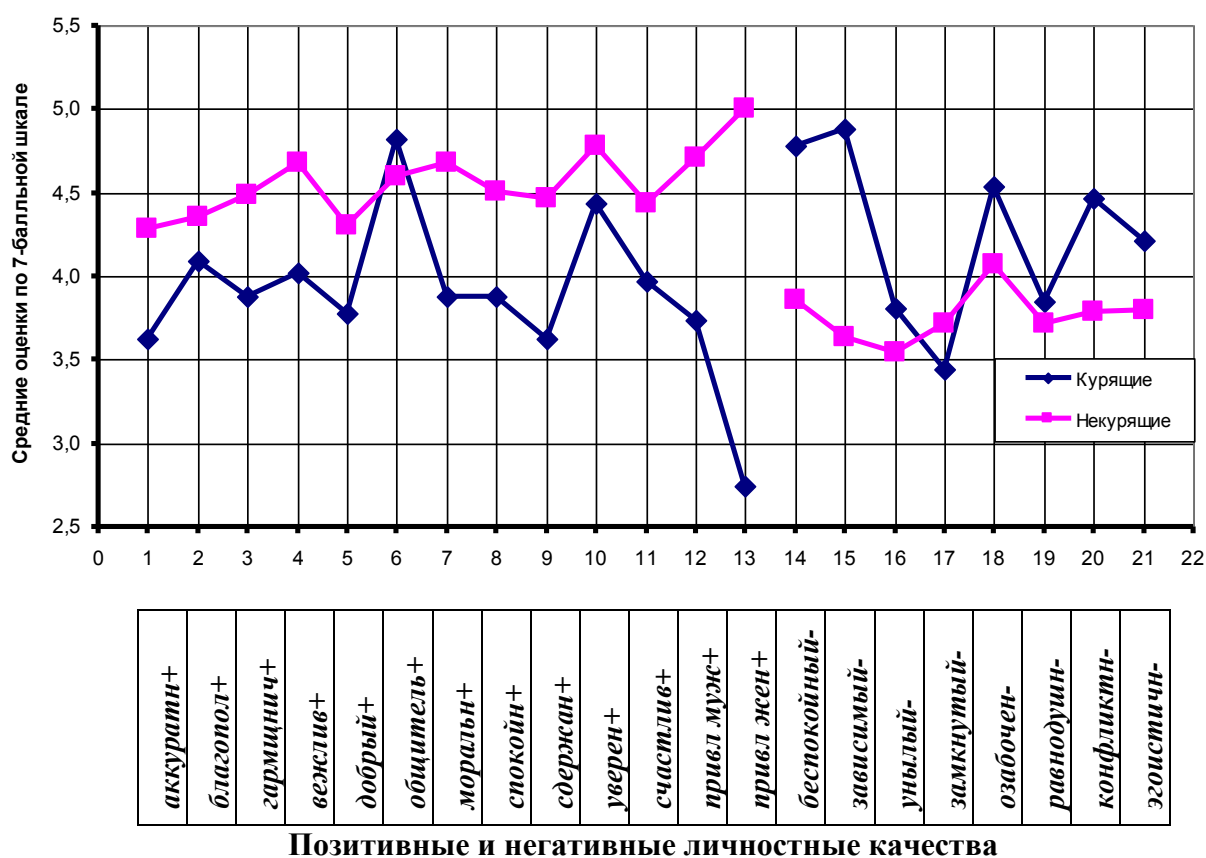

Рис. 4. Средние значения оценок выраженности позитивных и негативных личностных качеств применительно к курящим и некурящим людям (выступают объектом оценки).

Эту взаимосвязь можно объяснить также как результат действия «эффекта ореола». Данный эффект, который описывался применительно к стереотипам, состоит в переносе негативной оценки самого этого явления – курения - на другие, смежные с ним объекты – категорию курящих людей.

Теперь перейдем к анализу общих результатов по характеристикам типичного поведения, присущего курящим и некурящим мужчинам и женщинам. По проективным ситуациям взаимодействия, связанным с «пассивным курением», персонажи – курящие мужчины при выборе ситуации, подходящей для курения, по сравнению с персонажами курящих женщин чаще принимали во внимание собственное желание и наличие сигарет, последние же – запреты на курение в общественных местах (значимо, $p < 0,05$). Персонажи – некурящие женщины, оказавшись в ситуациях «пассивного курения» чаще по сравнению с некурящими мужчинами выражали активный протест, последние же чаще относились безразлично (значимо, $p < 0,05$)

Сравнительный анализ данных по приписываемым диалогам в ситуациях «пассивного» курения - межгруппового взаимодействия курящих и некурящих мужчин и женщин с помощью t-критерия для зависимых выборок в целом по выборке показал следующее. Максимально доброжелательным было общение между некурящей и курящей женщинами (средние баллы по 3-балльной шкале 2,61 и 2,44, соответственно). Со стороны курящих персонажей обоего пола выражалась большая степень враждебности как в адрес персонажа некурящего мужчины (по сравнению с тем, что выражалось им самим в той же ситуации), так и в адрес некурящей женщины (чем выражалась ею самой в той же ситуации).

Таким образом, рассмотренные результаты дают основание полагать, что общее негативное отношение к курению как к явлению сказывается и на сравнительно более негативном отношении к курящим людям. Причем в ситуациях взаимодействия, связанных с «пассивным курением», сами курящие мужчины проявляли недоброжелательность к некурящим.

3. 2. Различия в отношении к табакокурению у курящих и некурящих людей

Анализ полученных данных позволил обнаружить ряд различий между курящими и некурящими, хотя не все они оказались статистически значимыми. В ряде случаев значимость различий нами дополнительно проверялась данными корреляционного анализа.

В когнитивном компоненте отношения различия касались представлений о вреде курения для здоровья. Так, курящие отличались большей критичностью в оценке вреда для здоровья, в силу чего оказались более способными различить действительные и мнимые аспекты вреда (незначимо). Однако, некурящие отличались более высокой оценкой связи курения и заболеваний легких (значимо, $p < 0,05$), что, согласно литературным данным, является наиболее доказанным пунктом в списке вредных влияний курения.

Курящие в среднем выше оценивали весь блок «выгод» от курения (незначимо). Из отдельных «выгод» курящие предпочитали то, что оно помогает им преодолеть монотонность времени вынужденного ожидания и приносит удовольствие (значимо, $p < 0,01$).

Таблица 1. Значимость различий в признании выгод от курения между курящими и некурящими (по критерию Манна-Уитни).

Выгоды от курения	Сумма рангов		U	Z	p
	некурящие	курящие			
Успокоение	7194,500	6666,500	3008,500	-1,39568	0,162812
Удовольствие	6690,000	7005,000	2595,000	-2,66394	0,007723
Медитация	7575,000	6286,000	3389,000	-0,07861	0,937340
Преодоление монотонности	6623,000	7238,000	2437,000	-3,33358	0,000857
Умственная деятельность.	7312,000	6549,000	3126,000	-0,98447	0,324884
Контроль веса	7605,000	6256,000	3406,000	0,02175	0,982651

Причем среди курящих наибольшее признание выгоды «преодоление монотонности времени вынужденного ожидания» было характерно для нежелающих бросать (см. параграф 3.3.). Некурящие превосходили курящих в признании верными утверждений, что с помощью курения можно контролировать вес и что курение является средством для медитации (незначимо, $p < 0,1$).

В блоке причин, объясняющих распространенность курения, некурящие, по сравнению с курящими, были более склонны объяснять это явление «наличием соответствующих традиций и обычаев в обществе» (значимо по матрице корреляции, $p < 0,01$). Однако, более высокие баллы у некурящих, хотя и с незначимыми различиями, получили такие причины, как «продолжительное время употребления» и «предрасполагающие личностные свойства, например, слабая волевая организация».

Таблица 2. Значимость различий в определении причин курения между курящими и некурящими (по критерию Манна-Уитни)

Причины курения	Сумма рангов		U	Z	p
	некурящие	курящие			
Биологические	7180,500	6680,500	2994,500	-1,39187	0,163962
Личностные	8078,000	5783,000	2933,000	1,63294	0,102482
От времени	7817,500	6043,500	3193,500	0,78958	0,429772
Общественные	8514,000	5347,000	2497,000	3,04729	0,002309

Для объяснения этого явления может быть привлечена закономерность, выявленная применительно к атрибуции причин поступков человека, и получившая название дивергентное объяснение причин деятелем и наблюдателем (Хекхаузен, 1986) и фундаментальная ошибка атрибуции (Майерс, 2007 и др.): действующий субъект объясняет свои поступки, исходя из условий ситуации, позиция наблюдателя предрасполагает замечать и приписывать личностные причины. В соответствии с этими

закономерностями курящие усматривали условия ситуации и предпочитали давать объяснения через «биологические предпосылки, ответственные за образование химической зависимости организма от компонентов табачного дыма» (незначимо).

Из мер, предпринимаемых для борьбы с курением, некурящие выше оценивали значимость большинства мер борьбы, причем значимо медицинские меры ($p < 0,05$) и поддержку близких ($p < 0,05$). Курящие незначимо предпочитали запрет врача, нетрадиционные медицинские меры и ведение более здорового образа жизни.

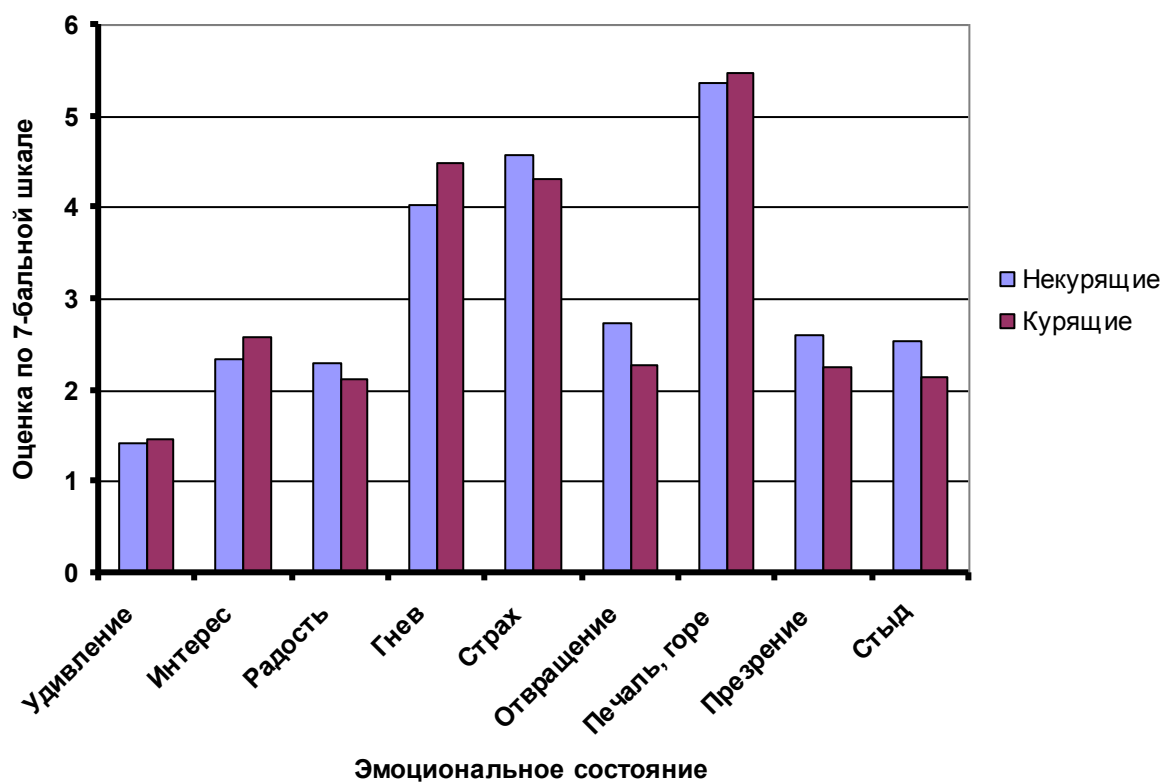

Рис. 5. Средние значения оценок связи курения с различными эмоциональными состояниями, сделанных курящими и некурящими людьми.

Наиболее показательными и существенными были различия в эмоциональном компоненте отношения. Так, общее эмоциональное отношение (по вербальной методике) к курению значимо ($p < 0,01$) различалось у курящих и некурящих: курящие чаще оценивают свое отношение к курению как безразличное, а некурящие - как отрицательное. Частные эмоции, ассоциирующиеся с курением, также различались у

курящих и некурящих. Некурящие более высоко оценивали связь курения с такими эмоциональными состояниями, как радость, страх, презрение и стыд, а курящие – с такими, как удивление, интерес, гнев и печаль, горе. Однако статистически значимые различия были обнаружены лишь в оценках по позиции «отвращение», которая сильнее связывалась с курением некурящими ($p < 0,05$).

По цветовому тесту значимых различий между курящими и некурящими не обнаружилось, однако незначимо некурящие демонстрировали более высокий ранг светло-коричневого цвета, что может свидетельствовать о большей склонности некурящих признавать за курением (табачным дымом) способность вызывать неприятные соматические ощущения.

Таблица 3. Значимость различий в оценках функций курения в общении между курящими и некурящими (по критерию Манна-Уитни)

Переменные	U-критерий	Z-статистика	Уровень значимости
Контакт с незнакомым	2896,500	-2,35229	0,018659
Общение со знакомым	3600,000	0,11918	0,905135
Открытость в общении	3142,500	1,58176	0,113705
Круг знакомств	3210,000	1,36284	0,172935
Вид курящего	3004,500	2,04223	0,041129
Приглашение закурить	3172,500	1,49054	0,136084
Мужественность	3306,500	1,13066	0,258198
Женственность	3319,500	1,23743	0,215927
Женская эмансипированность	3560,500	0,24695	0,804948

По блоку вопросов, направленных на выявление функций курения в общении (межличностный уровень анализа отношения к курению) существенных значимых различий не отмечалось, что можно объяснить

принадлежностью курящих и некурящих респондентов к одной социальной среде, культурной однородностью выборки и в силу этого наличием у них сходных представлений о курении. Вместе с тем, в качестве побудительного стимула к закуливанию курящие выше оценивали значимость большего количества пунктов, в том числе: вида другого курящего (различия значимы, $p < 0,01$), все остальные - незначимы. Некурящие превосходили в этом направлении курящих только в уверенности, что курение улучшает контакт с незнакомым человеком ($p < 0,05$).

Различия между курящими и некурящими в приписывании типичного, характерного поведения курящим в проективных ситуациях состояли в том, что курящие больше приписывали персонажам курящих женщин понимание прав и потребностей некурящих. Некурящие были больше уверены, что курящий мужчина при выборе подходящей ситуации для курения принимает во внимание собственное желание и наличие сигарет, а женщина курит, исходя из желания составить компанию другому курящему (значимо, $p < 0,05$). Некурящие также чаще приписывали персонажу - некурящей женщине выражение активного протеста в ситуациях «пассивного» курения (значимо, $p < 0,05$).

Таким образом, некурящие респонденты поведение курящей женщины в ситуациях «пассивного курения» воспринимали как более правильное, социально желательное, чем курящего мужчины, которому приписывали более индивидуалистическую ориентацию. Хотя с оценкой привлекательности дело обстояло как раз наоборот: принадлежность к категории курящих снижала привлекательность женщин в большей степени, чем мужчин.

Таблица 4. Различия в приписывании обычного поведения курящим между курящим и некурящими (по критерию Манна-Уитни)

Переменные	U-критерий	Z-статистика	Уровень значимости
Мужчина - закуливает	3226,000	1,17604	0,239581

Мужчина - отходит	3315,000	-0,86367	0,387772
Мужчина - воздерживается	3382,500	0,79513	0,426536
Женщина - закуривает	3414,000	-0,52987	0,596201
Женщина - отходит	3543,000	0,06589	0,947465
Женщина - воздерживается	3309,500	0,86404	0,387567
Мужчина ориентируется на желание	3062,500	-2,31759	0,020472
Мужчина ориентируется на компанию	3515,000	0,17526	0,860873
Мужчина ориентируется на понимание	3427,500	1,03957	0,298539
Мужчина ориентируется на запрет	3472,500	0,52999	0,596121
Женщина ориентируется на желание	3437,500	-0,45553	0,648726
Женщина ориентируется на компанию	2930,000	-2,33376	0,019609
Женщина ориентируется на понимание	3207,500	1,99640	0,045891
Женщина ориентируется на запреты	3382,500	0,79827	0,424714

В целом, полученные данные свидетельствуют в пользу выдвинутого нами предположения о наличии существенных различий в отношении к курению между курящими и некурящими людьми. По большинству сравниваемых характеристик проявляется более негативное отношение некурящих людей к курению как явлению и к курящим людям. Вместе с тем, различия между сравниваемыми выборками оказались не столь однозначными. Более детальный анализ полученных данных позволяет выявить влияние на отношение к курению курящих и некурящих людей дополнительных факторов, в качестве которых в нашем исследовании

изучался индивидуальный опыт личности, связанный с табакокурением и пол субъектов и объектов психологических отношений, связанных с курением.

3.3. Особенности отношения к табакокурению во взаимосвязи с индивидуальным опытом личности, связанным с курением

Обратимся теперь к рассмотрению взаимосвязей отношения к курению с особенностями индивидуального опыта личности, связанного с курением (курение в прошлом и настоящем, его периодичность и интенсивность), и отдельными аспектами поведенческого компонента этого отношения, характеризующими его временную перспективу (желание бросить и уверенность в успешности такой попытки).

У некурящих, имеющих опыт курения в прошлом, при сравнении с никогда не курившими, обнаружилась корреляция в личностной ранжировке (на наиболее приятный цвет) с большим номером ранга синего цвета. По нашему мнению, это свидетельствует о большей тревожности, дефиците защищенности, напряженности аффилиативных потребностей у этой категории респондентов. Они относились, по-видимому, к слабому типу нервной системы и имели меланхолический темперамент, в силу чего, осознав угрозу для своего здоровья, смогли совершить адекватный поступок - бросить курить. У этой же категории можно отметить более тесные ассоциации серого цвета с курением по сравнению с никогда не курившими респондентами (по t-крит., значимо, $p < 0,05$). Это свидетельствует об их более разочарованном, отстраненном, безучастном отношении к курению.

Желание бросить курить коррелировало с общим более негативным отношением к курению ($p < 0,0001$), из частных эмоций – со стыдом и радостью (незначимо), и с более высокой оценкой его суммарного вреда для здоровья (значимо), в т.ч. доказанных аспектов вреда, зависимости заболеваний легких от курения (наиболее доказанный аспект вреда). Таким образом, наряду с более высокой оценкой вреда от курения желающими бросить была продемонстрирована и большая точность в распознавании подлинных и мнимых аспектов вреда, что характерно для курящих в целом.

По цветовому тесту нежелающие бросить курящие отличались более высоким рангом желтого цвета таким образом, что он им больше нравился, и они его больше связывали с курением. Это можно истолковать как творческую спонтанность, общительность, присущую той части курящих, которые отличаются нежеланием бросать. Также значимо сравнительно меньший ранг синего цвета между раскладками на курение и по личностному предпочтению (приятный цвет) свидетельствует, что курение этой категорией меньше связывается с состояниями покоя, комфортной расслабленности и защищенности, возможно, в силу их пониженной потребности в расслаблении и успокоении.

В объяснениях распространенности курения с желанием бросить коррелировала более высокая оценка влияния общественных традиций и обычаев. Наоборот, нежелание бросать коррелировало с большим признанием такой выгоды от курения, как преодоление монотонности времени вынужденного ожидания (как и тенденция у курящих в целом по сравнению с некурящими). Из мер борьбы с желанием бросить коррелировало предпочтение научно обоснованных лечебно-медицинских методов (значимо); с нежеланием бросить – предпочитались перемены в сторону более здорового образа жизни (незначимо).

Нежелающим бросить курить из-за наличия коммуникативных функций курения, было свойственно отмечать большую утонченность и изысканность курящей женщины (значимо), признавать, что курящие женщины более свободны и независимы (эмансипированы) и разделять мнение о том, что сближение, открытость, взаимопонимание при курении возрастают (незначимо).

Желание бросить курить коррелировало с признанием себя самого замкнутым, и наоборот, нежелание бросать – с признанием себя озабоченным собственными проблемами, беспокойным, благополучным (все значимо). Нежелание бросить курить коррелировало с оценкой большей выраженности у курящих позитивных личностных качеств:

привлекательности (курящей женщины еще в большей степени, чем курящего мужчины), сдержанности, высоких моральных качеств, благополучности. Нежелающие бросить курить оценивали курящих людей в сравнении с некурящими: более счастливыми, сдержанными, с высокими моральными качествами, вежливыми и, наоборот, некурящих – более зависимыми (все значимо). Нежелание бросить курить коррелировало с приписыванием курящим мужчинам такого свойства, что они могут воздержаться от курения, если рядом есть некурящие и не руководствуются только собственным желанием при выборе ситуации, подходящей для курения (т.е. приписывание курящим мужчинам более правильных и социально желательных способов поведения), реже встречается мнение, что некурящие женщины протестуют в ситуациях пассивного курения, наоборот, чаще – что мужчины курят из желания составить компанию другому курящему.

Таким образом, нежелающие бросить курить, приписывая курящим более правильные, социально желательные способы поведения в ситуациях «пассивного курения», тем самым демонстрировали референтность, значимость для себя именно группы курящих.

Высокая выраженность уверенности в успешности попытки бросания курить, представленная в поведенческом компоненте отношения к курению, коррелировала в эмоциональном компоненте отношения с общим более положительным эмоциональным отношением к курению ($p < 0,001$), что, вероятно, объясняется субъективной легкостью и незначимостью отношения к курению, поскольку не предполагается каких-либо трудностей в отказе от него. Также у этой категории имелась более явная ассоциация его с такими частными эмоциями: как печаль, горе (значимо) и интерес (незначимо).

У курящих показатель субъективной уверенности в успешности попытки бросания курить обнаружил ослабление ассоциации курения с желтым и с красным цветами (незначимо). Т.е. субъективно уверенные в

успешности попытки бросания меньше ассоциируют курение с желтым (4) и красным (3) цветами. Это свидетельствует, по-видимому, о меньшей актуальности для них достижения при помощи курения состояний оживленности, спонтанности, энергетической наполненности. Также уверенные в успехе попытки бросания курить не склонны придавать большего значения вредности курения – все позиции вреда оценивались ими ниже, причем вред курения для легких – значимо.

Среди курящих для категорий нежелающих бросить и уверенных в успехе такой попытки характерно одновременно предпочтение желтого (акцент на состояниях оживленности, спонтанности, достигаемых благодаря курению) и отвержение синего (обретение расслабленности, защищенности, снятие тревоги за счет курения, является, соответственно, не очень нужным или значимым для них) цветов, ассоциирующихся с курением.

Уверенность в успешности попытки бросания курить среди мер борьбы коррелировала с предпочтением перемен в сторону более здорового образа жизни (значимо), а неуверенность в таком успехе – с предпочтением научно обоснованных лечебно-медицинских методов (незначимо). Таким образом, пункт о предпочтении перемен в сторону более здорового образа жизни перед научно обоснованными лечебно-медицинскими методами – это существенный рубеж, разделяющий уверенных и неуверенных в успехе среди желающих бросить. А субъективная уверенность в успехе по литературным данным является наиболее сильным предсказателем, коррелятом успешности бросания на практике (Spilberger, 1986, Namunen H., Vartiainen E., Sahi T. et al., 1987).

Уверенные в успехе попытки бросания курить по суждениям о коммуникативных функциях курения и по приписыванию личностных качеств и особенностей типичного поведения курящим и некурящим показывали сходные тенденции с нежелающими бросать. Между этими двумя категориями имелись незначительно отличия в приписывании личностных качеств себе самому. А именно, неуверенность в успешности

попытка бросания коррелировала с признанием себя замкнутым (как мы указывали выше, то же наблюдалось и при наличии желания бросить), а наличие такой уверенности – с признанием себя озабоченным собственными проблемами, беспокойным, благополучным, а также аккуратным (все значимо). Уверенные в успехе курящие в дополнение к этому демонстрировали и другой признак сходства с категорией некурящих, который по нашему мнению, можно обозначить как референтность для них данной группы. Он выразился в большей доброжелательности реплик персонажа некурящего мужчины при обращении к курящему мужчине.

Обратимся теперь к рассмотрению аналогичных корреляций с параметром интенсивности курения. Курящие ежедневно, в отличие от некурящих не каждый день продемонстрировали более выраженную тенденцию к признанию зависимости их здоровья от уровня развития медицины и качества медицинской помощи (т.е. экстернальный локус контроля в вопросах здоровья), признанию более высокой роли традиций и обычаев в распространенности курения и признанию всех коммуникативных функций и выгод от него (все значимо). Курящие ежедневно по сравнению с некурящими не каждый день обнаруживали корреляцию с более высокой оценкой значимости всех мер борьбы с курением, в том числе запрета лечащего врача в связи с состоянием здоровья и научно обоснованных лечебно-медицинских мер (значимо).

В личностном плане курящие ежедневно по сравнению с некурящими не каждый день оценивали себя как более благополучных и привлекательных и менее зависимых (значимо). Курящие не каждый день считали некурящих более аккуратными.

О влиянии параметра количества выкуриваемых сигарет в день по полученным данным не представляется возможным судить в полной мере, тем более что специально задача выявления такой зависимости нами не ставилась. Известно, что зависимость получаемого в результате курения удовольствия от стажа нелинейная, в этом вопросе можно сослаться на

литературные данные (Жариков и др., 1989). Этим авторами отмечается, что возможность получения периодического удовольствия от курения обусловлена хорошей толерантностью организма к химическим компонентам табачного дыма, что наиболее вероятно у курильщиков со средним стажем курения (5-10 лет).

Тем не менее, можно отметить некоторые моменты, касающиеся взаимосвязей особенностей отношения к курению и интенсивности курения. Например – выкуривающие около 1 пачки сигарет в день по сравнению с респондентами, выкуривающими менее 1/2 пачки в день относились к курению положительнее, они меньше связывали курение с эмоциями интереса и гнева, реже отмечали недоказанные аспекты вреда, в том числе снижение иммунитета (все значимо) – т.е. они демонстрировали большую точность и осведомленность в вопросах вреда курения.

Выкуривавшие минимальное количество сигарет в день в отношении к здоровью считали его зависящим от свойств организма и не зависящим от уровня развития медицины и качества медицинской помощи (значимо). В вопросе о причинах распространенности курения курящие более интенсивно в качестве более значимой причины чаще указывали на слабую волевою организацию.

При оценке личностных качеств было продемонстрировано расхождение приоритетов в положительных оценках курящих людей в зависимости от интенсивности курения самого оценивающего. Так, категория более интенсивно курящих выше оценивала у курящих людей их способность иметь гармоничные отношения с людьми и вежливость. Курящие со слабой интенсивностью сравнительно выше оценивали их моральные качества, равнодушие и уверенность в себе. В отношении к некурящим различие в связи с данным показателем состояло в том, что представители категории более интенсивно курящих находили у них больше позитивных качеств, чем выкуривающие менее 1/2 пачки:

аккуратность, гармоничные отношения, вежливость, уверенность в себе и привлекательность некурящего мужчины (все значимо).

В самоотношении мало курящие считали себя более зависимыми, курящие со средней интенсивностью (1-1½ пачки), наоборот, были, по их собственному ощущению, благополучнее, с более гармоничными отношениями с людьми, увереннее в себе, счастливее, привлекательнее.

Со стажем курения коррелировало признание зависимости здоровья от свойств организма и признание химической зависимости в качестве причины курения (значимо). Отрицательно коррелировали величина оценок недоказанного вреда, признание вреда от пассивного курения и такая выгода от курения как успокоение (незначимо). Т.е. с ростом стажа точность оценок вреда курения для здоровья тоже росла, оценка вредности «пассивного курения» снижалась, а из выгод курения менее ценилось то, что курение помогает успокоиться.

По отношению к себе имелось сходство курящих с небольшим стажем с показателями курящих со средней интенсивностью (1-1½ пачки). Они были, по их собственному ощущению, благополучнее, с более гармоничными отношениями с людьми, увереннее в себе, счастливее и привлекательнее. С увеличением стажа курения у курящих возрастало негативное оценивание людей всех категорий, а особенно выраженным оно было по отношению к некурящим.

Таким образом, среди курящих негативное эмоциональное отношение к курению коррелировало с желанием бросить, а позитивное – с субъективной уверенностью в успешности попытки бросания.

Полученные данные подтверждают наши теоретические положения о временном характере отношения к курению, т.е. о связи проявлений актуального отношения к курению с опытом курения в прошлом, его интенсивностью в настоящем и прогнозами поведения, связанного с курением на будущее. Они позволяют также сделать вывод об особенностях групповой социальной идентичности (по отдельным проявлениям

отношения к курению) у людей с разным опытом и перспективами, связанными с курением.

3.4. Различия в отношении к табакокурению у мужчин и женщин

Рассмотрим проявления гендерных различий в когнитивном компоненте отношения к курению. Мужчины выше оценивали суммарный вред от курения, чем женщины (значимо). Однако это не касалось вреда от «пассивного» курения - его, наоборот, выше оценивали женщины (незначимо). Наиболее яркие различия между мужчинами и женщинами наблюдались по эмоциональному компоненту отношения к курению (рис.6). По вербальной процедуре оценки оно было более негативным у мужчин (значимо, $p = 0,01$), что выразилось в предпочтении ответов «скорее отрицательно» и «отрицательно». Особенностью позиции женщин по

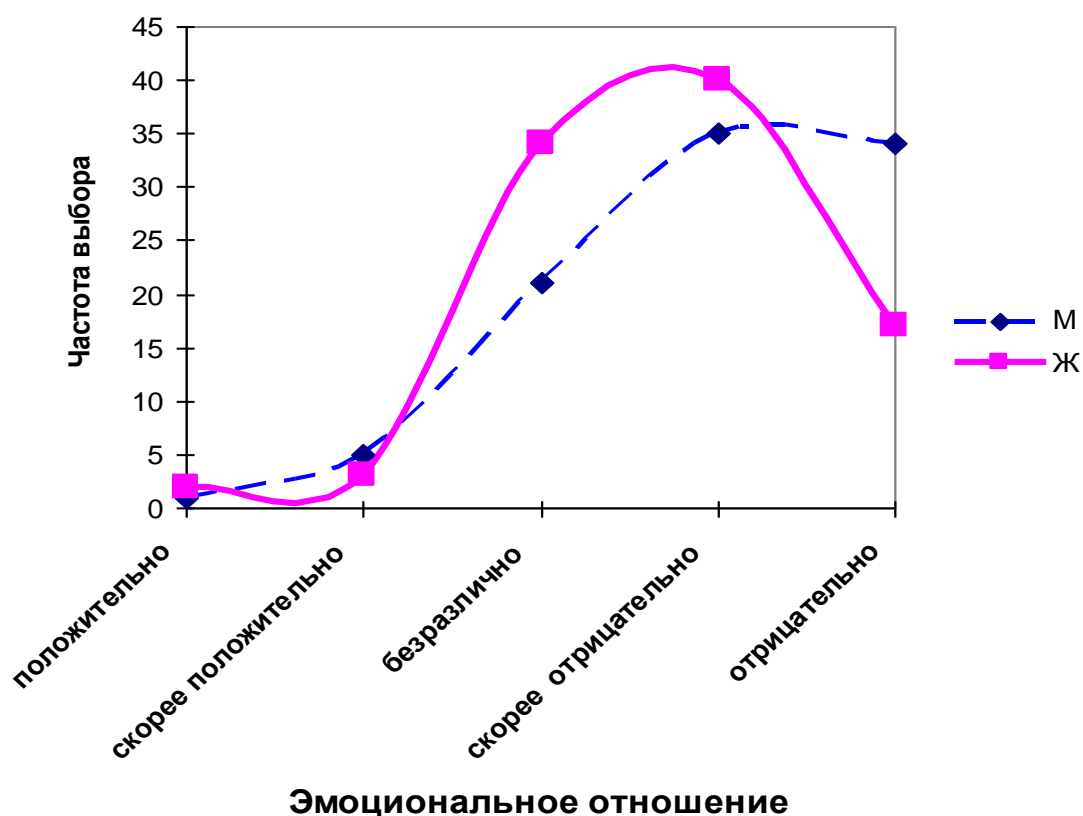

Рис. 6. Распределение типов эмоционального отношения к курению у мужчин и женщин.

данному вопросу была относительно большая доля ответов типа «отношение безразличное».

Эти результаты согласуются с данными Ю.А. Полетаева и С.И. Ериной, описавших типы женского политического поведения в сопоставлении их с мужскими типами. Отмечавшаяся приверженность женщин к более пассивным формам политического поведения, их более нейтральные политические предпочтения объяснялись авторами нетрадиционностью, непривычностью данной области, как сферы женской активности. По нашему мнению, в силу того же обстоятельства эта тенденция аналогично проявляется и в отношении женщин к курению (Полетаев, Ерина, 1998).

В частных эмоциональных состояниях, связываемых с курением, значимых различий было отмечено немного. Так, у мужчин курение в относительно большей степени ассоциировалось с «печалью, горем» и «презрением». Среди незначимых различий можно отметить большую выраженность у мужчин – ассоциации курения с «интересом», а у женщин – с «радостью».

Невербальная процедура (цветовой тест) позволяет уточнить содержательные различия между мужчинами и женщинами в эмоциональном аспекте отношения к курению. Так, у женщин курение сравнительно больше ассоциировалось с синим (1) ($p \leq 0,01$) и зеленым (2) ($p < 0,05$) и черным (незначимо) цветами, а у мужчин – с желтым (4) цветом (значимо, $p < 0,05$), и незначимо – с серым и коричневым. Наряду с этим в ранжировании цветových карточек по предпочтению женщины давали позиции с меньшим номером желтому цвету (значимо, $p < 0,05$) и серому (незначимо), в то время как мужчины - черному (значимо, $p < 0,05$) и синему (незначимо). Таким образом, и у мужчин, и у женщин проявляется сходная тенденция, состоящая в том, что те цвета, которые признаются приятными, в меньшей степени ассоциируются с курением.

Суммарно по обеим методикам (вербальной и невербальной) по эмоциональному компоненту можно сделать вывод об определенных различиях у мужчин и у женщин в эмоциональном компоненте отношения к курению. Полученные данные позволяют предположить и даже утверждать,

что для женщин в целом курение – менее значимый объект их психологического отношения, чем для мужчин.

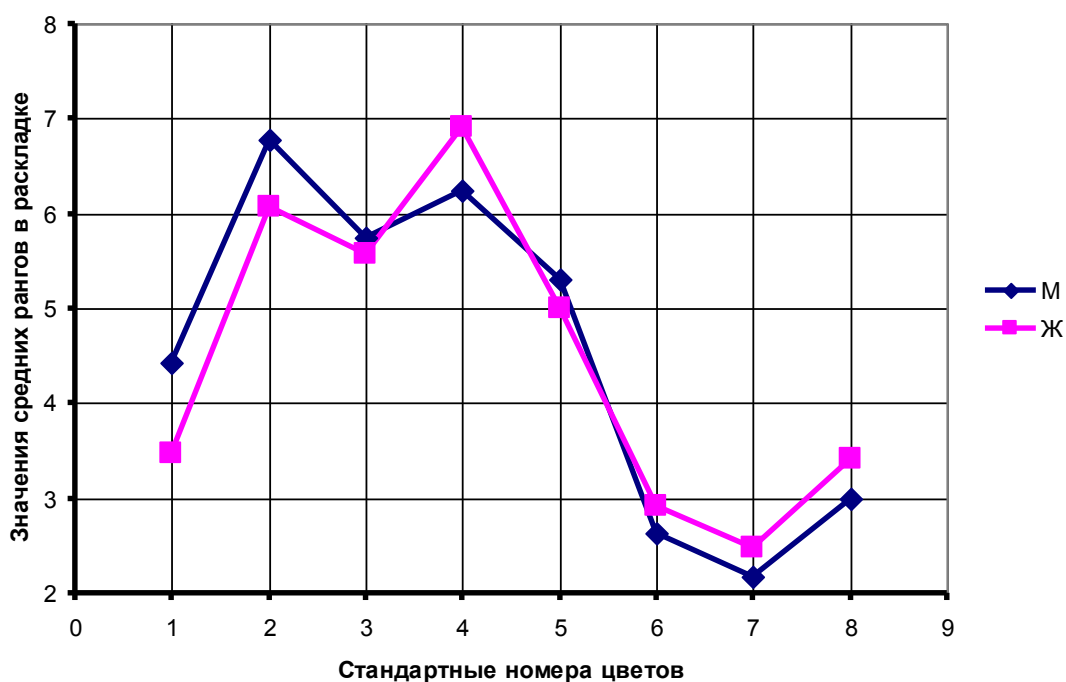

Рис. 7. Соотношение средних рангов цветов в раскладке относительно курения у мужчин и женщин

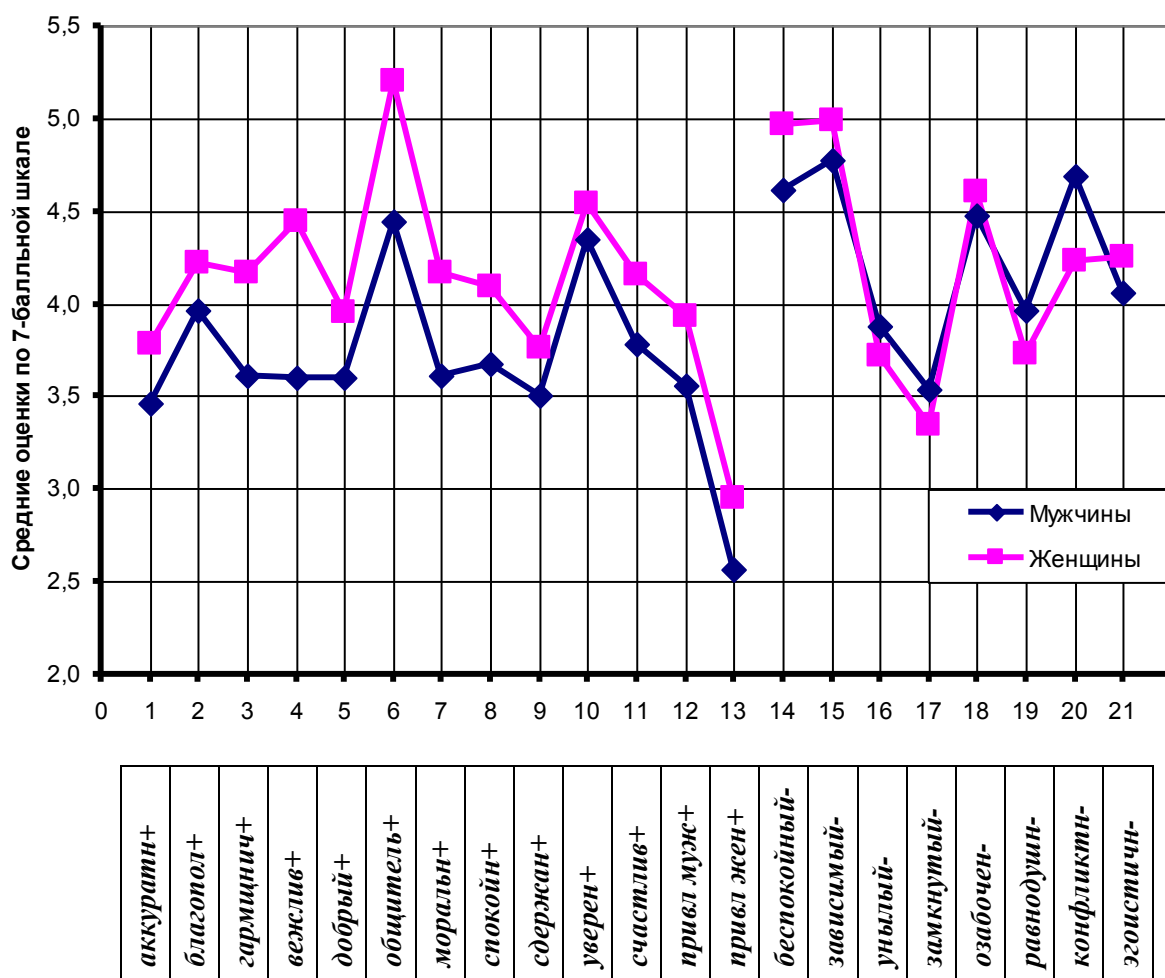
Второе суждение касается категоричности отрицательных оценок объектов отношения, в данном случае – курения, со стороны мужчин. Как мы увидим далее, эта категоричность распространяется и на субъект-субъектные отношения (т.е. на отношения к курящим людям, они также более категоричны со стороны мужчин).

В блоке показателей «функции курения в межличностном общении» есть различия в стереотипах маскулинности-феминности по отношению к курению. Эти различия состояли в том, что мужчины в большей степени соглашались с утверждением, что курение – символ мужественности, а женщины были более согласны с тем, что курение связано с женственностью (значимо), также женщины в большей степени связывали курение с эмансипированностью (незначимо). Другими словами, негативный вклад курения в имидж человека отчетливее усматривается применительно к

представителям противоположного, а не своего собственного пола. Эти данные говорят о проявлении феномена внутригруппового предпочтения, связанного с принадлежностью респондентов к социальным группам мужчин или женщин. Кроме того, респонденты выражали большее согласие с суждениями о курении, относящимися к своей половой группе и демонстрировали в этих вопросах большую компетентность.

В межгрупповых отношениях по показателю приписывания типичного, характерного поведения различия между женщинами и мужчинами состояли в следующем. Приписывая типичное, по их мнению, поведение некурящим персонажам в ситуациях «пассивного курения», женщины в большей степени считают, что мужчины относятся к таким ситуациям безразлично. Однако сами некурящие мужчины считают, что хотя они не одобряют, но относятся терпимо к пассивному курению (значимо, $p < 0,05$). Различия между женщинами и мужчинами в приписывании типичного поведения курящим состояли в том, что мужчины в большей степени считали, что мужчина может воздержаться от курения, если рядом есть некурящие и в том, что курящая женщина при выборе подходящей ситуации для курения принимает во внимание лишь собственное желание и наличие сигарет (значимо, $p < 0,05$).

При обработке данных блока приписывания личностных качеств была обнаружена большая склонность женщин отмечать выраженность позитивных личностных качеств у курящих, а у мужчин наблюдалась повышенная оценка у всех курящих выраженности части негативных личностных качеств из предлагавшегося списка (беспокойный, зависимый, унылый, замкнутый, озабоченный собственными проблемами, равнодушный, склонный к конфликтам, эгоистичный). При оценке по качествам «унылый», «конфликтный» и «эгоистичный» различия достигли значимого уровня ($p < 0,05$).

Позитивные и негативные личностные качества

Рис. 8. Средние значения оценок выраженности позитивных и негативных личностных качеств применительно к курящим людям у мужчин и женщин.

Женщины оценивали всех – и курящих, и некурящих - как более вежливых, в отличие от мужчин (значимо, $p < 0,05$). Также женщины более высоко оценивали курящих по таким положительным качествам, как наличие гармоничных отношений с другими людьми (в семье, на работе), доброта (мягкость), общительность (коммуникабельность), высокие моральные качества, счастливый ($p < 0,05$), кроме того, они не так резко, как мужчины, занижали привлекательность курящей женщины.

В диалогах в проективных ситуациях взаимодействия некурящих и курящих женщины приписывали более доброжелательные реплики персонажу курящей женщины при взаимодействии с некурящими

персонажами обоего пола, и персонажу некурящей женщины при взаимодействии с курящим мужчиной (значимо, $p < 0,05$).

В связи с интерпретацией полученных данных можно отметить сходные указания на большую мягкосердечность девочек, женщин, представленные в работах по гендерной психологии (См., например, Бендас, 2000, Майерс, 2007, Пиз, Пиз, 2000). Так, например, девочки более дружелюбны, охотно принимают новенького сверстника в свою игру и проявляют симпатию к тем, кто страдает от какого-то недостатка или уродства. В то время как мальчики такого сверстника чаще подвергают остракизму или делают жертвой.

У женщин проявилась явная тенденция благоприятствовать своей половой группе по показателям приписывания типичного поведения и диалогов в ситуациях, связанных с «пассивным» курением, и в оценке привлекательности курящей женщины. Мужчины были солидарны с ними по показателям приписывания и курящим, и некурящим женщинам более правильных, социально желательных вариантов поведения, однако оценка ими привлекательности курящей женщины была занижена. Причем наиболее выражено и непротиворечиво эта тенденция была отмечена у некурящих мужчин. Некурящие мужчины более низко оценивают привлекательность курящих женщин, чем курящие. То есть, в ситуациях, когда мы имеем дело с межгрупповым оцениванием между людьми, различающимися по двум критериям групповой принадлежности одновременно, выраженность эффекта внутригруппового предпочтения увеличивается.

По показателю приписывания личностных различий женщины давали курящим относительно более благоприятные оценки по списку личностных качеств. Особенно выделяются их оценки курящих по положительным качествам: «общительность, коммуникабельность», а также «имеющий гармоничные отношения с людьми (в семье, на работе)», «добрый, мягкий», «имеющий высокие моральные качества», «счастливый» ($p < 0,05$). Таким

образом, женщины, не столь негативно относясь к курению как к явлению, относительно мягче относились к курящим людям, отчасти «оправдывая» курение общением. Объяснить этот факт можно в свете описываемого в книге В.С.Агеева феномена: высокостатусные группы оцениваются в терминах компетентности и экономического успеха, а низкостатусные - в терминах доброты, добросердечия, гуманности (Агеев, 1990, с.186). В связи с этим общительность и другие позитивные характеристики, усматриваемые женщинами у курящих, можно рассматривать как своего рода компенсацию последним за их негативный статус. Мужчины, напротив, проявляли «последовательность» в своем отрицательном отношении, как к курению, так и к курящим людям.

Таким образом, результаты эмпирического исследования, в целом, подтверждают нашу гипотезу о наличии существенных различий в отношении к курению и курящим людям у мужчин и женщин. В наиболее общем виде эти различия проявляются в большей значимости феномена курения как объекта психологического отношения для мужчин по сравнению с женщинами. Это проявляется в большей категоричности суждений и оценок курения и курящих людей со стороны мужчин. Мужчины эмоционально-негативнее относятся к курению и более высоко оценивают его вред для здоровья самого курящего по сравнению с женщинами. Женщины чаще проявляют эмоционально-безразличное отношение к курению, ниже оценивают его значимость и вред для здоровья (но зато выше – вред от «пассивного» курения). Женщины по сравнению с мужчинами менее негативно относятся и к курящим людям, рационально оправдывая курение его связью с общением, в подтверждение чему из личностных качеств курящих по сравнению с некурящими женщинами выделяются их большая общительность, коммуникабельность. В качестве общей тенденции можно отметить также более позитивное отношение, как со стороны мужчин, так и со стороны женщин к представителям своей гендерной группы.

3.5. Межличностный и межгрупповой уровни анализа отношения к табакокурению

На **межличностном уровне** анализа отношения к курению была обнаружена большая согласованность в целом по выборке в признании коммуникативных функций курения. Опрошенные признают, что курение улучшает ситуацию общения и это является одним из аргументов в пользу продолжения курения, что принято «поддерживать компанию», использовать курение, как повод и предлог для общения, согласны с мнением о большей эмоциональности и взаимопонимании, достигаемых благодаря ему. Так, половина респондентов были согласны с тем, что курение служит поводом вступить в контакт с незнакомым человеком и познакомиться. Несколько меньшим числом респондентов, но также респондентами с разным опытом курения, признавалось, что оно способствует общению за счет того, что «помогает человеку расширить и поддерживать круг знакомств в соответствии с его интересами», что «сближение, открытость, взаимопонимание между общающимися партнерами на фоне их обоюдного курения возрастают».

Такое сходство в мнениях объясняется принадлежностью респондентов к единой социокультурной среде, наблюдению сходных образцов использования курения в общении. 56,3% респондентов были согласны с тем, что побудительным стимулом к закуриванию оказывается вид другого курящего, а 60,4% - что таким стимулом является приглашение закурить, исходящее от другого курящего. В связи с этим можно отметить несомненный вклад в формирование отношения к курению такого личностного качества, как общительность, приписываемого курящим людям. По нашему мнению, приписывание курящим людям такого личностного качества как общительность, является следствием, в том числе и вышеупомянутого конвенционального использования курения в ситуациях общения. Такая приемлемость курения с точки зрения социальных норм служит важным условием получения психологических выгод от него.

Таблица 5. Средние значения оценок функций курения в общении и гендерных стереотипов курящих (по 5-балльной шкале).

Функции курения в общении	Среднее	Станд.откл.
Контакт с незнакомым	3,218750	1,323988
Пообщаться с близким	3,135417	1,241683
Сближение, взаимопонимание	3,135417	1,167804
Расширение круга знакомств	2,578125	1,242418
Вид другого курящего	3,229167	1,372727
Приглашение закурить	3,505208	1,269858
Мужеств-ть курящего мужчины	1,901042	1,182596
Женств-ть курящей женщины	1,489583	0,886133
Эмансипир-ть .курящей женщины	2,302083	1,233221

При рассмотрении гендерных стереотипов, связанных с курением, была обнаружена склонность и мужчин, и женщин выразить большее согласие с суждениями о позитивном вкладе курения в имидж человека, относящимися именно к своей половой группе. Из гендерных стереотипов наиболее тесная связь для курения подтвердилась с образом эмансипированной женщины. Это происходит при том, что курение традиционно считалось мужским занятием, 71,9% современных респондентов не согласились, что курящий мужчина выглядит более мужественным. Еще большая часть их - 84,8% - не согласилась, что курящая женщина выглядит более женственной, что соотносится с данными о снижении привлекательности курящей женщины. Подтвердился феномен снижения привлекательности курящей женщины, что объясняется нетрадиционностью для женщин такой формы поведения, поскольку курение традиционно приживалось в обществе как мужское занятие.

Межгрупповой уровень анализа отношения к табакокурению

Следующим этапом нашего анализа было рассмотрение курящих и некурящих как представителей больших социальных групп, между

которыми имеет место взаимодействие. При этом предполагалось учесть влияние на межгрупповые отношения курящих и некурящих людей их принадлежности к социальным группам мужчин или женщин, т.е. со стороны гендерного фактора. Таким образом, отношение к курению исследовалось нами с позиции межгруппового уровня анализа. Применительно к исследованию межгрупповых отношений курящих и некурящих людей были обнаружены специфические особенности проявления ранее исследованных в социальной психологии феноменов идентификации, межгрупповой дифференциации, внутригруппового предпочтения (ингруппового фаворитизма) и внешнегрупповой дискриминации.

Полученные данные свидетельствуют, что для женщин в большей степени характерно избегание идентификации себя с группой курящих (т.е. признания себя курящей) в пограничных случаях (низкая частота и интенсивность курения), что можно объяснить за счет пониженной престижности курения именно для женщин. Это подтверждается тенденцией большей дискриминации подгруппы курящих женщин в целом по выборке.

Феномен межгрупповой дифференциации проявился в нахождении личностных отличий между группами курящих и некурящих практически по всему предлагавшемуся списку личностных качеств (см. п. 3.1.). Эти данные свидетельствуют о том, что границы указанных социальных групп (или категорий) отчетливо осознаются их членами.

Феномен межгруппового сравнения, характерный для межгрупповых отношений, также проявился по результатам исследования и сочетался с влиянием гендерного фактора. В целом по выборке имелась явная тенденция более негативного отношения к группе курящих людей, выразившаяся в обнаружении у них большей выраженности негативных личностных качеств, и снижении степени выраженности положительных (кроме общительности). Причем курящим женщинам приписывалась еще

меньшая привлекательность, чем курящим мужчинам, хотя их поведение воспринималось как более правильное, социально желательное в контексте ситуаций «пассивного» курения. Респонденты отмечали, что курящие женщины в большей степени, чем курящие мужчины склонны учитывать интересы и потребности находящихся рядом некурящих людей, более ориентированы на соблюдение запретов на курение в общественных местах и способны воздержаться от курения, если рядом есть некурящие.

Феномен внутригруппового фаворитизма проявлялся параллельно с внешнегрупповой дискриминацией. Применительно к группе некурящих как объекту оценивания две тенденции в оценках (отношение к представителям своей группы и сравнительно более положительное к некурящим - по всей выборке) векторно совпадали и поэтому проявлялись особенно ярко. Однако тенденция более позитивно относиться к представителям «своей» группе была заметна и у курящих, хотя она проявлялась вопреки общему, соответственно, более негативному отношению к категории курящих. Курящие у представителей своей же собственной категории (ингруппы) более высоко, чем некурящие, оценивали сдержанность и моральные качества (значимо, $p < 0,05$).

Вероятно, как отражение восприятия такого дискриминирующего отношения к курящим людям со стороны некурящих можно объяснить более высокие показатели у курящих мужчин ожидаемой и проявляемой персонажем - курящим мужчиной, враждебности в проективных ситуациях взаимодействия курящих и некурящих людей. Всем женщинам, и особенно некурящим, приписывали меньше проявлений враждебности и больше - доброжелательности в ситуациях межгруппового взаимодействия курящих и некурящих, более правильные, социально желательные варианты поведения в ситуациях, связанных с «пассивным» курением.

Таким образом, феномены, характерные для межгрупповых отношений, в нашем исследовании были зафиксированы при выраженном влиянии гендерного фактора (как для объектов, так и для субъектов

оценивания). Это влияние проявлялось в том, что мужчины как субъекты отношения и оценки в большей степени, чем женщины, проявляли склонность к внешнегрупповой дискриминации и враждебности. Курящие женщины как объекты отношения и оценки в большей степени, чем мужчины, выступали объектами внешнегрупповой дискриминации и враждебности. Данные исследования также подтверждают предположение о снижении привлекательности применительно к курящей женщине, выдвигавшееся в работах, посвященных проблемам активности женщин в нетрадиционных для них сферах.

3.6. Сравнение отношения к табакокурению у подгрупп, выделенных по двум критериям одновременно

Различия между курящими и некурящими мужчинами состояли в следующем. По вербально выражаемому эмоциональному компоненту отношения некурящие мужчины значимо негативнее относились к курению ($p < 0,0001$), что совпадало с тенденцией к различиям между курящими и некурящими в целом. Из частных эмоций курящие мужчины больше ассоциировали с курением печаль, горе, а некурящие – отвращение ($p < 0,05$).

По цветовому тесту различия были незначимыми ($p = 0,07-0,08$). Как тенденция при раскладке карточек на ассоциацию с курением, выразилась его более тесная связь с малиновым цветом (что интерпретируется как противоречивые личностные тенденции на фоне снижения интегрирующей роли сознания), относительно более высокая с позиции курящих мужчин.

По когнитивному компоненту отношения все аспекты вреда от курения кроме точности его оценки были выше у некурящих мужчин: суммарный вред, доказанные и недоказанные аспекты вреда, заболевания легких, печени под влиянием курения (значимо). Некурящие мужчины выше, чем курящие, оценивали зависимость здоровья от образа жизни, демонстрируя тем самым интернальный локус контроля в вопросах здоровья. Из мер борьбы некурящие значимо выше оценивали только психологическую поддержку и

научно обоснованные медицинские меры (незначимо), курящие мужчины выше ценили запрет врача в связи с состоянием здоровья.

Курящие мужчины значимо выше, чем некурящие, связывали курение со стереотипом мужественности. То есть принадлежность к группе курящих мужчин усиливает эффект позитивной оценки своей групповой принадлежности к категории мужчин.

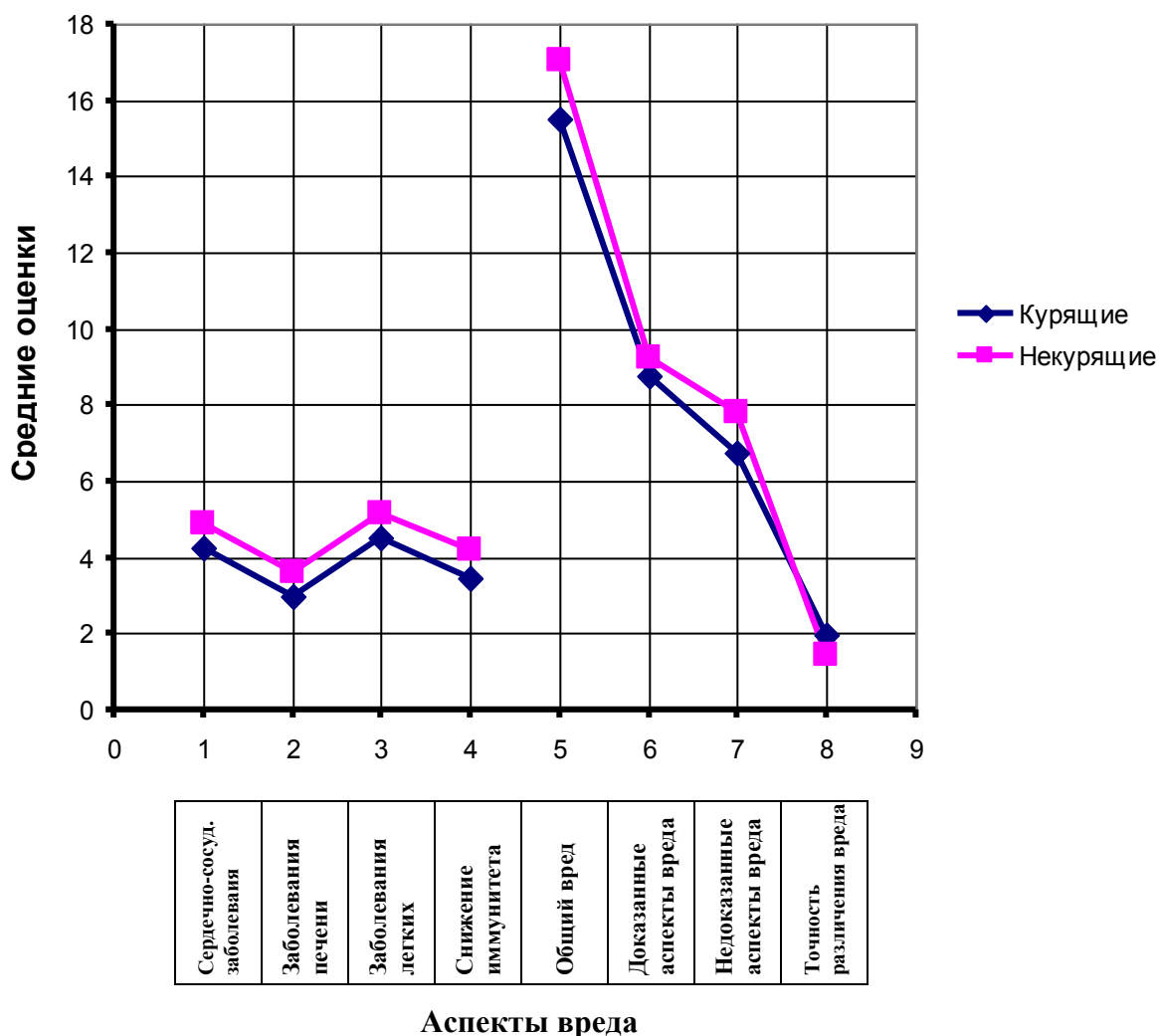
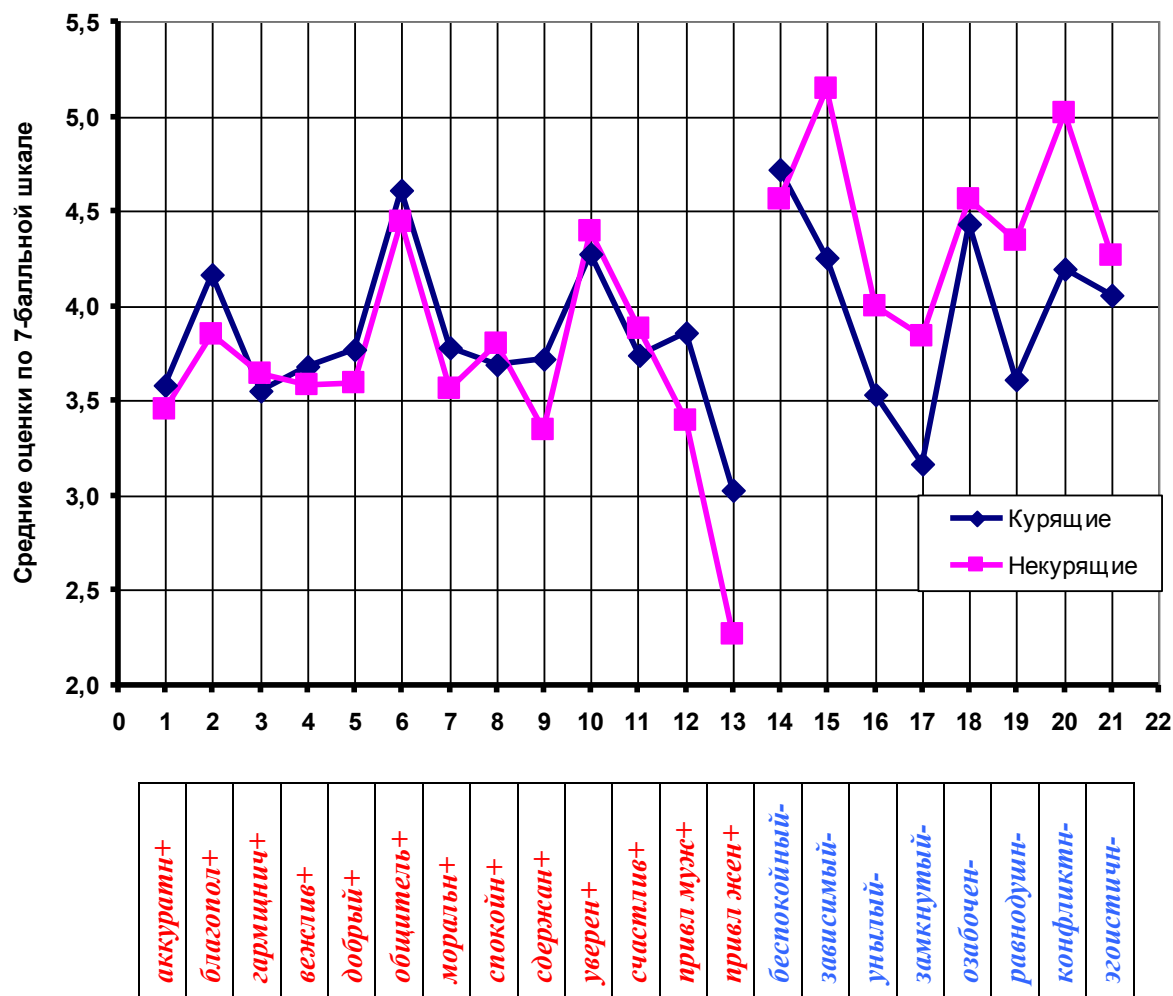

Рис. 9. Средние значения оценок вреда курения, сделанных курящими и некурящими мужчинами.

Некурящие мужчины в отношении курения демонстрировали определенное соответствие (или консонанс в терминах теории Л.Фестингера) когнитивных компонентов отношения в части, касающейся признания вреда от курения, отношению к курящим людям (более негативному).

По индивидуальным оценкам собственных личностных качеств курящие мужчины считали себя более благополучными ($p < 0,05$), добрыми, мягкими, а некурящие себя - замкнутыми (незначимо).

Позитивные и негативные личностные качества

Рис. 10. Средние значения оценок выраженности позитивных и негативных личностных качеств применительно к курящим людям у курящих и некурящих мужчин.

По разности оценок, даваемых курящим и некурящим людям, дифференциация проявилась по разным параметрам. Курящие мужчины больше дифференцировали разницу по качествам: высокие моральные качества, сдержанность, большая привлекательность курящего мужчины ($p < 0,05$). Некурящие мужчины больше дифференцировали разницу между представителями групп курящих и некурящих по качествам: зависимый,

замкнутый, равнодушный ($p < 0,05$). Некурящие мужчины в большей степени, чем курящие, отмечали у курящих людей выраженность таких качеств, как замкнутость, равнодушие и конфликтность ($p < 0,05$).

Курящие мужчины больше, чем некурящие, были уверены, что курящая женщина может воздержаться от курения, если рядом есть некурящие ($p < 0,05$). По проективным ситуациям некурящие мужчины более доброжелательно формулировали реплику некурящей женщины в адрес курящей женщины и некурящего мужчины - в адрес курящей женщины.

Некурящие мужчины приписывали курящим мужчинам значимо больше такие социально нежелательные способы поведения, так, например, при выборе ситуации, подходящей для курения, они руководствуются желанием и наличием сигарет. Незначимо выше, некурящие мужчины считали, что некурящие и мужчины и женщины протестуют в ситуациях пассивного курения.

Некурящие мужчины значимо больше приписывали персонажам-курящим мужчинам менее правильные и социально желательные способы поведения, как, например, при выборе подходящей для курения ситуации руководствоваться лишь собственным желанием и наличием сигарет. Незначимо выше, некурящие мужчины приписывали персонажам-некурящим обоего пола протесты в ситуациях «пассивного» курения. По проективным ситуациям некурящие мужчины выбирали более доброжелательные реплики для некурящих персонажей обоего пола, адресованные курящей женщине.

Таким образом, курящие и некурящие мужчины с некоторыми особенностями выражали единую сочетанную тенденцию ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации относительно подгрупп, выделенных по признакам пола и курения одновременно. Некурящие мужчины ингрупповой фаворитизм выражали проективно, за счет приписывания более доброжелательных проявлений некурящим персонажам во взаимодействии с курящими, особенно с женщинами. Курящие мужчины

выражали эту же тенденцию ингруппового фаворитизма напрямую - через приписывание представителям своей группы по критерию курения более позитивных личностных качеств. Ингрупповой фаворитизм своей подгруппе, выделенной по критериям пола и курения одновременно, курящие мужчины поддерживали также за счет соответствующего гендерного стереотипа (большая мужественность курящего мужчины).

Аутгрупповую дискриминацию курящие мужчины выражали за счет приписывания большей враждебности некурящим персонажам, особенно некурящим мужчинам в проективных ситуациях межгруппового взаимодействия. Некурящие мужчины выражали тенденцию к дискриминации аутгруппы - курящих, приписывая им негативные личностные качества и подгруппы курящих мужчин в частности, приписывая им менее правильные, менее социально желательные способы поведения в ситуациях, связанных с пассивным курением.

Итак, курящие мужчины в целом более позитивно, чем некурящие, относятся к курящим же мужчинам. То есть в данном случае наблюдается как бы совмещение эффектов внутригруппового предпочтения по двум критериям одновременно. Однако по отношению к курящим женщинам такого эффекта не наблюдалось. Курящие мужчины не проявляли более позитивного отношения к курящим женщинам, чем некурящие. И те, и другие обнаружили примерно одинаково низкий уровень оценок привлекательности курящей женщины. То есть выраженного совмещения эффектов внешнегрупповой дискриминации в данном случае обнаружено не было.

Различия между курящими и некурящими женщинами (упомянем только значимые) касались общего эмоционального отношения к курению, к которому некурящие женщины относились негативнее ($p < 0,05$), что совпадало с различиями у курящих и некурящих в целом по выборке. По цветовому тесту не обнаружилось значимых различий между курящими и некурящими женщинами. Также не было различий между курящими и

некурящими женщинами в оценках вреда от курения. Эти данные также можно интерпретировать как свидетельство меньшей значимости курения как объекта отношения для женщин.

Вместе с тем, были обнаружены различия в признании роли традиций и обычаев в распространенности курения – выше её оценивали некурящие женщины ($p < 0,05$). При ответах на вопросы о мерах борьбы с курением важность таких мер, как запреты на курение в общественных местах и разъяснение, пропаганду (значимо), а также взаимоподдержка курящими друг друга (незначимо) выше оценивали некурящие женщины.

Различия между курящими и некурящими женщинами, связанные с оценкой «выгод» от курения в виде получения удовольствия и преодоления монотонности времени вынужденного ожидания так же, как и различия между курящими и некурящими по выборке в целом проявились в том, что оценки этих «выгод», т.е. субъективно оцениваемых достоинств курения были выше у подгруппы курящих женщин.

Вид другого курящего и приглашение закурить, исходящее от другого курящего, как побудительные стимулы для закуривания, выше оценивались курящими женщинами. Курящие женщины также более высоко оценивали распространенность таких функций курения, связанных с общением, как возможность расширения и поддержания круга знакомств, сближение, открытость и взаимопонимание партнеров по общению на фоне совместного курения (последнее незначимо). Суждение же, что курение помогает вступить в контакт с незнакомым человеком и познакомиться – наоборот, значимо выше принималось некурящими женщинами, причем эта тенденция не была характерна для выборки в целом. Эти данные позволяют говорить о том, что для курящих женщин социально-психологические функции курения, связанные с общением, играют особенно важную роль, выступая средством улучшения ситуации общения.

В качестве показателя внутригруппового предпочтения можно рассматривать тот факт, что курящие женщины более высоко оценивали

женственность курящей женщины, чем некурящие (различия не значимы). При оценке мужественности курящих мужчин различий между выборками не обнаружено. То есть эффекта усиления межгрупповой дискриминации в случае, когда межгрупповые различия фиксировались по двум критериям групповой принадлежности одновременно, не наблюдалось. Вместе с тем, при оценке личностных качеств у себя самой единственное значимое различие по рассматриваемым подгруппам состояло в том, что курящие женщины считали себя менее привлекательными (значимо), а некурящие женщины себя (незначимо) - более спокойными. То есть на уровне «Я-образа» у курящих женщин отчетливо проявляется снижение его позитивности.

Таблица 6. Различия между курящими и некурящими женщинами по средним значениям оценок функций курения в общении

Функции курения в общении	Некурящие женщины	Курящие женщины	t-значение	p
Контакт с незнакомым	3,641026	2,837209	2,86447	0,005333
Пообщаться с близким	3,076923	3,325581	-0,99485	0,322808
Сближение, взаимопонимание	3,000000	3,418605	-1,76084	0,082087
Расширение круга знакомств	2,205128	2,813953	-2,45197	0,016385
Вид другого, курящего	2,897436	3,767442	-3,11942	0,002520
Приглашение закурить	3,205128	3,790698	-2,11448	0,037588
Мужественность курящего мужчины	1,692308	1,697674	-0,02223	0,982322
Женственность курящей женщины	1,410256	1,697674	-1,42557	0,157882
Эмансипированность курящей женщины	2,179487	2,581395	-1,47055	0,145335

Дифференциация личностных качеств у курящих и некурящих обнаружила значимые различия по оценкам моральных качеств,

сдержанности, счастливости – их больше дифференцировали курящие женщины. В том числе, некурящие женщины выше оценивали у некурящих способность поддерживать гармоничные отношения с людьми (значимо) и уверенность в себе (незначимо); курящие женщины считали курящих людей более спокойными, сдержанными, счастливыми (значимо), а также выше оценивали их моральные качества (незначимо). При этом курящие женщины приписывали всем относительно более высокие баллы по выраженности качества «спокойный».

Мнение, что женщины при выборе ситуации, подходящей для курения, предпочитают составить компанию другому курящему значимо выше разделялось некурящими женщинами ($p < 0,001$). В таком объяснении поведения курящих женщин со стороны некурящих женщин, по нашему мнению, проявляется действие механизмов идентификации и рационализации.

Курящими женщинами применительно к этой же категории выше оценивалось понимание прав и потребностей некурящих, в чем можно усмотреть тенденцию благоприятствовать своей подгруппе, выделенной одновременно по критериям пола и курения.

Межгрупповая дифференциация (нахождение больших различий между представителями групп) оказалась выше со стороны курящих женщин. В связи с общей тенденцией, в целом по выборке, к снижению восприятия привлекательности курящей женщины можно отметить, что в данном сравнении она сочеталась со сниженной оценкой собственной привлекательности в структуре Я-образа у курящих женщин.

Заключение

На основе концепции психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности В.П.Позняка исследованы социально-психологические особенности отношения к табакокурению у курящих и некурящих мужчин и женщин, что позволяет конкретизировать научные представления о взаимосвязях психологических феноменов, проявляющихся на разных уровнях анализа: психологических отношений личности, межличностных и межгрупповых отношений.

Результаты исследования показали, что в отношении к курению прослеживается ряд общих закономерностей независимо от того, курит ли человек сам или нет. В их число входят негативная эмоциональная оценка явления табакокурения, которая переносится на оценку личности курящего человека. Особенно можно отметить пониженную престижность курения для женщин. Наряду с признанием вреда курения опрошенные отмечают также и ряд выгод от его использования, в том числе в ситуациях общения. Различия в отношении к табакокурению у курящих и некурящих проявились в более высокой оценке курящими психологических выгод, получаемых от курения. Эмоциональное отношение некурящих к курению более отрицательное и связано с эмоцией отвращения (особенно у некурящих мужчин), а у некурящих оно в среднем характеризуется как безразличное. На межличностном уровне анализа обнаружена большая согласованность в целом по выборке в признании коммуникативных функций курения. Приемлемость курения с точки зрения социальных норм является одним из важнейших источников получения психологических выгод от него.

На межгрупповом уровне анализа в целом по выборке наблюдалось более негативное отношение к курящим, чем к некурящим, которое выявилось при сравнении личностных различий, различий в приписывании диалогов и характеристик типичного поведения в ситуациях взаимодействия курящих и некурящих мужчин и женщин. Выявлены различия в отношении к

курению мужчин и женщин. Отмечено, что мужчины больше, чем женщины, склонны дискриминировать курящих вообще и курящих женщин в особенности, отказывая им в привлекательности. И, напротив, тенденция относительно более позитивного отношения женщин к курящим выражалась в обнаружении у них большего числа положительных качеств, особенно общительности, способности иметь гармоничные отношения с людьми (в семье, на работе), доброты и мягкости. Психологические механизмы формирования отношения к курению у женщин в большей степени могут быть отнесены к межличностным. Мужчины пользуются механизмами формирования отношения к курению, которые в большей степени могут быть отнесены к межгрупповым, что сочетается и с более сильной дискриминацией ими аутгруппы по критерию курения.

По подгруппам, выделенным по двум критериям одновременно (пол и курение), проявились взаимодополнительные тенденции внутригруппового предпочтения и внешнегрупповой враждебности. Подгруппы курящих женщин и курящих мужчин выражали преимущественно внутригрупповой фаворитизм. Это выражалось в приписывании своей подгруппе более благоприятных личностных качеств и более правильных, социально желательных способов поведения в ситуациях, связанных с «пассивным» курением. Подгруппа курящих мужчин также связывала образ курящего мужчины со стереотипом мужественности. У некурящих мужчин по сравнению с курящими были значительно более ярко выражены негативное эмоциональное отношение к курению и высокие оценки его вреда для здоровья. Между курящими и некурящими женщинами различия в эмоциональном отношении к нему были выражены слабее, чем между аналогичными подгруппами мужчин. При рассмотрении гендерных стереотипов, связанных с курением, обнаружена склонность и мужчин, и женщин выражать большее согласие с суждениями о позитивном вкладе курения в имидж человека, относящимися именно к своей половой группе.

Научная новизна результатов исследования состоит в том, что впервые в российской психологической науке феномен психологических отношений (на примере отношения к табакокурению) исследуется комплексно, на трех уровнях анализа: психологических отношений личности, межличностных и межгрупповых отношений. Это позволяет конкретизировать научные представления о взаимосвязях психологических феноменов, проявляющихся на разных уровнях. В целом результаты проведенного эмпирического исследования, выполненного в рамках концепции психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов в условиях совместной жизнедеятельности, показывают перспективность использования данной концепции для исследования конкретных видов психологических отношений человека. Результаты исследования могут быть использованы при разработке программ и организации мероприятий по борьбе с табакокурением на различных уровнях, в практической работе психологов, врачей, социальных работников, педагогов, руководителей организаций и предприятий.

Библиография

1. Абульханова К.А. Психология и сознание личности (проблемы методологии, теории и исследования реальной личности). Избр. психол. труды. М.-Воронеж, 1999.
2. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991.
3. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980. 335 с.
4. Авдеев В.В. Психотехнология решения проблемных ситуаций. - М.: Феликс, 1992. – 128 с.
5. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. - М.: МГУ, 1990. - 240 с.
6. Агеев В.С. Влияние факторов культуры на восприятие и оценку человека человеком. // Вопросы психологии, 1985. – №3. – С. 135-140.
7. Агеев В.С., Сыродеева А.А. Интегративные процессы в межгрупповом взаимодействии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1984. N 2. С. 11-20.
8. Агеев В.С. Психология межгрупповых отношений. - М.: МГУ, 1983. - 144 с.
9. Александрова В.Ю. Психологические условия возникновения и распространения курения у подростков: Дис... канд. психол. наук. М., 1988. - 164 с.
10. Алёшина Ю. Е., Волович А. С. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // Вопросы психологии, 1991. - № 4 - С.74-82.
11. Алёшина Ю.Е., Гозман Л.Я., Дубовская Е.М. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений. - М.: МГУ, 1987. – 120 с.
12. Анастаси А. Психологическое тестирование. - М.: Педагогика, 1982. - Т. 2. - С.172-177.

13. Андреева Г.М. Психология социального познания: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. - М.: Аспект Пресс, 2000. – 288 с.
14. Андреева Г.М. Социальная психология: Учебник. - 2-е изд., доп. и перераб. - М.: МГУ, 1988. – 432 с.
15. Андреева Г.М. Межличностное восприятие в условиях совместной деятельности // Проблемы психологии личности. М.: Наука, 1982. С. 67-74.
16. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Изд-во МГУ, 1997. 375 с.
17. Андрущак И.Б. Этноцентризм как социально-психологический феномен в ситуации социоэтнических изменений. Дисс...канд. психол. наук. М., 1998.
18. Антонюк В.И., Зотова О.И., Моченов Г.А., Шорохова Е.В. Проблема социально-психологического климата в советской социальной психологии. // Социально-психологический климат коллектива. Теория и методы изучения. М.: Наука, 1979. С. 5-25.
19. Артемов В.А. Стереотипы и установка в процессе пропагандистского воздействия // Вопросы теории и методов идеологической работы. - М.: Мысль, 1977. – Вып.7. – С.70-88.
20. Бажин Е.Ф., Эткинд А.М. Цветовой тест отношений. - Л.: Ленингр. науч.-исслед. психоневрологический институт, 1985.– 26 с.
21. Балухто Д.А. Социально-психологические факторы отношения к смене профессии (на примере экономистов). Автореф. дис....канд. психол. наук. М., 2006.
22. Безменова И.К., Гулевич О.Д. Аттитюды и их взаимосвязь с поведением. Реферативный обзор. - М.: МГУ, 1999. – 144 с.
23. Белинская Е.П. Временные аспекты Я-концепции и идентичности // Мир психологии, 1999. - № 3. – С.40-46.
24. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. - М.: Прогресс, 1986. – 424 с.

25. Бехтерев В.М. Объективная психология. М., 1991.
26. Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии М.: Наука, 1994.
27. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. - Л.: ЛГУ, 1965. – 123 с.
28. Боровиков В.П., Боровиков И.П. STATISTICA – статистический анализ и обработка данных в среде Windows. - М.: Филинь, 1998. – 608 с.
29. Боровиков В.П. Программа STATISTICA для студентов и инженеров. – 2-е изд. – М.: КомпьютерПресс, 2001. – 301 с.
30. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М.: Ин-т психологии РАН, 1994. 109 с.
31. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.- Воронеж, 1996. 390с.
32. Брушлинский А.В. Психология субъекта: индивида и группы (Часть I) // Психол. журн. 2002. Т.23. N 1. С. 71-80.
33. Буюева Л.П. Социальная среда и сознание личности. - М.: МГУ, 1968. – 266 с.
34. Буюева Л.П. Деятельность как объект социальной психологии // Методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Шороховой Е.В.. - М.: Наука, 1975. – С.45-62.
35. Васильева В.Л. Социально-психологические аспекты борьбы с табакокурением: Дипломная работа. - М., 1989. – 68 стр.
36. Гибш Г., Форверг М. Введение в марксистскую социальную психологию. - М.: Прогресс, 1972. – 295 с.
37. Гозман Л.Я. Психология эмоциональных отношений. - М.: МГУ, 1987. – 176 с.
38. Головаха Е.И. Структура групповой деятельности. Социально-психологический анализ. Киев.: Наукова думка, 1979. 139 с.

- 39.Грошев И.В. Половые различия восприятия рекламы // Психология и практика. Ежегодник РПО. - Ярославль, 1998. - Т. 4. - Вып. 4. - С.196-200.
- 40.Гусев А.Н., Измайлов Ч.А., Михалевская М.Б. Измерение в психологии: общий психологический практикум. 2-е изд. - М.: Смысл, 1998. – 286 с.
- 41.Демина И.С. Особенности отношения к семье многодетных родителей: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2004. – 142 с.
- 42.Дилигенский Г.Г. В поисках смысла и цели: Проблемы массового сознания современного капиталистического общества. М.: Политиздат, 1986. 256 с.
- 43.Дилигенский Г.Г. Некоторые методологические проблемы исследования психологии больших социальных групп // Методологические проблемы
- 44.Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Изд-во” Институт психологии РАН”, 1996.
- 45.Донцов А.И. Психология коллектива. М.: Изд-во МГУ, 1984. 208 с
- 46.Донцов А.И., Емельянова Т.П. Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М., 1987. 127с.
- 47.Емельянова Т.П. Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Институт психологии РАН, 2006. – 400 с.
- 48.Ермолаев О.Ю. Математическая статистика для психологов: Учебник / Ермолаев О.Ю. – 3-е изд., испр. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2004. – 336 с.
- 49.Жариков И.М., Урсова Л.Г., Христинин Д.Ф. Психиатрия. - М.: Медицина, 1989. – 496 с.
- 50.Журавлев А.Л. Роль системного подхода в исследовании психологии коллектива // Психол. журн. 1988. Т.9. N 6. С. 53-64.

51. Журавлев А.Л. Совместная деятельность как объект социально-психологического исследования. // Совместная деятельность: методология, теория, практика. / Отв. ред., А.Л. Журавлев, П.Н. Шихирев, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1988. С.19-36.
52. Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности в условиях организационно-экономических изменений. Дисс. в виде научного доклада на соискание учен. степени д-ра психол. наук. М., 1999.
53. Журавлев А.Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиковой. М., 2002. С. 51-81.
54. Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности. М.: Институт психологии РАН, 2005. – 640 с.
55. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Динамика межгрупповых отношений в условиях изменения форм собственности // Психологический журнал, Т.13, 1992. №4. С. 24-32.
56. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Деловая активность предпринимателей: методы оценки и воздействия. М.: Институт психологии РАН, 1995. 58 с.
57. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе. М.: Институт психологии РАН, 2006. – 335 с.
58. Знаков В.В. Половые различия в понимании неправды, лжи и обмана // Психологический журнал. - 1998. №1. - С.39-49.
59. Иванова Н.Л. Структура социальной идентичности личности: проблема анализа // Психологический журнал, 2004. - Т. 25. - №1. – С. 52-61.
60. Изард К.Е. Эмоции человека./ Ред. Гозман Л.Я., Егорова М.С. - М.: МГУ, 1980. – 440 с.
61. Индивидуальный и групповой субъекты в изменяющемся обществе. (К 110-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна.) Тезисы докладов к

- международной научно-практической конференции. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 1999.
62. Коллектив и личность / Под ред. К.К. Платонова, О.И. Зотовой, Е.В. Шороховой. М.: Наука, 1975. 279 с.
63. Коломинский Я.Л. Психология взаимоотношений в малых группах (Общие и возрастные особенности). Минск: Изд-во БГУ, 1976. 349 с.
64. Кон И.С. Введение в сексологию. – М.: Медицина, 1988. – 320 с.
65. Котова М.Б. Психологические условия приобщения подростков к курению и его профилактика. Дис... канд. психол. наук. М., 2008. 142 с.
66. Краткий психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. 431 с.
67. Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М. Психология малой группы: теоретический и прикладной аспекты. Изд-во МГУ, 1991. 207с.
68. Кун М., Макпартлэнд Т. Эмпирическое исследование установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. – М.: МГУ, 1984. – С.180-187.
69. Ксенофонтова Е.Г. Исследование локализации контроля личности — новая версия методики "Уровень субъективного контроля" // Психологический журнал, 1999. - Т. 20. - № 2. - С. 103-114.
70. Кузнецов А.Н. Исследование межгрупповых отношений в условиях разных форм организации межгруппового взаимодействия // Тезисы к VI Всесоюзному съезду общества психологов. М., 1983. С.543-545.
71. Кузьмин Е.С. Основы социальной психологии. – Л.: ЛГУ, 1967. – 173 с.
72. Куйдо Э.В. Профилактика приобщения к курению у студентов // Наше здоровье. - М.: Фин. и стат., 1983. – С. 38-47.
73. Купрейченко А.Б. Отношение личности к соблюдению нравственных норм в зависимости от психологической дистанции (у менеджеров и предпринимателей). Дисс. ...канд. психол. наук. М., 2001.

74. Кэмпбелл Д.Т. Социальные диспозиции индивида и их групповая функциональность // Психологические механизмы регуляции социального поведения / Отв. ред. М.И. Бобнева, Е.В. Шорохова. М.: 1979. С.76-102.
75. Лазурский А.Ф. Избранные труды по психологии. - М.: Наука, 1997. - 445 с.
76. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Социально-психологические факторы этнической толерантности и стратегии межгруппового взаимодействия в поликультурных регионах России // Психологический журнал. - 2003. № 5. - С.31-44.
77. Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1993. 195с.
78. Лебедева Н.М. Новая русская диаспора: Социально-психологический анализ. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1997. 333с.
79. Левкович В.П., Андрущак И.Б. Этноцентризм как социально-психологический феномен // Психологический журнал. - 1995. № 2. - С.70-81.
80. Левченко Е.В. История и теория психологии отношений. СПб: Алетейя, 2003 г. - 312 с.
81. Лекарственные свойства сельскохозяйственных растений / Под ред. Борисова М.И., Соколова С.Я. - 2-е изд., перераб. и доп. - Минск: Ураджай, 1985. - 272 с.
82. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Политиздат, 1975 - 99 с.
83. Личность и бытие: Субъектный подход. // Отв. ред. А.Л. Журавлев и др. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2008.
84. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. - М.: Наука, 1984. - 486 с.

- 85.Лунев Ю.А. Социально-психологические факторы детерминации поведения группы в межгрупповом взаимодействии. Дисс... канд. психол. наук. Курск, 1991.
- 86.Лунева О.В. Особенности настроения личности в юношеских группах. Дисс... канд. психол. наук. Кострома, 1991.
- 87.Майерс Д. Социальная психология. - СПб.: Питер Ком, 1998. – 688 с.
- 88.Малая Э.В. Изучение взаимосвязи курения и психического состояния у студентов // Советскому человеку - здоровый образ жизни. - М.: ЦНИИСП. Рукопись депонирована во ВНИИМИ, 1980. № Д-3071-80. – 36 с.
- 89.Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. 907 с.
- 90.Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3., С. 7-454.
- 91.Мастенбрук У. Управление конфликтными ситуациями и развитие организации. М., 1996. 255с.
- 92.Машковский М.Д. Лекарственные средства. В двух частях. Ч. 1. – 12-е изд., перераб. и доп. – М.: Медицина, 1993. – С.155-159.
- 93.Методические рекомендации по совершенствованию содержания, методов и средств антиалкогольной и антитабачной пропаганды среди молодежи. - М.: ВНИИМП ФЗ Министерства здравоохранения СССР, 1988. – С. 12-18.
- 94.Методология и методы социальной психологии // Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1977. 247 с.
- 95.Методы социальной психологии / Под ред. Е.С. Кузьмина и В.Е. Семенова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 175 с.
- 96.Мингалеева Г.А. Коллективная установка в совместной деятельности при бригадной организации труда: Автореф. дис... психол. наук. М., 1985. – 24 с.

97. Мокроносов Г.В., Москаленко А.Т. Методологические проблемы исследования общественных отношений и личности. Новосибирск: Наука, 1981. 295 с.
98. Мясищев В.Н. Проблема отношений человека и ее место в психологии // Вопросы психологии, 1957. - № 5. - С. 142-155
99. Мясищев В.Н. Личность и неврозы. - Л.: ЛГУ, 1960. – 426 с.
100. Мясищев В.Н. Личность и отношения человека // Проблемы личности. - М., 1970. - Т.1. - С.517-536.
101. Мясищев В.Н. Психология отношений / ред. Бодалев А.А. М.: Институт практической психологии. - Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 356 с.
102. Мясищев В.Н. Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека // Психологическая наука в СССР. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. Т.2. С. 110-125.
103. Надирашвили Ш.А. О формировании и смене социальных установок личности // Вопросы психологии, 1978. - № 3. – С. 32—39.
104. Надирашвили Ш.А. Психология пропаганды. – Тбилиси: Мецниереба, 1978. - 120 стр.
105. Надирашвили Ш.А. Социальные ориентации личности. Глава 8 // Социальная психология личности. Под ред. Бобневой М.И., Шороховой Е.В. М., 1979. – С.34-46.
106. Обозов Н.Н. Межличностные отношения. - Л.: ЛГУ, 1979. – 151 с.
107. Обозов Н.Н. Психология межличностных отношений. - Киев: Лыбидь, 1990. – 191 с.
108. Обозов Н.Н. Межличностные отношения // Социальная психология / Под ред. Кузьмина Е.С., Семенова В.Е. - Л.: ЛГУ, 1979. - С. 160-173.
109. Обуховский К. Психология влечений человека. – М.: Речь, 1972. – с.
110. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. – М.: Мысль, 1971. – 348 с.

111. Парыгин Б.Д. Проблема готовности в социальной психологии // Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. - М.: Институт психологии РАН, 1996. – С. 87-90.
112. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М.: Изд-во МГУ, 1988.
113. Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Взаимосвязь эмоций и цвета // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. - 1988. - № 1. - С. 70-82.
114. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив: Над чем работают, о чем спорят философы. – М.: Политиздат, 1982. – 255 с.
115. Петровский А.В., Платонов К.К. Психология межличностных отношений // Общая психология / Под ред. Петровского А.В. - М.: Просвещение, 1976. - С. 136-156.
116. Петровский А.В., Шпалинский В.В. Социальная психология коллектива. М.: Педагогика, 1978. 176 с.
117. Петтигрю Т.Ф. Расовые отношения в США: социологическая перспектива // Американская социология. Перспектива, проблемы, методы / Ред. Г.В. Осипов. М.: Прогресс, 1972. С. 314-330.
118. Пиз А., Пиз Б. Язык взаимоотношений мужчина – женщина. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – 400 с.
119. Платонов К.К. О системе психологии. М.: Мысль, 1972. 216с.
120. Погольша В.М. Гендерные особенности личностного влияния // Психология и практика. Ежегодник РПО. - Ярославль, 1998. - Т. 4. - Вып. 5. – с.188.
121. Позняков В.П. Психологические отношения субъектов экономической деятельности. - М.: Институт психологии РАН, 2000. – 220 с.
122. Позняков В.П. Психологические отношения и деловая активность российских предпринимателей. М.: Изд-во ИП РАН, 2001. 240 с.

123. Позняков В.П. Психологические отношения и деловая активность субъектов экономической деятельности в условиях изменения форм собственности. Дисс. ... докт. психол. наук. - М., 2002. – 350 с.
124. Позняков В.П. Психология межгрупповых отношений // Социальная психология: учебное пособие / Отв. ред. А.Л. Журавлев М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 231-251.
125. Позняков В.П. Концепция психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов жизнедеятельности // Психология отношений: полисистемный субъектно-деятельностный подход / Материалы первого межрегионального методологического семинара г.Владимир, 25 сентября 2009 г. Москва-Владимир-Кострома, 2009. - с.121-149.
126. Позняков В.П. Динамический аспект категории отношений и временная организация сознания субъекта // Психология отношений: полисистемный субъектно-деятельностный подход. Материалы Международного конгресса «Психология 21 столетия: Теория. Эксперимент Социальная практика. Кострома 10-13 сентября 2009г. Том 2. Москва-Кострома, 2009. С. 330-332.
127. Позняков В.П. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности // Психология человека в современном мире. Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15-16 сентября 2009 года. Том 5. Личность и группа в условиях социальных изменений / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 297-299.
128. Позняков В.П., Хромова В.Л. Методика исследования отношения личности к табакокурению // Современная психология: Состояние и перспективы исследований / Часть 5. Программы и методики психологического исследования личности и группы (Материалы юбилейной научной конференции ИП РАН, 28-29 января 2002 г.) \

- Ответственный редактор Журавлев А.Л. - М.: ИП РАН, 2002. - Стр. 111-135.
129. Позняков В.П., Хромова В.Л. Отношение к табакокурению у курящих и некурящих мужчин и женщин // Проблема отношений в жизнедеятельности человека / Материалы межрегиональной научно-практической конференции, 7-10 июля 2004 г. Владимир, 2004. С.210-213.
130. Позняков В.П., Хромова В.Л. Социально-психологические особенности отношения к табакокурению у курящих и некурящих мужчин и женщин // Знание. Понимание. Умение. МосГУ. №4. 2008. С. 193-198.
131. Позняков В.П., Хромова В.Л. Сравнительное исследование отношения к табакокурению у мужчин и женщин // Психология отношений: полисистемный субъектно-деятельностный подход. Материалы методологического семинара, Владимир, 25 сентября 2009 года / сост. В.А. Зобков, А.Л. Журавлев, Н.П. Фетискин. М.; Владимир; Кострома: ВГУ, 2009. С. 150-171.
132. Позняков В.П., Хромова В.Л. Социально-психологические особенности отношения к табакокурению у курящих и некурящих мужчин и женщин (окончание) // Знание. Понимание. Умение. Научный журнал Московского Гуманитарного Университета. М., 2009. №1. С. 192-196.
133. Позняков В.П., Хромова В.Л. Психологические отношения к табакокурению у курящих и некурящих мужчин и женщин // Психология человека в современном мире. Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15-16 сентября 2009 года. Том 5. Личность и группа в условиях социальных изменений / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 299-302.

134. Попова Г.А., Власова О. В., Циркин В.И. Исследование механизмов избегания курения. // Современные наукоемкие технологии. - М, 2006. - №5. – С.90-91.
135. Полетаев Ю.А., Ерина С.И. Некоторые особенности женского политического поведения // Психология и практика. Ежегодник РПО. - Ярославль, 1998. - Т. 4. - Вып. 5. - С. 198.
136. Поршнев Б.Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания. М.: Наука, 1973. 15 с.
137. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. - М.: Наука, 1979. – 232 с.
138. Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы / Под ред. Бодалева А.А. и др. - М., 1988. - С. 119-122.
139. Проблема отношений в жизнедеятельности человека / Отв. ред. В.А. Зобков. Владимир, 2004.
140. Психология. Учебник для гуманитарных вузов / Под ред. В.Н. Дружинина. - СПб.: Питер, 2001. – С. 351-354.
141. Психология отношений человека и психическая регуляция деятельности / Под ред. А.Л. Журавлева, В.А. Зобкова. М.: Собор, 2007.
142. Психология отношений: полисистемный субъектно-деятельностный подход / Материалы первого межрегионального методологического семинара г.Владимир, 25 сентября 2009 г. Москва-Владимир-Кострома, 2009.
143. Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2001
144. Психологическая теория коллектива // Под ред. А.В.Петровского. М.: Педагогика, 1979. 238 с.
145. Психологические механизмы регуляции социального поведения / Бобнева М.И., Шорохова Е.В. (отв.ред.) – М.: Наука, 1979. – 336 с.

146. Психологические проблемы социальной регуляции. поведения // Отв. ред. М.И. Бобнева, Е.В.Шорохова. - М.: Наука, 1976.
147. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. - М.: Изд-во АПН СССР, 1957. - 328 с.
148. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.
149. Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997. 463 с.
150. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997. 191 с.
151. Селиванов В.В. Мышление в личностном развитии субъекта. Дисс....докт. психол. Наук. Смоленск: СГУ, 1999. 382 с.
152. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. - СПб.: Социально-психологический Центр, 1996. – 350 с.
153. Собчик Л.Н. Введение в психологию индивидуальности \Теория и практика психодиагностики. - М.: Институт прикладной психологии, 1997. – 480 с.
154. Современная зарубежная социальная психология. Тексты / Под ред. Андреевой Г.М., Богомоловой Н.Н., Петровской Л.А. - М.: МГУ, 1984. – 256 с.
155. Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности. - М.: МГУ, 1987. – 174 с.
156. Социальная психология. Краткий очерк /Под общ. ред. Предвечного Г.П., Шерковина Ю.А. - М.: Политиздат, 1975. – С. 85-88.
157. Социальная психология // Под ред. Е.С. Кузьмина, В.Е. Семенова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 288 с.
158. Социальная психология: учебное пособие/ Отв.ред. Журавлев А.Л. М.: ПЕР СЭ, 2002. – 352 с.
159. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред.: А.Л. Журавлев, Е.В .Шорохова. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 1998. 295 с.

160. Социально-психологический климат коллектива: теория и методы изучения / Отв. ред. Е.В. Шорохова, О.И. Зотова. М.: Наука, 1979. 176 с.
161. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учеб. для студ. Вузов. - М.: Акад. проект, 2000. – 320 с.
162. Сушков И.Р. Психологические отношения человека в социальной системе. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2008.
163. Сушков И.Р. Психология взаимоотношений. М.: Академический проект, ИП РАН, 1999. – 448 с.
164. Сушков И.Р. Межгрупповые отношения в производственной организации. Дисс... канд. психол. наук. М., 1983. 255 с.
165. Сушков И.Р. Исследования приверженности к группе в условиях производственной организации // Психол. журн. 1988. Т.9. N 2. С. 144-148.
166. Сушков И.Р. Совместная деятельность групп в организации // Совместная деятельность: методология, теория, практика / Отв. ред. А.Л. Журавлев, П.Н. Шихирев, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1988. С.76-87.
167. Тугарева Е.В. Процессы предпочтения и отвержения как основания социального выбора. Дисс. ...канд. психол. наук. М., 1996.
168. Турецкая Г.В., Хащенко В.А. Социально-психологическая характеристика женщин-предпринимателей // Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений. – М.: Институт психологии РАН, 1977. – С.45-49.
169. Углонова Е.А., Киселев И.Ю. Феномен идиосинкразического кредита: некоторые особенности функционирования в политической среде общества переходного периода // Психология и практика. Ежегодник РПО. Ярославль, 1998. - Т. 4. - Вып. 5. - С.353-356.
170. Уманский Л.И. Поэтапное развитие группы как коллектива // Коллектив и личность. М.: Наука, 1975. С. 77-87.

171. Файвинов В.А. Я-концепция курящих и некурящих // Общага, М. – 2003. - Декабрь - С.9.
172. Фельдштейн Д.И. Психология развития личности в онтогенезе.- М.: Педагогика, 1989. - 208 с.
173. Фестингер Л. Введение в теорию диссонанса // Современная зарубежная социальная психология. Тексты / Под ред. Андреевой Г.М., Богомоловой Н.Н., Петровской Л.А. – М.: МГУ, 1984. - С.97-104.
174. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого "Я". М., 1925. 98 с.
175. Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность / Под ред. Величковского Б.М. - М.: Педагогика, 1986. – ТТ. 1,2. - 408 с., 392 с.
176. Хромова В.Л. Социально-психологические аспекты табакокурения // Психология и практика. Ежегодник РПО. Ярославль, 1998. - Т. 4. - Вып. 5. - С.390-394.
177. Хромова В.Л. Социально-психологические установки на курение // Психология и практика. Ежегодник РПО. Ярославль, 1998. - Т. 4. - Вып. 3. - С.161-162.
178. Чернышев А.С. Организованность как свойство совместной коллективной деятельности // Совместная деятельность: Методология, теория, практика / Отв. ред. А.Л. Журавлев, П.Н. Шихирев, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1988. С. 66-75.
179. Шерковин Ю.А. Психологические проблемы массовых информационных процессов. - М.: Мысль, 1973. – 215 с.
180. Шерковин Ю.А. Предиспозиционные факторы и смысловое восприятие сообщений массовой коммуникации // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). – М., 1976. – 263 с.
181. Шибутани Т. Социальная психология. - М.: Прогресс, 1969. – 536 с.

182. Шихирев П.Н. Социальная установка как предмет социально-психологического исследования // Психологические проблемы социальной концепции поведения. - М., 1976. – С.278 -291.
183. Шихирев П.Н. Современная социальная психология США. - М.: Наука, 1979. – 230 с.
184. Шихирев П.Н. Современная социальная психология в Западной Европе. - М.: Наука, 1985. – 230 с.
185. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. – М.: ИП РАН; КСП+; Академический проект, 1999. – 448 с.
186. Шорохова Е.В. Психологический аспект проблемы личности // Теоретические проблемы психологии личности. М.: Наука, 1974. С. 3-33.
187. Шорохова Е.В. Социальная психология (проблемы и задачи) // Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1975. С. 3-16.
188. Шорохова Е.В. Социально-психологическое понимание личности // Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Шорохова Е.В. - М.: Наука, 1975. - С. 63-72.
189. Шорохова Е.В., Платонов К.К., Зотова О.И., Новиков В.В. Социально-психологические проблемы социалистического соревнования // Социально-психологические аспекты социалистического соревнования / Отв. ред. Шорохова Е.В. - М.: Наука, 1977. - С. 23-40.
190. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии / Отв.ред. Шорохова Е.В. – М.: Наука, 1975. – С.89-105.
191. Ядов В.А. Диспозиционная концепция личности // Социальная психология / Под ред. Кузьмина Е.С., Семенова В.Е. - Л.: ЛГУ, 1979. - С. 106-120.

192. Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России, 1995. - № 3/4. – С.158-182.
193. Allport G.W. The nature of prejudice. Cambridge, 1954. 496 p.
194. Babal M., Belicayova R., Kosinarova V. et al. Motivacie Fajcenia u Skolakov // Studia Pneumologica et Phtiseologica Cechoslovaca, 1986. - Vol.46. - № 3. - P.151-156.
195. Baragiola A. Por Que Fuma Usted? Un Estudio Motivational de Estudiantes Tecnicos–1984 // Revista Argentina de Analisis, Modificacion y Terapias del Comportamiento., 1985. - Vol.1.- № 1. - P.35-42.
196. Bem S. L. Theory and measurement of androgyny // Journal of Personal Social Psychology, 1979. - Vol.37. - P.1047-1054.
197. Berkowitz L. Aggression: a social psychological analysis. N.Y., 1962. 361 p.
198. Berkowitz L., Walster E. (eds). Equity theory: towards a general theory of social interaction. - N.Y., 1976.
199. Blake R.R., Mouton J.S. Overvaluation of own groups product in intergroup competition / J. of Abnor., and Soc. Psychol., 1962. Vol.3.
200. Botvin E.M, Botvin G.J., Baker E. Developmental Changes in Attitudes Toward Cigarette Smokers During Early Adolescence. Psychological Reports, 1983. - Vol.53. - № 2. - P.547-553.
201. Brook J.S., Whiteman M., Gordon A.S., Brook D.W. Fathers and Sons: Their Relationship and Personality Characteristics Associated With the Son`s Smoking Behavior // Journal of Genetic Psychology, 1983. – Vol.142. - № 2. – P.271-281.
202. Brown R. Divided we fall: an analysis of relations between sections of factory // H. Tajfel (eds): Differentiation between social groups. Studies in the social psychology of intergroup relations. London: Academic Press. 1978, XV, p. 395-429.

203. Casioppo J.T., Petty R.E. Social Psychophysiology: A Sourcebook. – New York: Guilford Press, 1983. - 260 p.
204. Casioppo J.T., Sandman C.A. Psychophysiological functioning, cognitive responding, and attitudes // Cognitive responses in Persuasion / Petty R.E., Ostrom T.M., Brock T.C (Eds.) – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1981. – P.81-104.
205. Eide I. Smoking and Women`s Emancipation; The Developed World // Proceedings of the Fifth World Conference on Smoking and Health, Winnipeg, Canada, 1983 / Forbes W.F., Frecker R.C., Nostbakken D. (Eds.) - Ottawa, 1983. – Vol.1. – P.687-692.
206. Fishbein, M. A theory of reasoned action: some applications and implications // Howe H., Page M. (Eds.), Nebraska Symposium on Motivation, Lincoln: University of Nebraska Press, 1980. - Vol.27. – p.
207. Gendreau J. Approche Psycho-Sociologique des Comportements Tabagiques a l`Adolescence // Journee de la Dependance Tabagique, 1985. - Vol.3. - P.110-121.
208. Hamynen H., Vartiainen E., Sahi T. et al. Social, Personality and Environmental Determinants of Smoking in Young Finnish Men // Scandinavian Journal of Social Medicine, 1987. - Vol.15. - № 4. - P.219-224.
209. Huggan D.K. Smoking and Hypnosis. (Letter) // Practitioner, 1985. – Vol. 229. - № 1405. - P.603.
210. Hughes J.R., Hatsukami D.K., Mitchell J.E. et al. Prevalence of Smoking Among Psychiatric Outpatients // American Journal of Psychiatry., 1986. - Vol.143. - № 8. – P. 993-997.
211. Hyllienmark G. Rokning, Rokfrihet och Konsroller // Tabaken Och Vi, 1983. - Vol.28. - № 3. – P.16-22.
212. Ikard F.F., Green D.E., & Horn D.A. A scale to differentiate between types of smoking as related to management of affect // International Journal of the Addictions, 1969. - № 4. - P. 649-659.

213. Kaprio J., Koskenvuo M. A Prospective Study of Psychological and Socioeconomic Characteristics, Health Behavior and Morbidity in Cigarette Smokers Prior to Quitting Compared to Persistent Smokers and Non-Smokers // *Journal of Clinical Epidemiology*, 1988. - Vol.41. - № 2. p.139-150.
214. Leventhal H., Cleary P.D. The Smoking Problem: A Review of the Research and Theory in Behavioral Risk Modification // *Psychological Bulletin*, 1980. – Vol.88. - № 2. – P.370-405.
215. Linn M.W., Stein S. Reasons for Smoking Among Extremely Heavy Smokers // *Addictive Behaviors*, 1985. – Vol.10. - № 2. – P.197-201.
216. Lawrance L.K. Self-Efficacy as a Predictor of Smoking Behavior in Young Adolescents. Doctoral Dissertation. University of Illinois, Urbana-Champaign, University Microfilms International 85-21813, 1985. – 137 p.
217. McCranie E.W., Kahan J. Personality and Multiple Divorce. A Prospective Study // *Journal of Nervous and Mental Disease*. 1986. - Vol. 174. - № 3. - P.161-164.
218. Marsh A., Matheson J. *Smoking Attitudes and Behaviour*. London, 1983. - 199 p.
219. Morley J.E., Stephenson C.M. *The social psychology of bargaining*. - L. 1977.
220. Nil R., Woodson P., Baettig K. Der Raucher, Sein Rauchverhalten und Seine Rauchmotivation // *Psychologie*, 1982. – Vol.41. - № 2. – P.217-229.
221. Pederson L.L. Changes in Variables Related to Smoking from Childhood to Late Adolescence: An Eight Year Longitudinal Study of a Cohort of Elementary School Students.// *Canadian Journal of Public Health*., 1986. - Vol.77. - Supplement 1. - P.33-39
222. Penny G.N., Robinson J.O. Psychological Resources and Cigarette Smoking in Adolescents. *British Journal of Psychology*., 1986. - Vol.77. - Part 3. - P.351-357.

223. Pomerleau O.F., Bell C.S., Benowitz N.L. et al. Task Force 4: Nicotine and Smoking Relapse // *Health Psychology*, 1986. – Vol.5 (Supplement). – P.41-51.
224. Saucier J.-F., Ambert A.-M. Parental Marital Status and Adolescents' Health-Risk Behavior // *Adolescence*, 1983. – Vol.18. - № 70. – P.403-411.
225. Schachter S. Nicotine regulation in heavy and light smokers // *Journal of Experimental Psychology / General*, 1977. – Vol.106. – P.5-12.
226. Sheehan T.R. Children and Smoking. A Review // *Australian Family Physician*, 1983. – Vol.12. - № 9. – P.685-687.
227. Sherif M. *Group conflict and cooperation: their social psychology*. L., 1966. 192 p.
228. Sherif M., Sherif C.W. *Groups in harmony and tension*. N.Y., 1958.
229. Stephan W.G. Intergroup Relations // *Handbook of Social Psychology*. V. II: N. J., 1985, p. 592-658.
230. Stephenson G.M. Intergroup bargaining and negotiation // J.C. Turner, H. Giles (eds.). *Intergroup behaviour*. Oxford, 1984.
231. Spilberger C.D. Psychological Determinants of Smoking Behavior // *Smoking and Society. Toward a More Balanced Assessment* / Tollison R.D. (Editor), Lexington: Lexington Books, 1986. - P. 89-134.
232. Sutton S.R., Eiser J.R. The Effect of Fear-Arousing Communications on Cigarette Smoking: An Expectancy-Value Approach // *Journal of Behavioral Medicine*, 1984. – Vol.7. - № 1. – P. 13-33.
233. Tajfel H. Intergroup behavior, social comparison and social change. - Katz - Newcomb Lectures. Ann Arbor, 1974. - 65 p.
234. Tajfel H. Psychological conceptions of equity: the present and the future // P.Fraisse (ed.). *Psychologie de demain*. - P.,1982.
235. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations // *Annual Review of Psychology*. - 1982. - V. 33, - P. 1-35.
236. Tajfel H. Social stereotypes and social groups // J.C.Turner, H.Gilles (eds). *Intergroup behaviour*. - Oxford. 1984, p. 144-167.

237. Tajfel H., Turner J.C. An integrative theory of intergroup conflict // W.S. Austin, S. Worchel (eds). The social psychology of intergroup relations. Monterey, Calif., 1979.
238. Tunstall C.D., Ginsberg D., Hall S.M. Quitting Smoking // International Journal of the Addictions, 1985. – Vol.20. - №№ 6-7. - P.1089-1112.
239. Turner J.C., Giles H. (eds) Intergroup behaviour. Oxford, 1984.
240. Wesnes K., Warburton D.M. Effects on Smoking on Rapid Information Processing Performance // Neuropsychobiology, 1983. – Vol.9. - № 4. – P.223-229.
241. Worchel S. Cooperation and the reduction of intergroup conflict some determining factors // W.G. Austin, S. Worchel (eds.). The social psychology of intergroup relations. Monterey, Calif. 1979.
242. Zoller U., Maymon T. Smoking Behavior of High School Students in Israel // Journal of School Health, 1983. – Vol.53. - № 10. – P.613-617.

Приложение. Программа стандартизированного интервью

Уважаемый товарищ!

Институт Психологии Российской Академии наук проводит социально-психологическое исследование, направленное на выявление отношения к проблеме табакокурения среди курящих и некурящих граждан нашей страны. Это может помочь выяснению новых, пока не известных сторон этого явления.

Поскольку мы заинтересованы в том, чтобы был определен широкий спектр взглядов, существующих в обществе по этим вопросам, то Ваше мнение для нас будет очень ценно.

Заполнять анкету несложно. Большинство вопросов имеет несколько вариантов ответов, размещенные в виде таблицы. Поставьте какой-либо значок (например, «галочку») в графе, соответствующей Вашему мнению. Мы просим Вас быть внимательными, так как часть вопросов предусматривает выбор единственного ответа. Пожалуйста, не оставляйте ни одного вопроса без ответа.

Благодарим Вас за согласие сотрудничать с нами и надеемся на Ваши искренние ответы!

1.1. Как Вы вообще относитесь к такому явлению как курение ?

Положительно	скорее положительно	безразлично	скорее отрицательно	отрицательно

1.2. Как курение связано с разнообразными эмоциональными состояниями человека и его чувствами? Оцените в баллах, где 1- курение очень мало связано с состояниями такого рода, 4- связано в некоторой степени, и 7- сильно связано.

Эмоциональные состояния	1	2	3	4	5	6	7
УДИВЛЕНИЕ							
ИНТЕРЕС							
РАДОСТЬ							
ГНЕВ							
СТРАХ							
ОТВРАЩЕНИЕ							
ПЕЧАЛЬ, горе							
ПРЕЗРЕНИЕ							
СТЫД							

2. Обычно, когда речь идет о курении, первое, что припоминается - это его вред для здоровья. Не отступим и мы от этого правила - поговорим сначала о последствиях курения. Известно, что курение повышает риск возникновения ряда заболеваний. Оцените, пожалуйста, согласны ли вы с такими мнениями, что:

2.1. Курение способствует развитию заболеваний сердца и сосудов.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

2.2. Курение приводит к заболеваниям печени.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

2.3. Заболеваниям легких больше подвержены курящие, чем некурящие.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

2.4. Систематическое курение снижает сопротивляемость организма инфекционным заболеваниям.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

3.1. Если принять за единицу тот вред от курения, который получает сам курящий, то какую долю от него составляет вред от "пассивного" курения (вдыхания табачного дыма некурящим)? (отметьте «галочкой» на линии, крайние полюса которой соответствуют оценкам 0 – незначительный, 1 – Такой же).

0 1/4 1/2 3/4 1

4.0. Есть разные мнения о том, от чего зависит здоровье человека. Оцените близость каждого из приведенных утверждений к Вашему мнению.

4.1. Состояние здоровья прежде всего зависит от самого человека, его поведения, образа жизни.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

□

4.2. Состояние здоровья человека зависит от природных свойств организма.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

4.3. Состояние здоровья зависит уровня развития медицины и качества медицинской помощи.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

4.4. На состояние здоровья влияет экологическая обстановка и напряженный ритм современной жизни.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

5.0. А теперь поговорим о причинах курения. Каков вклад различных причин в существование этого явления? Оцените, какое значение имеют некоторые из приведенных ниже причин.

5.1. Имеются определенные биологические предпосылки, ответственные за образование химической зависимости организма от компонентов табачного дыма.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

5.2. Для привыкания человека к курению имеют значение предрасполагающие личностные свойства, как, например, слабая волевая организация.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

5.3. Привычка к курению образуется от продолжительного времени употребления.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

5.4. Распространенность курения объясняется существованием соответствующих традиций и обычаев в обществе.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

6.0. Сами курящие по-разному объясняют те причины, по которым они курят. Ниже приведены некоторые из таких причин. Оцените каждую позицию, насколько она отражает ваше мнение.

6.1. Курение снимает нервное напряжение и успокаивает.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

6.2. Курение приносит удовольствие.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

6.3. Курение - это своеобразный способ медитации, оно дает душевный покой и уравновешенность.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

6.4. Курение помогает преодолеть монотонность времени вынужденного ожидания.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

6.5. Курение стимулирует умственную деятельность.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

6.6. Курение помогает ограничивать себя в еде и не набирать лишний вес.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

7.0. У части курящих существует мнение, что с помощью курения улучшается ситуация общения, и это является одним из аргументов в пользу продолжения курения. А что Вы думаете об этом ?

7.1. Курение служит поводом (предлогом) для того, чтобы:

7.1.1. Вступить в контакт с незнакомым человеком и познакомиться.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

7.1.2. Предложить пообщаться близкому человеку или просто знакомому.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

7.2. Сближение, открытость, взаимопонимание между общающимися партнерами на фоне их обоюдного курения возрастают.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

7.3. Курение помогает человеку расширить и поддерживать круг знакомств в соответствии с его интересами.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

7.4. Побудительными стимулами к закуливанию оказываются:

7.4.1. Вид другого курящего.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

7.4.2. Приглашение закурить, исходящее от другого курящего.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

8.0. «Имидж», чисто поверхностное впечатление о себе, производимое человеком на других, бывает немаловажным.

8.1. Есть мнение, что курение - это символ мужественности, а курящий мужчина выглядит более мужественным. Согласны ли вы с этим мнением?

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

Курение широко распространено и среди женщин. Ниже приводятся суждения, относящиеся к курению женщин и девушек. Выразите степень своего согласия или несогласия с каждым из них:

8.2. Сигарета придает облику женщины утонченность и изысканность, благодаря чему она выглядит более женственной.

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

8.3. Курящие женщины более свободны и независимы («эмансипированы»).

Не согласен (а)	Скорее не согласен (а)	Не уверен (а)	Скорее согласен (а)	Согласен (а)

9.1. Приходилось ли Вам замечать в целом какие-либо различия курящих от некурящих по каким-либо особенностям, личностным качествам? Оцените, пожалуйста, качества, которые свойственны курящим, некурящим и лично Вам. Обведите кружком цифру: 7- качество очень сильно выражено, 4- средне выражено, 1- качество слабо или совсем не выражено.

№	Характеристики	у курящих	у некурящих	Я сам (а)
1	аккуратный	1234567	1234567	1234567
2	беспокойный	1234567	1234567	1234567
3	благополучный	1234567	1234567	1234567
4	имеющий гармоничные отношения с людьми (на работе, в семье)	1234567	1234567	1234567
5	вежливый	1234567	1234567	1234567
6	добрый, мягкий	1234567	1234567	1234567
7	зависимый	1234567	1234567	1234567
8	унылый	1234567	1234567	1234567
9	замкнутый	1234567	1234567	1234567
10	общительный, коммуникабельный	1234567	1234567	1234567
11	имеющий высокие моральные качества	1234567	1234567	1234567
12	спокойный	1234567	1234567	1234567
13	озабоченный собственными проблемами	1234567	1234567	1234567
14	равнодушный	1234567	1234567	1234567
15	склонный к конфликтам	1234567	1234567	1234567
16	сдержанный, умеющий «держать себя в руках»	1234567	1234567	1234567
17	уверенный в себе	1234567	1234567	1234567
18	счастливый	1234567	1234567	1234567
19	эгоистичный	1234567	1234567	1234567
20	привлекательный (о мужчине)	1234567	1234567	1234567
21	привлекательная (о женщине)	1234567	1234567	1234567

А сейчас кое-что из Вашего опыта, наблюдений.

10.1. Когда у человека возникает желание закурить на улице, а рядом есть некурящие, то как обычно поступает мужчина и как женщина ? Из приведенных трех вариантов выберите по одному ответу для мужчин и для женщин.

Мужчины	Женщины	
		Закуривает в соответствии с желанием
		Отходит в сторону подальше от некурящих чтобы закурить.
		Из-за этого может воздержаться от курения.

10.2. Когда у человека возникает желание закурить в закрытом помещении, а рядом есть некурящие, то он (она) обычно (выберите по одному ответу для мужчин и для женщин) :

Мужчина	Женщина	
		Закуривает в соответствии с желанием
		Уходит в более подходящее место.
		Может воздержаться от курения из-за этого обстоятельства.

10.3. Как относятся и как поступают некурящие, оказываясь в ситуациях «пассивного» курения? (Из четырех вариантов выберите по одному-два ответа для мужчин и для женщин) Некурящие:

Мужчины	Женщины	
		Выражают активный протест
		Не одобряют, но относятся терпимо
		Относятся безразлично
		Им нравится, что их обкуривают

10.4. Какие условия и обстоятельства принимают во внимание курящие при выборе подходящей ситуации для курения? (Из четырех вариантов выберите по одному-два ответа для мужчин и для женщин) :

Мужчины	Женщины	
		Собственное желание и наличие сигарет
		Желание составить компанию другому курящему
		Понимание прав и потребностей некурящих
		Запреты на курение в общественных местах

11.1. Ниже обрисованы четыре типичные ситуации, связанные с пассивным курением. Для каждого такого случая попытайтесь составить диалог между двумя действующими лицами, используя одно высказывание от каждого участника. Для этого из приведенных трех различных вариантов выберите один наиболее подходящий текст.

11.1. Ситуация № 1.

Молодой отец со своим малышом гуляет в сквере. Кругом играет много других детей. Рядом на скамейку присаживается молодой человек и закуривает. Дым идет в сторону детей. Какова реакция отца :

- «Я не хочу, чтобы вы травили моего ребенка и других детей также. Отсыдьте подальше!»
- «Если Вам не трудно, пожалуйста, не курите при детях. Ребенок не переносит табачного дыма.»
- «Не курите, рядом дети.»

Молодой человек в скверике присаживается на скамейку и **закуривает**. Рядом гуляет молодой отец с малышом. Он обращается к нему по поводу его курения.

Какая реакция молодого человека:

- «Одна сигарета не окажет никакого влияния.»
- «Одна сигарета большого значения не имеет, но я отойду куда-нибудь.»
- «Я, надеюсь, не помешаю вам.»

11.2. Ситуация № 2.

В электричке много людей. В тамбуре оживленно разговаривают между собой подруги. Вверху надпись «не курить». Двое мужчин заходят из вагона в тамбур и закуривают. **Одна из женщин** реагирует на курение. Что она могла бы сказать курящим в такой ситуации?

- «Вы что, читать не умеете? Здесь запрещено курить!»
- «Мужчины, не курите пожалуйста. Здесь и так душно, к тому же я плохо переношу табачный дым.»
- «Вы видите, что здесь нельзя курить? Вы здесь не одни, это общественное место.»

У мужчин возникло желание покурить, для этого они вышли в тамбур. Там стоят эти женщины и обращаются к ним с высказыванием по поводу их курения. Как можно было бы им ответить? Реплика **одного из мужчин**:

- «Женщина, тамбуры в наших электричках всегда были местом курения, а не пустой болтовни. Если вам не нравится, то пройдите в вагон.»
- «Мы уже долго едем, милые дамы, очень хочется покурить.»
- «Но ведь большинство всегда курят в тамбуре, а вы можете пройти в вагон.»

11.3. Ситуация № 3.

Сценка в общежитии. В студенческое общежитие недавно вселились новые студентки. Скоро выяснилось, что среди девушек есть как курящие, так и некурящие. Встал вопрос: курить ли в комнате или нет? Состоялся разговор некурящей и курящей девушек. В какой форме **некурящая девушка** могла бы высказать свои пожелания курящей соседке?

- «Я не переношу табачный дым, и не хочу, чтобы в комнате было накурено! Ты ведь не хочешь, чтобы выгнали из общежития?!»
- «У меня к тебе просьба. Я не переношу табачного дыма, поэтому прошу тебя выходить из комнаты, если надумаешь перекурить.»
- «Для курения есть другие места. А самим постоянно находиться в накуренном помещении неприятно.»

Курящая девушка хочет оставить за собой право и свободу курить. Чем можно ответить?

- «Если тебя не устраивает общество курящих, может быть, тебе есть смысл поискать другую комнату и других соседей?»
- «Я прекрасно понимаю твоё отношение к табаку, мне и самой неприятно спать в прокуренной комнате, но мне очень неудобно выходить на холодную лестницу, поэтому давай пойдём на компромисс. Я буду курить когда тебя нет дома, а потом проветрю.»
- «Я же не настаиваю, чтобы мне курить здесь всегда. Если курить редко, то после проветривания это практически не заметно и без ущерба для здоровья.»

11.4. Ситуация № 4.

В официальное учреждение приходит **пожилой мужчина**, ветеран. Он сам курильщик с 30-летним стажем и недавно бросил. В офисе молоденькая девушка, она курит. Что он может сказать ей, исходя из своего жизненного опыта?

- «Как вам не стыдно, вы портите здоровье себе и окружающим! Вот в моё время молодые девушки были гораздо скромнее!..»
- «Девушка, вы такая красивая и обаятельная! Вы знаете, я на своём опыте убедился, что курить вредно. Послушайте старика – не привыкайте слишком много курить!»
- «Это скверная привычка, я и сам получил через курение много болячек. Советую вам бросить.»

Девушка работает в офисе. Заходит посетитель и обращает внимание на то, что она курит на рабочем месте. Что она может ему ответить?

- «Курение – это моё личное дело и вас не касается. Не лучше ли перейти к тому, ради которого вы пришли?»
- «У меня сегодня трудный день, и мне нужно снять напряжение. К тому же в нашем офисе курить не запрещено.»
- «Спасибо за Ваши искренние слова, в будущем я намерена бросить курить.»

12.0. Есть различные мнения о том, что могло бы способствовать, с одной стороны, успешному отказу от курения у желающих бросить и, с другой стороны, преодолению этой проблемы в масштабах всего общества. Ниже приведены две группы таких мнений. Оцените своё отношение к ним.

а) тем курящим, которые хотят бросить, нужны:

12.1. Собственная сила воли, решимость. Курящему нужно самому принять это решение и быть твёрдым и последовательным в его осуществлении. А если этого нет, то и любые внешние средства вряд ли помогут.

Полностью не согласен (а)	не согласен (а)	не уверен (а)	согласен (а)	полностью согласен (а)

12.2. Запрет лечащего врача в связи с состоянием здоровья.

Полностью не согласен (а)	не согласен (а)	не уверен (а)	согласен (а)	полностью согласен (а)

12.3. Специальные методы помощи бросающим, в том числе:

12.3.1. Научно обоснованные методы лечебно-медицинского характера.

Полностью не согласен (а)	не согласен (а)	не уверен (а)	согласен (а)	полностью согласен (а)

12.3.2. Методы, нетрадиционные для отечественной медицины: восточная медицина, оккультные и т.п.

Полностью не согласен (а)	не согласен (а)	не уверен (а)	согласен (а)	полностью согласен (а)

12.4. Перемены в образе жизни (в направлении более здорового образа жизни).

Полностью не согласен (а)	не согласен (а)	не уверен (а)	согласен (а)	полностью согласен (а)

б) общественные меры борьбы:

12.5. Увеличение числа общественных мест, где соблюдается запрет на курение.

Полностью не согласен (а)	не согласен (а)	не уверен (а)	согласен (а)	полностью согласен (а)

12.6. Ограничения в продаже (уменьшение доступности) сигарет.

Полностью не согласен (а)	не согласен (а)	не уверен (а)	согласен (а)	полностью согласен (а)

12.7. Психологическая поддержка бросающему курить со стороны близких.

Полностью не согласен (а)	не согласен (а)	не уверен (а)	согласен (а)	полностью согласен (а)

12.8. Психологическая поддержка бросающих друг другу: индивидуально и в группах.

Полностью не согласен (а)	не согласен (а)	не уверен (а)	согласен (а)	полностью согласен (а)

12.9. Разъяснение, пропаганда, содействующие лучшему пониманию вреда курения.

Полностью не согласен (а)	не согласен (а)	не уверен (а)	согласен (а)	полностью согласен (а)

13.0. Данные о себе:

13.1. Пол:

- мужчина
 женщина.

13.2. Ваш возраст:

19	20 – 29	30 – 39	40 – 49	50 -- 59
----	---------	---------	---------	----------

13.3. Образование:

н/среднее	среднее	с/специал.	н/высшее	высшее

14. Курят ли Ваши близкие родственники и знакомые, в том числе:

- супруг (а)
 друг (подруга)
 члены семьи
 коллеги по работе

Оставшиеся несколько вопросов будут различаться в зависимости от Вашего ответа на вопрос:

15. ВЫ СЕБЯ СЧИТАЕТЕ КУРЯЩИМ ИЛИ НЕКУРЯЩИМ ЧЕЛОВЕКОМ?

- Я курящий (ая)
 Я некурящий (ая)
 Затрудняюсь ответить

Если Вы не курите в настоящее время, то пропустите вопрос № 16 и переходите сразу к вопросу № 17.

16.1. Какое по продолжительности время (если были перерывы, то в сумме) Вы курите:

- менее 5 лет;
 от 5 до 15 лет;
 более 15 лет.

16.2. Как Вы любите курить (выберите 1-2 ответа):

- предпочитаю в уединении,
 предпочитаю за компанию, вместе с кем-либо,
 как получится, в зависимости от ситуации.

16.3. Как регулярно ли вы курите?

- каждый день
 не каждый день

16.4. Сколько сигарет в день вы обычно выкуриваете:

- более 1 пачки
 1-1/2 пачки
 менее 1/2 пачки.

16.5. Что такое для Вас курение:

- привычка,
- потребность организма,
- ритуал,
- затрудняюсь ответить.

16.6. Хотите ли Вы бросить курить:

- да,
- нет,
- не думал(а) об этом.

16.7. Удастся ли вам успешно бросить курить, когда Вы решитесь это сделать?

- уверен(а), что мне это удастся,
- не уверен(а),
- затрудняюсь ответить.

17. Вопросы только для некурящих.

17.1. Курили ли Вы в прошлом:

- Нет, систематически никогда не курил(а).
- Да, курил(а) непродолжительное время (до 5 лет)
- от 5 до 15 лет
- свыше 15 лет

17.2. Может ли так случиться, что Вы станете курящим впоследствии?

- скорее нет,
- не уверен(а),
- это возможно.

Благодарим Вас за участие в исследовании !

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Концепция психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности	10
1.1. Психологические отношения как предмет исследования	10
1.2. Личность и группа как субъекты психологических отношений	36
1.3. Теоретические подходы и эмпирические исследования внутригрупповых и межгрупповых отношений в социальной психологии	54
Глава 2. Программа и методики исследования отношения к табакокурению	78
2.1. Курение как явление совместной жизнедеятельности и как объект психологических исследований	79
2.2. Концептуальные основы методики	83
2.3. Процедура разработки методики. Описание методики	87
2.4. Процедура работы с методикой	96
Глава 3. Социально-психологические особенности отношения к табакокурению у курящих и некурящих мужчин и женщин	100
3.1. Общая характеристика результатов многоуровневого исследования отношения к табакокурению	100
3.2. Различия в отношении к табакокурению у курящих и некурящих людей	109
3.3. Особенности отношения к табакокурению во взаимосвязи с индивидуальным опытом личности, связанным с курением	115
3.4. Различия в отношении к табакокурению у мужчин и женщин	122
3.5. Межличностный и межгрупповой уровни анализа отношения к табакокурению	129
3.6. Сравнение отношения к табакокурению у подгрупп, выделенных по двум критериям одновременно	133
Заключение	141
Библиография	144
Приложение	178

Научное издание

Позняков В. П.

**социально-психологическое исследование
отношения к табакокурению**

Монография

В редакции автора

Подписано в печать 18.11.2010. Формат 60*84 1/16.
Бумага офсетная. Печ. л. 10. Тираж 100 экз. Заказ № 260.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательства Московского гуманитарного университета